

ISSN 1606-6251

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО
ОБЩЕСТВА

2023

Вып. 1-2 (103-104)

МОСКВА 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д.филос.н., проф. **Ю.М. Резник** (Москва, ИФ РАН)

Заместитель главного редактора

д.филос.н., проф. **Ю.Д. Гранин** (Москва, ИФ РАН)

Ответственный секретарь

к.филос.н. **Д.А. Шевелева** (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

Члены редколлегии: д.филос.н. А.Ю. Антоновский (Москва, ИФ РАН), к.филос.н. Л.Е. Балашов (Москва), д.филос.н., проф. В.Н. Белов (Москва, РУДН), д.филос.н., проф. В.Ю. Бельский (Москва, МУ МВД), д.филос.н., проф. М.И. Билалов (Махачкала, ДГУ), д.филос.н., проф. И.И. Докучаев (Санкт-Петербург, СПбГУ), д.филос.н., проф. В.В. Колотуша (Голицыно, МПСУ), к.филос.н., доц. А.Д. Королёв (Москва, ИФ РАН), д.филос.н. А.А. Крушанов (Москва, ИФ РАН), д.филос.н., проф. И.К. Лисеев (Москва, ИФ РАН), д.филос.н. О.В. Малюкова (Москва, МГЮУ), к.филос.н. Л.Ф. Матронина (Москва, МГСУ), д.филос.н., проф. Б.В. Марков (Санкт-Петербург, СПбГУ), к.филос.н. С.А. Павлов (ИФ РАН), к.филос.н., доц. Т.П. Покровская (Москва, МГУ), д.филос.н., проф. Г.В. Сорина (Москва, МГУ), к.филос.н., доц. Н.А. Степанов (Рязань, РГРТУ), В.Н. Шевченко (Москва, ИФ РАН).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Сопредседатели совета: акад. РАН, д.филос.н., проф. **В.А. Лекторский** (Москва, ИФ РАН); акад. РАН, д.филос.н. **А.В. Смирнов** (Москва, ИФ РАН).

Члены совета: д.филос.н., проф. Б.С. Галимов (Уфа, БашГУ), д.филос.н., проф. В.С. Диев (Новосибирск, НГУ), д.филос.н., проф. Г.В. Драч (Ростов-на-Дону, ЮФУ), д.филос.н., проф. Н.С. Кирабаев (Москва, РУДН), к.филос.н., доц. А.П. Козырев (Москва, МГУ), д.филос.н., проф. В.И. Кудашов (Красноярск, КрасГИИ), д.филос.н., проф. Н.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, СПбГУ), д.филос.н., проф. Т.Г. Лешкевич (Ростов-на-Дону, ЮФУ), д.филос.н., проф. В.В. Мантатов (Улан-Удэ, ВСУТУ), д.филос.н., проф. А.В. Перцев (Екатеринбург, УФУ), д.филос.н., проф. В.А. Рабош (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), д.филос.н., проф. В.Б. Устьянцев (Саратов, СГУ), д.филос.н., проф. Н.А. Шермухамедова (Ташкент), д.филос.н., проф. А.В. Шестопап (Москва, МГИМО), д.филос.н., проф. М.Д. Шелкунов (Казань, КФУ), д.филос.н., проф. Я.С. Яскевич (Минск).

Редакция: Н.С. Чижков (Москва, ИФ РАН) – заведующий редакцией, Д.А. Шевелева (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ), С.В. Бутенко (Москва, Юрид. колледж) – помощник главного редактора.

Изменения в составе редколлегии и редсовета журнала «Вестник РФО» приняты на заседании Президиума РФО 15 февраля 2023 г. (Протокол № 1).

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА. 2023.

Вып. 1-2 (103-104). – 232 с.

Выходит ежеквартально с января 1997 г.

СОДЕРЖАНИЕ

**ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(КОЛОНКА РЕДАКТОРА)**

Резник Ю.М. (Москва) Философская элита в современной России: на пути к консолидации 5
Шевченко В.Н. (Москва) Какая философия нужна сегодня России? 48

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Онтология и теория познания. Логика

Аргамасова А.А. (Москва) Ценность субъективного знания 78
Билалов М.И. (Махачкала) Методологическая роль философской онтологии и гносеологии в исламской теологии 92

1.2. Философская антропология и практическая философия

Бочарников В.Н. (Владивосток) Философия в поисках кода человека 101
Перов Р.С. (Москва) Потребность человека в творчестве в мире постмодерна 112

1.3. Философия науки и техники

Седов В.В. (Санкт-Петербург) Концепция «нового потерянного поколения» как философская идея цифровой трансформации общества 121

1.4. Философия культуры и образования

Кудинова К.С. (Москва) Философско-историческая концепция Л.Н. Толстого в романе «Война и мир» 136
Малюкова О.В., Матронина Л.Ф. (Москва) Цифровизация как вызов российскому образованию 149

1.5. Эссе

Васильев А.И. (Санкт-Петербург) Опыт комплексных междисциплинарных системных исследований общественного развития 165
Кулев А.В. (Санкт-Петербург) О свободе и несвободе в повседневной жизни 169

1.6. В порядке дискуссии

<i>Никандров А.В. (Москва)</i> Советский «государственный марксизм» как идейная система	175
---	-----

2. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Научная жизнь

<i>Дергачева Е.А. (Брянск)</i> Круглый стол «Вузовская педагогика и экономика о сохранности и укреплении биосферной жизни» в Брянской областной библиотеке	194
<i>Кудрина С.А. (Ярославль)</i> Современные подходы к соотношению между философией и новым интегративным знанием	197
<i>Максимов М.В. (Иваново)</i> Юбилей В.С. Соловьёва в Ивановском государственном энергетическом университете	204

2.2. Рецензии

<i>Салтыков С.М. (Нижний Новгород)</i> Рецензия на книгу Л.Е. Балашова «Занимательная этика»	206
--	-----

2.3. Поздравляем с юбилеем

Вишеву Игорю Владимировичу – 90 лет!	209
Пигрову Константину Семеновичу – 85 лет!	210
Билалову Мустафе Исаевичу – 75 лет!	211
Максимову Михаилу Викторовичу – 70 лет!	212
Курносому Юрию Васильевичу – 70 лет!	213
Золкину Андрею Львовичу – 60 лет!	213
Когай Евгении Анатольевне – 60 лет!	214

2.4. Памяти коллег

Хасбулатов Руслан Имранович (1942-2023)	215
Самсин Алексей Иванович (1923-2023)	217
Демиденко Эдуард Семенович (1937-2023)	218

2.5. Информация для членов РФО

Решения Президиума РФО	220
Решение Оргкомитета IX РФК	225

Содержание (на англ.)	228
-----------------------------	-----

Философия в современной России (Колонка редактора)

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_5_47

Ю.М. Резник

ФИЛОСОФСКАЯ ЭЛИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НА ПУТИ К КОНСОЛИДАЦИИ

Аннотация: в статье определены некоторые тенденции формирования философской элиты в современной России и показан её двойственный характер. В настоящее время ей необходимо самоопределяться, чтобы ответить на актуальные цивилизационные вызовы России, которые исходят со стороны Запада. По идейным и ценностным основаниям она подразделяется условно на несколько групп («западники», «консерваторы», сторонники «русского мира» и пр.). Для консолидации элиты необходимо разработать интегративные, «объединяющие» идейные платформы и использовать проектные возможности различных центров профессиональной активности отечественных философов.

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, философия, философская элита, критерии оценки, идейная платформа, западники, консерваторы, региональная элита, групповая инверсия, конверсия, философские рецепции, интегративные платформы, проекты.

1. Введение

Фундаментальные начала общественной жизни России. Россия переживает сегодня трагический момент в своей истории.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

На карту поставлено её выживание как страны, государства и цивилизации. Поэтому цивилизационная парадигма России (комплекс базовых представлений и методов построения цивилизационного проекта) нуждается в принципиальном изменении. Прежняя парадигма, ориентированная на Запад, а также предложенные ею критерии цивилизационного развития нам уже не подходят (см., например, [5]). Нужна иная стратегия, способная разрешить фундаментальные противоречия общественного развития и учитывающая логику развития собственной культуры (или культур).

Убеждён, что единый цивилизационный проект и обусловленная им консолидация элиты может состояться лишь посредством примирения двух общественных начал современной России — условно «буржуазно-мещанского», выражающего интересы не только богатейших людей страны (элиты в широком смысле), но и дух потребительства и стяжательства, с одной стороны, и «народно-социального» (народно-социалистического), тяготеющего к идеям справедливости, равенства и естественности (природосообразности), с другой. Им соответствуют разные идеалы — эго-человечность («концентрация на частных интересах») и социальная или коллективистская человечность («ориентация на коллективные цели и интересы»). Другими словами, в рамках данного проекта можно попытаться соединить в одно целое две России — буржуазно-мещанскую, в которой господствует такой человеческий тип, как эго-деятель, и народно-социалистическую, где присутствует социо-деятель. Пока же они существуют порознь и в конфликте друг с другом.

Новейшая (преимущественно либеральная) российская буржуазия, получившая доступ к собственности и другим ресурсам в результате полукриминальной приватизации и последующих радикально-либеральных реформ, оказалась связанной корпоративными обязательствами с государством и породила особый слой буржуазной бюрократии (см. прим. 1). Поэтому в России не удалось создать общество на основе договора между государством и индивидами. Сферу действия такого договора, который был призван гарантировать неприкосновенность индивида, его права и собственность, заняли государственные чиновники с их негласными правилами и посредническими услугами.

В то же время, что бы ни происходило в России в последние тридцать – тридцать пять лет, оно не смогло стереть в сознании людей потрясающий по своей живучести феномен – «народный социализм» (устойчивый комплекс представлений о справедливом общежитии людей). Его носителем стала народная общественность, которая сформировалась из активной части наёмных и бюджетных работников, осознавших общность своей исторической судьбы.

Но есть и третий субъект цивилизационного развития России. Так уж сложилось в её новейшей истории, что своеобразным буфером между её буржуазной прослойкой и народной общественностью может выступить (и фактически выступает) только национально-ориентированная государственная бюрократия, способная соединить частно-корпоративные интересы и общенародные устремления. И отечественным философам приходится считаться с этим.

Следует отметить, что этатизм есть устойчивая тенденция в развитии российского общества, своего рода константа, сложившаяся в стране за последние несколько сотен лет. Возможно, поэтому в современной России так и не прижилась европейская модель гражданского общества как добровольного объединения собственников, независимых от государства и способных диктовать ему свою политическую волю через легальные механизмы (выборы, забастовки, демонстрации, выступления в СМИ и пр.).

Ведь те, кто пришёл к власти в 1990-е гг. и, несмотря на либерально-буржуазный характер их реформ (проведение приватизации, провозглашение рыночной экономики, утверждение демократической по форме политической системы и пр.) и всю силу пропагандистской машины, так и не сумели разрушить мощную этатистскую традицию в России. Вместе с тем они не смогли уничтожить веру народа в свою Правду и свой идеал социализма как общества равных возможностей. Когда-то считалось, что народ и партия едины. Сегодня ситуация несколько иная, но прежняя командно-административная система социализма не ушла в небытие, а трансформировалась в новую вертикаль власти – нынешнюю государственную бюрократию. При этом народный социализм как феномен общественного сознания продолжает жить вопреки всему. И власть вынуждена с этим

считаться, апеллируя время от времени к воле народа и поддерживая социальные ориентиры государственной политики.

Элитарность есть результат корпоративного отбора капиталистического общества, которое основано на господствующем положении крупной буржуазии (или иного властвующего субъекта, пришедшего ей на смену) и дифференцировано внутри себя по разным основаниям. Но, как известно, в современной России сложился особый тип капитализма — этатистский («государственный капитализм»), который не случайно пришёл на смену государственному или командно-административному социализму. Поэтому отбор элит в ней ведётся несколько по другим критериям, чем в странах так называемого либерального капитализма. Но об этом мы поговорим чуть позже.

Следует отметить, что концепции элиты трудно применимы к анализу советского общества. Для этого нужны совершенно иные критерии. Но в одном нынешняя элита близка к прежней партийно-государственной номенклатуре — в наследовании этатистских традиций.

Пути в философию, которые мы выбираем. У тех же, кто занимается философией, также имеется выбор в том, как и куда нужно идти. Другими словами, есть разные способы «хождения» в философии и магистральные пути философствования. Причём каждой исторической эпохе соответствовала своя пара типов философствования, один из которых занимает доминирующую позицию в сообществе философов, а другой — подчинённую.

В императорский период российской истории можно было, например, «идти к государю», становиться провозвестником его монаршей воли (доминирующая позиция), или, напротив, «идти в народ», как это делали в то время философы-народники, стремящиеся к просвещению народа и поиску народной правды. Накануне революции 1917 г. и в советский период российской истории можно было «идти в революцию», жертвуя собой ради высокой цели, или «идти в партию» и становиться партийным идеологом (доминирующая позиция). Имеется также путь «хождения в элиту», т.е. в касту избранных (и иногда самопровозглашённых) властителей ума, который стал доступен нашим философам в конце XX века (доминирующая позиция). А ещё можно быть в условной оппозиции к тем или другим, реализуя альтер-

нативные варианты философствования и выбирая разные пути «хождения по мукам», которые описаны в трудах русских философов и писателей, в т.ч. в одноименном романе-трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам».

Пути, как мы видим, разные, но исход у всех них один — «прорастание» внутри философии, превращение её в дом своего сознания или в осмысленную, отрефлексированную и постоянно рефлексирующую часть территории собственной жизни. Поэтому философия может выступать в формах монархического или народного, революционного или партийного, элитарного или антиэлитарного сознания, существующих как по отдельности, так и в разных комбинациях, что не отменяет факт доминирования одной из позиций.

Различаются же эти пути не только по миссии «хождения», но и по способам самопрезентации: быть «глашатаем воли государя» (монарха) или выразителем народной мудрости и правды; быть идейным вдохновителем революции или партийным идеологом; наконец, быть представителем избранной части профессионального философского сообщества (элита) или занимать «независимую» позицию и находиться в оппозиции (контрэлита).

И здесь мы можем выделить несколько отрядов философов, которые исторически сменяли друг друга: «философы-монархисты» и «философы-народники», «философы-революционеры» и «партийные философы», «элитарные философы» («философы-элитарии») и «независимые философы», часть из которых может составлять контрэлиту. Между ними могут возникать разного рода связи исторической преемственности: «философы-народники» эволюционируют со временем в «философов-революционеров», которых сменяют «партийные философы», а последние трансформируются в конце прошлого века в «элитарных философов».

А теперь обратимся непосредственно к феномену философской элиты.

К определению философской элиты. «Первые среди прочих». Обычно к элите относят группу лиц, занимающих высокие посты или значимые позиции в государстве, бизнесе, сфере культуры или науки (фр. *élite* — «лучшее; отборное», от лат. *eligo* — «выбираю»). Представители элиты (или «элитарии») — это «первые среди прочих» в обществе, которые появляются на стадии

становления капитализма и первоначально являются выходцами из буржуазии.

Писать об элите в такой области, как философия, сложно, поскольку придётся признать, что она также является отчасти буржуазной, каковой в значительном мере стала сегодняшняя Россия. Но это не совсем так. Её «буржуазность» – вторичный признак. В силу сложившихся в России этатистских традиций преобладающая часть её элиты, в т.ч. философская, служит непосредственно не буржуазии, а государственной бюрократии, от которой напрямую зависит её благополучие.

Далее я буду считать элитой в философском сообществе России ту группу (или группы) известных специалистов, которая исторически формируется в 1990-е гг. и которая, находясь под контролем государства (государственной бюрократии) длительное время: (1) стремится задавать тренды развития философии, реализуя тем самым собственные или заимствованные исследовательские стратегии/платформы; (2) определяет повестку дня философских дискуссий и дискурсов, наполняя их тем или иным идейно-теоретическим содержанием; (3) занимает командные позиции в научной иерархии сообщества, выступая в качестве лидеров и руководителей различных проектов в научно-образовательных учреждениях, их подразделениях, учебно-методических объединениях, экспертных и диссертационных советах, периодических изданиях, общественных объединениях и пр.).

В идеале философскую элиту не назначают сверху, ею становятся в ходе успешного продвижения идейно и ценностно окрашенных философских проектов как внутри страны, так и за рубежом. При этом её развитие во многом зависит от господствующих в обществе представлений о цивилизационном будущем страны. Но на практике, т.е. с учётом наших политических реалий, её положение определяется не только общественным мнением и содержанием исследовательской платформы, но и поддержкой государственной власти. Могу предположить, что традиционно в России шанс на реализацию своей платформы (программы) в первую очередь получает та часть элиты, которая выстраивает «правильные» отношения с властью и добивается её признания.

Полагаю, что отечественная философская элита, сформированная из среды бывших партийных философов, оказалась вполне

способной к самотрансформации. Несмотря на реформы 1990-х гг., она видоизменилась в идейно-теоретическом плане, но не мимикрировала, сохранив социальную устойчивость и ведущие властные позиции. При этом она смогла пережить в постмарксистский период своей деятельности две волны трансформации («либерально-буржуазную» в 1990-е гг. и «консервативно-буржуазную» в 2000-е — 2010-е гг.). И на смену ей так и не пришла контрэлита из числа независимых представителей философской интеллигенции, хотя предпосылки для этого, конечно, были и до сих пор существуют.

В целом надо признать, что нынешней философской элите России, вышедшей в 1990-е гг. из числа бывших партийных философов и унаследовавшей элитарные традиции, удалось сделать за тридцать с лишним лет достаточно много, в т.ч.:

- наладить сеть научных коммуникаций с философами Запада и других цивилизационных центров мира;

- организовать подготовку и издание фундаментальных трудов, в т.ч. научных переводов классиков философии, новой философской энциклопедии, словарей и справочников, серии книг по истории отечественной и зарубежной философии и т.д.;

- поддержать деятельность редакций философских журналов и философских сообществ (общественных организаций и объединений, в т.ч. РФО);

- сохранить философию как учебную дисциплину в вузах и средних профессиональных учреждениях, несмотря на некоторые губительные (для гуманитарного цикла дисциплин) последствия реформ образования в стране, и даже расширить профессиональную подготовку философов.

Но достаточно ли этого, чтобы по-прежнему считаться элитой? Мне трудно судить. Возможно, чтобы быть элитарным философом, надо попытаться выразить или запечатлеть эпоху в мысли, как призывал Гегель. По силам ли нашей элите такая миссия? Не знаю. Пока она даже не претендует на это, отдавая лавры первенства в формулировании основополагающих философских идей западным мыслителям, которые уже объявили наступление эры «философии без границ», а значит, экспансия западной философии всё ещё продолжается.

Замечу также, что мой анализ не лишен идейно-ценностных пристрастий и будет проводиться с позиций консервативного

(пророссийского) крыла философского сообщества. От элитарности трудно освободиться, как и от лоскутка шагреновой кожи, который предписывал герою известного романа О. Бальзака особый путь, хотя и губительный в духовном плане, но полный невероятных возможностей.

Шагреновая кожа — это своего рода талисман, который получают элитарии при вступлении в сообщество «равноизбранных». И, желая того или нет, они остаются его заложниками на всю оставшуюся жизнь. За исполнение своих желаний приходится платить несопоставимую цену. Поэтому быть элитарием в духовно-нравственном плане — это тяжкая ноша, которая, удовлетворяя вполне объяснимые человеческие амбиции, а также предоставляя новые жизненные шансы, отбирает вместе с тем силы и энергию от главного дела жизни — служения философии. Но здесь многое зависит от путей «хождения в философии», которые мы выбираем. В элиту нельзя попасть, что называется, «с улицы» или по-своему желанию/хотению.

Конечно, при изучении философской элиты проще всего обратиться к количественным показателям оценки научной результативности, определяющих рейтинг исследователя в научном «табеле о рангах» (количество цитируемых произведений, коэффициент Хирша и пр.). Но при выборе претендентов на элитарность мы сталкиваемся, как минимум, с тремя трудностями. Во-первых, многие из тех, кого система РИНЦ относит к философам, не являются кандидатами или докторами философских наук. К тому же их принадлежность к философскому цеху трудно определить. Во-вторых, непонятно, как быть с теми исследователями, которые работают не по профилю или в нефилософских научно-образовательных учреждениях. И, в-третьих, те, кто входит в элиту по факту, не всегда располагают высоким научным рейтингом. Поэтому в любом случае приходится иметь дело лишь с приблизительными данными исследователей, которые идентифицируют себя с философией.

Могу опять же предположить, что элитарными философами в России становятся чаще всего не по формальным критериям (и даже не по совокупности показателей: рейтинг, публикационная активность, победа в научных конкурсах и пр.), хотя бывают и редкие исключения. Существует ещё негласный (неформальный)

рейтинг, который формируется общественным мнением внутри сообщества и во многом благодаря личным контактам.

И всё же недостаточно получить высокий рейтинг или иметь признание коллег или сторонников, чтобы войти в элиту (например, стать академиком РАН). Вход в неё, как и в любое корпоративное образование, ограничен. Поэтому мало быть известным исследователем и пользоваться авторитетом в «узких» или «широких» научных кругах. Необходимо ещё освоить правила входа («допуска») в элиту и получить поддержку влиятельных лиц или корпоративных структур. И в этом я не вижу ничего предосудительного. У каждого общества имеются своя культурная специфика «хождения в элиту» и особенности становления философа в качестве элитарного деятеля.

Впрочем, существует ещё один, некорпоративный путь хождения в философии – движение «других первых» в философском сообществе. Но их нельзя считать элитой в указанном выше смысле. Допускаю, что им ещё только предстоит ею стать. А, возможно, они «пойдут другим путём», как сказал В.И. Ульянов после казни своего брата Александра.

Цель и задачи анализа. Основная цель данного исследования – сравнительный анализ формирования разных групп философской элиты современной России на основе предложенных автором критериев экспертной оценки. При этом задачи исследования таковы:

1) попытаться выявить качественные (профессиональные, идейные, ценностные, цивилизационные) характеристики сообщества элитарных философов, учитывая их собственный опыт самопрезентации и самоописания;

2) показать двойственность положения философской элиты в России и механизмов её формирования, в т.ч. рассмотреть идентификационные и корпоративные механизмы;

3) проанализировать возможности интеграции исследовательских платформ, предлагаемых представителями «западнической» части элиты;

4) определить альтернативные пути интеграции исследовательских платформ на основе обобщенных критериев.

В качестве рабочих гипотез выскажу следующие положения:

а) можно предположить, что отечественная философская элита складывается в результате корпоративного отбора в пери-

од капиталистической трансформации российского общества и приходит на смену прежним корпоративным объединениям философов, сохраняя при этом этатистские традиции;

б) можно также предположить, что качество элиты определяется, с одной стороны, государственной корпоративностью (как принадлежностью к философским корпорациям, интегрированным в государственные структуры), а с другой — принятой идейно-ценностной платформой, соответствующей тому или иному культурно-цивилизационному контексту;

в) по-видимому, двойственность философской элиты определяется, прежде всего, тем, что она, продолжая существовать одновременно как в чужой (западноцентристской), так и в собственной (россицентристской) системе цивилизационных координат, разделена по ценностным (прежде всего, по буржуазно-мещанским или народно-социальным) и региональным критериям, а также благодаря механизмам идентификации и корпоративного отбора;

г) можно допустить, что консервативный поворот в деятельности современной философской элиты России происходит в форме противоборства двух направлений (векторов) развития, каждое из которых содержит потенциал для интеграции идейных платформ: условно корпоративно-буржуазного (правые консерваторы) и социально-евразийского (левые консерваторы).

Сразу хочу отметить, что чётких критериев оценки элитарности философов до сих пор не существует, или они разработаны в недостаточной мере. Поэтому мне придётся идти по неизведанному маршруту, что называется, «наощупь». И я отдаю себе отчёт в том, что на этом пути меня ожидает много «подводных камней». Например, чтобы быть хотя бы отчасти беспристрастным, необходимо абстрагироваться от имеющихся у элитариев техник самоописания и самопрезентации, которые создают выгодный или удобный для них образ действий.

2. Анализ состояния философской элиты в современной России

Некоторые предпосылки анализа качественных параметров элитарности отечественных философов. Перейду теперь к анализу проблемы определения качества философской элиты. В целом

это качество я могу выразить одним словом — «корпоративность», которая рассматривается как в узком (буржуазная корпоративность), так и в широком культурно-цивилизационном контексте (западническая или консервативная, пророссийская корпоративность). А это значит, что качество элиты определяется в первую очередь её включённостью в корпорации своего государства и в международные философские корпорации. При этом я вижу несколько путей постановки и решения данной проблемы.

Во-первых, качество философской элиты обусловлено как *локально-цивилизационной*, так и *глобальной* спецификой её профессиональной деятельности. Этим содержание фундаментальных исследований в естественных или точных науках отличается от содержания гуманитарных и философских исследований. Для «естественников» важно последовательно решать поставленные задачи, опираясь на добротную экспериментальную базу, и в итоге совершить научное открытие, имеющее зачастую глобальный характер. Для философа же предметом эксперимента выступает весь мир. Последний конструируется в его сознании с учётом близкого ему культурного контекста. Поэтому он осуществляет мысленный эксперимент, который, опять же, можно верифицировать по культурным основаниям. Мысль о мире вообще субъективна и интерессубъективна в одно и то же время. Хотя её индивидуальное своеобразие нельзя воспроизвести в голове другого философа, но её можно передать другому как носителю родственной культуры в виде определённой мыслесхемы.

Поэтому философ каждый раз, приступая к исследованию, создаёт образ мира (или его сегмента) в своём воображении, который изначально культурно детерминирован. И очевидно, что это не только его картина мира или его взгляд на него, которые нельзя скопировать или передать другому. Ведь он находится не в безвоздушном пространстве, а погружён в уникальную социоприродную и культурную среду (сферу местобытия). Кроме того, он должен следовать корпоративным канонам того или иного философского сообщества. Таков удел любого элитарного философа. Чтобы сохранить своё «привилегированное» положение, он должен, кроме всего прочего, быть выразителем интересов корпорации, от имени которой создает мыслесхемы и смыслы эпохи.

Следовательно, качество философской элиты и вырабатываемой ею картины мира зависит во многом от исходного социального и культурно-цивилизационного образца. В известном смысле философия есть самосознание локально-исторической цивилизации. Пока такого самосознания нет, нет по большому счету и единой национальной философии, а, следовательно, её субъект — философская элита — оказывается внутренне раздробленным. В нём по-прежнему присутствуют как сторонники западной (в т.ч. европейской) культуры, так и те, кто опирается на лучшие традиции русской и советской философии. И если первые из них, по видимому, считают философию носителем универсальных идей, культивируемых западной цивилизацией, то вторые настаивают, скорее всего, на определяющем характере культурно-цивилизационного контекста («почвы») всякой философии. При этом и те, и другие являются представителями нашей элиты.

Но это в теории. А на практике профессиональная деятельность элиты принципиально не изменилась в нынешнее время. Большинство её участников по-прежнему занимаются тем, чем занимались раньше. И лишь немногие из них пытаются изменить или скорректировать картину мира, вписывая в неё цивилизационную стратегию России и отмечая такие черты, как все-субъектность, полиэтничность, многоконфессиональность, пограничный характер и пр. Но имеются и противники российского цивилизационного проекта, отказывающие России в самостоятельном пути развития и подчёркивающие её несамодостаточность, а также наличие в ней перманентного социокультурного раскола.

Вывод: качество философской элиты зависит не столько от самобытности и оригинальности мышления входящих в неё философов, сколько от их возможности создавать новую картину мира с учетом культурно-цивилизационных координат собственной страны. Вопрос же о том, можно ли считать элитой философов, которые не придерживаются данного критерия и продолжают работать в чужой цивилизационной логике, я оставляю открытым.

Во-вторых, философская элита призвана задавать мировоззренческие тренды своей страны. Увы, на философские идеи, как и на предметы искусства, существует *мода*, которой следуют

философы как представители разных корпоративных объединений, являющиеся в свою очередь участниками международных мегакорпораций (см. прим. 2). Законодателями же моды во многих российских философских корпорациях чаще всего выступают известные западные мыслители.

В 1990-е гг. наши философы в своём большинстве отошли от марксизма, вынужденно отказавшись от статуса партийных философов, и принялись активно осваивать зарубежное философское наследие. Поэтому до недавнего времени в России было в известном смысле «модно» заниматься новейшими течениями западной философии (экзистенциализм, неореализм, прагматизм, аналитическая философия, постмодернизм и т.д.).

Теперь же мода на них не то, чтобы прошла, но появились новые настроения, навеянные нынешней ситуацией противостояния России с Западом. Всё больше звучат призывы быть патриотичными или чаще обращаться к истокам русской философии, чтобы искать в ней ответы на животрепещущие вопросы современности. Но многие элитарные философы оказались не готовы к новым вызовам.

Возможно, это объясняется тем, что смена западнцентристской парадигмы окончательно не произошла и поэтому новое лицо отечественной философии в полной мере не проявилось. Для сторонников консервативного (пророссийского) крыла философской элиты стало очевидным, что нужна культуроцентристская (и россицентристская в целом), т.е. базирующаяся на собственной культуре и укоренённая в местобытии, парадигма цивилизационного развития России. Но пока дальше осознания этого они не пошли. И вполне возможно, что перед другими элитарными (и не только) группами подобная задача не стоит.

Ещё раз подчёркиваю, Россия заслуживает собственной философской повестки дня. И ей не следует соответствовать модным течениям в западной философии, чтобы сформировать свои ответы на цивилизационные вызовы современного мира. Достаточно обратиться к критическому анализу как собственного, так и зарубежного исторического опыта. И я уверен, что нынешнее философское сообщество страны сможет решить эту задачу, если ему, конечно, удастся перестроиться и объединиться на новых, в т.ч. на корпоративных, основаниях.

Вывод: отечественная философия и её элита, учитывая подверженность влиянию модных тенденций, а также в силу отсутствия конвенционально приемлемой цивилизационной парадигмы, характеризуется сегодня состоянием неопределённости и поиска новых исследовательских направлений.

В-третьих, качество философской элиты современной России зависит от степени её интегрированности *в международные структуры* и от того, что она может предложить для решения проблем, актуальных для нынешнего состояния российского общества, оказавшегося в буквальном смысле в экономической и политической блокаде. Ведь совместить глобальную и национальную повестки дня сегодня трудно. Для официальных политиков Запада Россия – страна-агрессор и авторитарная система. Да и западные философы выступают с осуждением российских исследователей, поддерживающих политический курс российского государства, и оказывают на них воздействие через философские мегакорпорации.

Но что предлагает западная мегакорпорация философов в качестве повестки дня современной философии? На следующий всемирный философский конгресс, который состоится в августе 2024 г. в Риме, официального приглашения в Российское философское общество не поступало. Однако отдельные философы могут подавать заявки на конгресс и решать проблему своей поездки самостоятельно (см. прим. 3). Кроме того, организатор конгресса – Международная федерация философских обществ (МФФО) – *10 марта 2022 г. приняла «Заявление о российском вторжении в Украину»*, что придаёт предстоящему конгрессу политическую окраску.

Российским философам, как и спортсменам – участникам олимпиад и мировых чемпионатов, предлагается отказаться от символического флага своей Родины в угоду так называемой «мировой философии», звание которой присвоили себе западные философские корпорации, претендующие на универсализм своих подходов и ценностей, и осудить действия политического руководства своей страны. Не случайно тема очередного всемирного конгресса – «Философия через границы» (варианты – «Философия без границ», «Философия вне границ»; см. прим. 4). И дело не только в том, что вряд ли многие отечественные фи-

лософы, переживающие тяжелый момент в жизни своей страны, смогут адекватно воспринять феминистскую философию, теорию игр, гендер- и квир-философию или философию еды как актуальную часть своей исследовательской программы.

Нетрудно догадаться, какая философия должна пройти «сквозь» или «через» границы, которые определяются философскими корпорациями Запада. Я убеждён, что нет такой философии, которая подходит для всех обществ и культур современного мира. Те, кто предлагает убрать границы, вовсе не безобидные космополиты, а субъекты, заинтересованные в продолжении доминирования либерально-западнических идей и корпоративных ценностей в интеллектуальном пространстве России. Но теперь они отказывают нашей стране в идейном суверенитете и привносят в её образ ещё и политические мотивы.

Вывод: философская элита как качественная определённая сложилась под идейным воздействием философских мегакорпораций Запада, зависимость от которых ей пока не удалось преодолеть. Не учитывать последнее — это значит не понимать реального положения, в котором оказалась отечественная элита в последние годы. Но хватит ли ей решимости от зависимости и предъявить свою картину мира и программу переустройства России в условиях цивилизационного противостояния с Западом, покажет время.

В-пятых, качество философской элиты зависит от того, какую *историю* современного этапа развития философской мысли и какие фундаментальные издательские проекты (монографии, переводы, энциклопедии, периодические издания и пр.) ей удалось создать как внутри сообщества, так и за рубежом.

Центральный момент в развитии и самоописании элиты — создание национальной философской энциклопедии. По сути дела, это можно считать показателем состоятельности элиты, её способности выходить за жёсткие рамки западных философских корпораций и предлагать собственную и адаптированную систему категорий, посредством которой формируется картина мира, учитывающая исторический опыт и социокультурные реалии России. Поэтому смена поколений в элите происходит во многом в зависимости от фундаментальных исследовательских и издательских проектов, продвигаемых и реализуемых новым поколением философов страны.

Надо признать, что советскому поколению философов удалось издать в 1960-х гг. – начале 1970-х гг. пятитомную энциклопедию (под ред. акад. Ф.В. Константинова), которая служила читательской аудитории несколько десятилетий благодаря блестящему авторскому коллективу.

Поколение элитарных философов, которое пришло на ключевые позиции в российской философии на следующем этапе, смогло подготовить в 1990-е гг. и издать в 2000-2001 гг. «Новую философскую энциклопедию», вышедшую в 4-х томах (председатель научно-редакционного совета – акад. В.С. Степин). Она получила широкое признание и до сих пор является единственным энциклопедическим изданием такого масштаба в стране. Кроме того, коллектив Института философии РАН продолжает выпуск электронной философской энциклопедии под руководством акад. А.А. Гусейнова (см. прим. 5).

В дополнение к энциклопедии выходят также фундаментальные книжные серии, в т.ч. серия «Философия России» – совместный проект Института философии РАН, Фонда им. Г.П. Шедровицкого и издательства «Российская политическая энциклопедия», при финансовой поддержке Фонда Олега Дерипаска «Вольное Дело». Редакционный совет серии: В.С. Стёпин (председатель), В.А. Лекторский (главный редактор серии), А.А. Гусейнов, В.И. Толстых, П.Г. Шедровицкий.

Как сообщается на сайте Института философии РАН, проект «Философия России второй половины XX века» стартовал в 2006 г., успев обогатить библиотеки биографиями русских мыслителей второй половины XX века, оказавших влияние на мировую науку. Серия состоит из 21 тома и посвящена анализу идей, высказанных А.Ф. Лосевым, М.М. Бахтиным, В.Ф. Асмусом, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Кедровым, Э.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фроловым, П.В. Копниным, В.С. Библером, Г.П. Шедровицким, М.А. Лифшицем, Г.С. Батищевым, М.К. Петровым, В.А. Смирновым, Э.Г. Юдиным, Ю.М. Лотманом, Л.Н. Митрохиным. Отдельный том называется «Из XX века в век XXI: В.С. Стёпин, Т.И. Ойзерман, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский» (см. прим. 6). Ещё один том – «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд» (под ред. В.А. Лекторского) – вышел в 2014 г. В новой

серии «Философия первой половины XX века» издано ещё 37 томов.

Отдельного внимания заслуживают научные переводы трудов известных зарубежных философов, оказавших влияние на философскую мысль страны. За последние десятилетия в России изданы сотни переводов важнейших философских произведений. И в этом ключевую роль сыграли элитарные философы. Многие из них являются не только прекрасными исследователями, но и профессиональными переводчиками.

Философская элита страны располагает также собственной сетью научных журналов. Только в Институте философии РАН выходит 12 журналов, в т.ч. «Вопросы философии» (глав. ред. — Б.И. Пружинин), «Философский журнал» (глав. ред. — А.В. Смирнов), «Эпистемология и философия науки» (глав. ред. — И.Т. Касавин), «Философия науки и техники» (глав. ред. — В.А. Лекторский), «Логические исследования» (глав. ред. — В.И. Шалак), «Этическая мысль» (глав. ред. — А.А. Гусейнов), «История философии» (глав. ред. — И.И. Блауберг), «Философия религии» (глав. ред. — В.К. Шохин) и др. Кроме того, философские журналы издаются в разных регионах страны, в т.ч. во всех отделениях РАН и крупнейших вузах.

Вывод: качество философской элиты России определяется уровнем фундаментальных научных и издательских проектов, в т.ч. энциклопедиями, сериями книг и периодическими изданиями (научными журналами и альманахами). Но главный проект, который формирует научную репутацию элите в масштабе всей страны и за рубежом, — это, разумеется, национальная философская энциклопедия. Она, если хотите, есть визитная карточка элиты в мире «большой» философии.

Итак, философская элита современной России является идейно не самодостаточной по содержанию своей исследовательской деятельности и корпоративно-государственной по форме организации. Налицо все классические признаки корпоративности — привилегированное положение, закрытость, обособленность и замкнутость в пределах устанавливаемого или конструируемого философского пространства («контролируемых философских территорий»). Кроме того, она интегрирована в международные (прежде всего, западные) мегакорпорации. Но корпо-

ративность — не приговор, а характерная черта развития нынешней элиты, которая, наверное, сегодня другой быть не может. Наступит время и появятся новые формы объединения философов. А пока надо понять, чем объясняется двойственность отечественной философской элиты и как можно соединить противоборствующие в ней корпоративные объединения.

Двойственность философской элиты в России и различие представлений об элитарности философов. Философская элита России носит внутренне противоречивый характер. Это объясняется, с одной стороны, тем, что она продолжает существовать одновременно как в чужой (преимущественно западной), так и в собственной (пророссийской) системе цивилизационных координат, и пока не готова в полной мере к реализации своей повестки дня. С другой стороны, разные элитарные группы (западники, консерваторы и пр.) принадлежат к тем или иным отрядам интеллигенции (корпоративно-буржуазной или социально-народной), различающимся своим отношением к государству. Представим теперь некоторые положения.

1. Элита философов современной России подразделяется по *идейно-теоретическим и ценностным основаниям* как минимум на две корпоративные группы. Исторически они воспроизводят отношения «западников» и «почвенников», а фактически речь идёт о принципиальном различии предлагаемых ими моделей мира и типов цивилизационного развития, а также о разных социальных установках. Так, для первых из них Россия — часть Запада (Европы), которая должна соответствовать его логике развития (западники). Оказывается, можно жить в стране, пользоваться её благами и делать успешную карьеру, но мыслить себя в терминах другой культуры и разговаривать на «чужом» философском языке. Для вторых — это самостоятельная («самобытная») цивилизация, претендующая на собственный путь развития и базирующаяся на своей культурно-исторической идентичности (пророссийски настроенные консерваторы). Но у последних возникают трудности с философским языком, посредством которого можно было бы адекватно представить наступившую эпоху в целом и цивилизационное будущее России, в частности.

Попытаюсь теперь конкретизировать идейные различия между двумя самыми крупными философскими корпорациями в

России – условными «западниками», придерживающимися западных ценностей и философских идей, и «консерваторами» («консерваторами-патриотами»), ориентированными на собственно российские ценности и идеи отечественной философии. Поскольку философия, сколь бы рациональной она ни была, не может окончательно избавиться от господствующих мифов (а идеи в моём понимании суть не что иное как рационально обоснованные мифы), то в качестве критерия дифференциации философской элиты можно предложить также предпочитаемые ими идеи: Свободу («западники») или Порядок («консерваторы»).

С этой точки зрения, элита дифференцируется внутри себя на тех, кого можно назвать служителями идеи Свободы, подразделяемых условно на сторонников «свободы для всех» (классические либерал-западники) или поборников «свободы для избранных» (неолибералы), и тех, кто служит идее Порядка, который определяется либо в терминах справедливости («справедливый порядок») – левые консерваторы, тяготеющие к народной общественности, либо в терминах традиций, т.ч. буржуазных («традиционный порядок») – правые консерваторы. Как бы там ни было, внутри нашей элиты сложились разные представления об основополагающей философской идее, а, следовательно, и о путях философствования, которые к ней ведут.

Между этими полюсами находится значительная по численности группа философов-элитариев, которые пытаются, с одной стороны, совместить позиции западников и консерваторов («либерал-консерваторы» или «консерваторы-западники»), а с другой, выстроить межкорпоративные связи. Чаще всего они, выступая за сохранение лучших традиций западничества в России как неотъемлемой части европейской культуры, сумели приспособиться к консервативному повороту, наметившемуся в последние два десятилетия в российском государстве.

Конечно, меня могут упрекнуть в том, что Порядок и Свобода не только не исключают, но и предполагают друг друга. И что якобы Свобода без Порядка – анархия и произвол. А Порядок без Свободы – насилие и смерть. Всё это так, если речь идёт о полярных позициях. Но я ведь говорю о разных акцентах в трактовке основополагающих философских идей. Мы можем строить общество Свободы, основываясь на ограничении или

расширении существующего Порядка (например, на идее минимального вмешательства государства в дела общества). А можем представлять Порядок как самоограничение индивидуальной Свободы и движение в сторону социализма, гармонизирующего, как нам представляется, общественные и частные интересы.

За идейными разногласиями представителей элиты стоят разные корпоративные *ценности*. Но не нужно забывать, что это — ценности, складывающиеся внутри государственно-корпоративной элиты, одна часть которой тяготеет к буржуазно-мещанскому началу общественного развития, а другая — к народно-социалистическому. Казалось бы, цель сторонников западничества «нейтральна» в ценностном плане — развивать идею Свободы и раскрывать потенциал критически-рефлексивного мышления. Но ведь критически мыслить могут не только философы-западники. К тому же важно понять, на что может быть направлена такая критика философа — на самого себя, политический режим или мир в целом. На мой взгляд, критика нужна в первую очередь для разоблачения мировоззренческих мифов, в т.ч. либерально-буржуазных.

Конечно, философы не могут стоять в стороне от государства, наблюдая за тем, что с ним происходит во внутренней и внешней политике. Как не вспомнить в этой связи слова В. Соловьёва о том, что большая перемена в развитии отечественной философии ещё не наступила, и сильная государственная власть «в годину испытаний одна, сама по себе, не могла спасти ни народа, ни самое себя» [4, 177-178]. А это значит, что отечественным философам ещё рано расслабляться. Им в пору закатывать рукава и помогать российскому государству решать стоящие перед ним метафизические проблемы. И одна из главных проблем заключается не в том, быть или не быть России, а в том, какой ей быть в цивилизационном плане. Должны ли при этом философы выступать «глашатаями воли государя», о чём писал Соловьёв, или становиться выразителями народно-социалистического начала — это вопрос их мировоззренческого, гражданского и экзистенциального выбора.

Поэтому отечественная философская элита, будучи государственно-корпоративной по форме, не может оставаться нейтральной в ценностном отношении. Её идеи всегда ценностно

окрашены и корпоративно обусловлены. Она учит не просто критическому мышлению, а тому, во что принято верить в том или ином цивилизационном сообществе.

А это значит, что когда философы-элитарии (преимущественно либерально-западнической ориентации) говорят о критическом мышлении (и даже предлагают его выделить в качестве отдельной учебной дисциплины, призванной, в конечном счете, потеснить или подменить саму философию), то они на самом деле лукавят. На словах они заявляют о снятии с философии идеологических рамок (каковой должна стать в их представлении «философия без границ»), а на деле – выхолащивают её ценностное содержание, прибегая к помощи идеологических и ценностных конструктов чужой цивилизации («свобода», «рынок», «воздержание от ценностных суждений» и т.п.), т.е. оставаясь в системе цивилизационных координат Запада. Однако в этом нельзя обвинить национально ориентированную часть интеллигенции, которая не обязана своим благополучием компрадорской части буржуазии и прозападной государственной бюрократии.

Ценности – не идеалы (или «план маршрута»), на основании которых мы создаём культуру. Они объективны и в известном смысле «вечны», как утверждал А.Н. Уатхейд. Это – регулятивы, которые объединяют сообщества людей значимостью чего-либо, превращая их тем самым если не в единомышленников, то в идейно близких участников взаимодействия, одним словом, в носителей «своей» культуры, как бы кто-то ни пытался разрушить культурные границы и построить «мир без границ». Но так уж сложилось, что в нашей стране сосуществует друг с другом две системы ценностей – «буржуазно-мещанская» и «народно-социалистическая». И одна часть философской элиты, оставаясь по форме государственной (правые консерваторы), продолжает выражать интересы и ценности прозападной буржуазии, которая, как это уже не раз бывало в России, «страшно далека от народа». Другая же часть элиты, которую можно условно назвать «народными государственниками» (левые консерваторы), стремится направить деятельность государства в направлении служения интересам народного большинства.

Следовательно, идейные противоречия представителей философской элиты ценностно окрашены и корпоративно обус-

ловлены. В настоящее время ещё одним маркером, разделяющим их на ценностно различные группы, стало отношение к противостоянию России с Западом. Как известно, Запад отрицает нашу цивилизацию, прежде всего, по ценностным основаниям. И это несмотря на то, что многие годы наша политическая элита культивировала в стране западные ценности, не считаясь с народными традициями. Быть или не быть России самостоятельной цивилизацией, как и возможность самим творить собственную историю и оставаться суверенными в культурном смысле (в т.ч. как государство-цивилизация), зависит сегодня от исхода цивилизационного противостояния.

И в этой ситуации философская элита страны не может оставаться в стороне или занимать выжидательную позицию. При этом я не хочу никого упрекать в непатриотичности поведения. Ведь каждая из элитарных групп (западники или консерваторы, буржуазные или народные «государственники») предлагает свой путь к укреплению, процветанию и развитию России, а также свои представления о соединении идей Порядка и Свободы в рамках собственного цивилизационного проекта. И противоречия между ними вызваны во многом принципиальным различием ценностных установок и цивилизационных ориентиров. Ведь трудно, отстаивая свои национальные интересы, ещё и соответствовать западным цивилизационным стандартам. В какой-то момент придётся делать выбор.

Полагаю, что основной конфликт внутри философской элиты происходит не только между приверженцами западных ценностей (западники) и сторонниками национальных ценностей (консерваторы), но и между сторонниками буржуазно-мещанских ценностей (либеральные мыслители и буржуазные консерваторы) и представителями народно-социалистического идеала («народные государственники» и социалисты).

Отсюда вытекают и разные точки зрения на соотношение идей Свободы и Порядка применительно к анализу цивилизационного развития России. Можно, например, взять за основу проект модернизации, апробированный на Западе и адаптированный им для стран третьего мира, а можно опираться на собственные возможности и ресурсы, используя не только западные технологии, но и национальные разработки в сфере ВПК в

Таблица 1. Идеино-ценностная дифференциация философской элиты современной России

Типы ценностных ориентаций	Типы идейных ориентаций	
	Западническая ориентация (идея Свободы)	Консервативная ориентация (идея Порядка)
Буржуазно-мещанская ориентация	Правые западники («либералы-западники», «неолибералы» и др.)	Правые консерваторы («буржуазные государственники», «национальные консерваторы», «национальные демократы» и пр.)
Народно-социалистическая ориентация	Левые западники («постмарксисты», «евросоциалисты» и др.)	Левые консерваторы («народные государственники», «евразийские социалисты», «экосоциалисты» и др.)

гражданском секторе экономики, а также возрождая и развивая различные промыслы, исторически сложившиеся в разных регионах России.

Должен отметить, что между «западниками» и «консерваторами», «либеральными государственниками» и «народными государственниками» имеются точки сближения ценностных ориентаций, когда речь заходит о справедливом порядке. Как сказал в беседе со мной И.И. Докучаев, это – «уважение к закону и справедливому правопорядку, социальная поддержка человека и уважение к национальным традициям». И я согласен с ним в том, что «нужно навести порядок в собственном доме и научиться уважать друг друга». Но договориться на межкорпоративной основе не всегда получается. Часть корпоративной элиты успела «обуржуазиться», превратиться не просто в зажиточный слой, которому есть что терять, но и в интеллектуальную аристократию, претендующую (и часто не без оснований) на первенство. Буржуазности элиты противостоит народность, понимаемая как ориентация на справедливое общежитие всех членов общества, которой придерживаются народно-государственные элитарии и левые консерваторы.

В целом мы получаем четыре группы отечественных элитариев, подразделяемых по идейным и ценностным основаниям (см. табл. 1).

Очевидно, что без участия государственной бюрократии примирить эти части философской элиты будет трудно. Поэтому элитарии должны привлечь на свою сторону национально ориентированных чиновников.

Вывод: корпоративная элита философов России дифференцирована в первую очередь по идейным и ценностным основаниям. Она участвует в «производстве ценностей» общества, которые, в свою очередь, интегрированы в тело философии и во многом обуславливают идейные различия между членами всего философского общества. Однако, чтобы преодолеть идейные разногласия, недостаточно найти точки сближения между «буржуазно-мещанскими» и «народно-социальными» ценностями, которые разделяют конкурирующие элитарные группы философов и соответствующие части чиновничества. Нужно сформировать единую идейно-ценностную платформу.

2. Философская элита страны разделена ещё по одному основанию: «*центр – периферия*». Главный бич отечественного философского (и не только) сообщества на протяжении последних двух веков – его чрезмерная централизация, т.е. концентрация основных творческих сил и ресурсов в центре. Так, только в отделениях РФО в Москве и Санкт-Петербурге числится на 2022 г. около 900 членов общества из 2100 чел. Это чуть меньше половины всех членов РФО. Добавим к ним преподавателей философии в вузах и колледжах обеих столиц и получится внушительное количество.

Несколько слов о региональных философских элитах. Безусловно, таковые имеются и им отводится по факту второстепенная роль в развитии отечественной философии. Могут лишь перечислить крупные философские центры, сосредоточенные в городах, в которых работают сегодня элитарные философы. Это – центры в городах Северо-Запада России (например, Архангельск, Калининград, Великий Новгород, Псков), Юга России и Северного Кавказа (прежде всего, Воронеж, Курск, Белгород, Ростов-на-Дону, Ставрополь и др.), Поволжья (Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Волгоград и др.), Урала (Екатеринбург, Челябинск и др.), Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул и др.) и Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток и др.).

Какие же факторы способствуют, с моей точки зрения, формированию региональной философской элиты в России? Это:

- наличие научных лидеров на факультетах или кафедрах философии в вузах (федеральных университетах и НИУ) и отделениях РАН, сосредоточенных в основном в крупных городах или мегаполисах страны;

- многолетние исследовательские традиции и систематические конференции (семинары) по ключевым проблемам философии;
- выпуск фундаментальных трудов по философии, получивших широкое признание в стране и за рубежом;
- регулярная грантовая и иная финансовая поддержка исследователей по философии;
- благоприятная корпоративная (прежде всего, административно-управленческая) среда.

Хочу отметить, что региональная философская элита также оказалась не свободной от корпоративных связей и «внешних» идейных влияний. С одной стороны, региональные объединения философов заинтересованы в тесном взаимодействии не только с национальными, но и международными философскими корпорациями. Некоторые из них имеют прямые контакты с зарубежными философскими центрами. С другой стороны, в том или ином виде в ней присутствуют «модные» на Западе идейные течения, в т.ч. аналитическая философия, философская герменевтика, философия сознания, языка, постмодернистская философия, сравнительная философия, гендерная философия и пр. Всё это лишний раз подтверждает мою гипотезу о теоретической зависимости отечественной философской элиты от основополагающих идей Запада.

И всё же надо воздать должное региональным философам. Им гораздо сложнее продвигать свои идеи и проекты в интеллектуальном пространстве России. Но, несмотря на все трудности, они продолжают служить российской философии, используя все доступные им возможности и ресурсы.

Вывод: философская элита современной России сосредоточена главным образом в центре (Москве и Санкт-Петербурге). И в ней по-прежнему преобладают центристремительные тенденции. У столичных элитарных философов значительно больше шансов для продвижения своих идей, а также для получения публичного признания и необходимых ресурсов. Это реальность, от которой необходимо отталкиваться для того, чтобы искать альтернативные механизмы формирования философской элиты в современной России.

3. Двойственность отечественной философской элиты во многом обусловлена разными *идентификационными механизмами*

ми, реализуемыми в их основной профессиональной деятельности, в т.ч. в производстве или воспроизводстве смыслов. Это механизмы переноса (лат. *inversio* – переворачивание, перенос, перестановка), превращения (лат. *conversio* – изменение, превращение), принятия (лат. *receptio* – принятие) и вовлечения или участия (англ. *involvement* – участие).

Философский *перенос* или инверсия здесь понимается как механизм групповой идентификации отечественных философов, при которой ими производится перестановка культурных смыслов или их замена другими смыслами, присущими чужой культуре и философии. Именно так поступают сторонники западно-центризма в отечественной философии. Они часто выдают желаемое за действительное, присваивая собственным философским исследованиям понятийные ярлыки, взятые из концептуального арсенала западной философии. И проблема заключается в том, что реальность, к которой они обращаются, находится в иной мировоззренческой и культурной плоскостях. Чаще всего такие исследования противоречат логике собственной культуры.

Философское *превращение* (конверсия) рассматривается мной как ещё один механизм групповой идентификации философов, в ходе которой предпринимаются попытки приспособить идейное содержание (понятия, идеи, концепции и пр.) какой-либо философской системы (школы, направления) к нуждам собственных исследований и вписать его в культурно-цивилизационный контекст своей страны. Превращению или конверсии подлежат не только идеи зарубежных философов, но и русских философов XIX – первой половины XX вв. Примером последнего могут служить концепции современного неоевразийства, которые отошли от исходных позиций классических евразийцев и стали на путь переосмысления их идей.

Кроме того, практически все элитарные группы прибегают к философским *заимствованиям* (рецепциям) чужих культурных форм и философских идей. Этим занимаются многие исследователи, пытаясь дать собственную интерпретацию заимствованным идеям. Различие между ними состоит лишь в том, что принимается за основу – исходные идеи зарубежных (прежде всего, западных) философов, определяющих уже долгие годы повестку дня в отечественном сообществе («прямые» рецепции – либе-

рал-западники), или философские идеи, частично адаптированные к российским социокультурным реалиям («косвенные» рецепции – западники-консерваторы).

Участие или партиципация (лат. *participatio* – участие, англ. *participation* – причастность) характеризует механизм вовлечения философов в существующие исследовательские проекты. Благодаря ей возникают общие идейные платформы (сети проектов). Этот механизм используется большинством элитарных групп.

Вывод: философская элита страны, будучи взаимозависимой в идейно-теоретическом и организационном плане с зарубежной (по преимуществу западной) философской корпорацией, прибегает к разного рода приёмам или механизмам, в т.ч. к переносу (инверсии), превращению (конверсии), заимствованию (рецепции) и участию (партиципации), что не исключает целиком её движения в сторону обретения идейного суверенитета. К сожалению, у меня нет возможности проиллюстрировать «действие» этих механизмов на примере исследований различных сообществ элитарных философов. Это требует отдельного анализа.

4. Философская элита нынешней России складывается первоначально на базе идейно-теоретических платформ, призванных дать ответ на цивилизационные вызовы страны и по возможности создать собственный цивилизационный проект, но продвижение её представителей зависит во многом от идентификационных механизмов, а также от сложившихся ещё в советский период *административных традиций и механизмов корпоративного отбора*. Возможно, поэтому элита до сих пор организована в форме различных корпоративных объединений (анклавов, эксклавов и пр.), являющихся носителями особых комплексов ценностей, в соответствии с которыми вырабатываются механизмы отбора/продвижения элитарных философов.

Так, например, лидеры и участники идейных платформ, корпоративные ценности и административные ресурсы, взятые вместе, составляют своего рода академические *анклавы* (от французского *enclave*, восходящего к позднелатинскому *inclavere* – «запираю на ключ»), которые являются закрытыми или полужакрытыми объединениями и оказывают решающее влияние на стратегию развития и деятельность всего философского сооб-

щества. На практике такие анклавы складываются на базе крупнейших философских учреждений страны и имеют развитую институциональную структуру (факультеты, кафедры, учебно-методические объединения, научные и диссертационные советы, философские издания и пр.).

Надо отметить, что анклавов располагают значительной частью ресурсов и объединяют большинство столичных и региональных элитарных философов по вертикали. Этим они отличаются от других форм философских объединений. К ним относятся сегодня группы либерал-западников и западников-консерваторов, занимающие доминирующие позиции в философском сообществе.

Для региональных философов анклавов стали единственным окном в «большой мир», т.е. в высшую «философскую лигу» или философский истеблишмент. Вот почему многие из них, переезжая на работу в центр (Москву или Санкт-Петербург), получают благодаря своим покровителям лучшие стартовые позиции и дополнительные ресурсы. Главное для них — найти свой анклав и получить поддержку его лидеров. А дальше многое зависит от них самих, в т.ч. от их научных и коммуникативных способностей.

Но основная борьба, в т.ч. и за право считаться элитой, разворачивается не между анклавами западной и правоконсервативной направленности. Скорее всего, последним удалось достичь согласия по вопросам контроля над «территорией философии» в стране, в т.ч. благодаря научным конференциям и деятельности УМО и других экстерриториальных объединений. В первую очередь им противостоят *эксклавы* (от латинского *ex* — «вне», и *clavis* — «ключ», что означает буквально — «без ключа»), т.е. дистанцированные от философского истеблишмента группы философов (преподавателей и исследователей), которым по тем или иным причинам не нашлось места в действующих анклавах.

К эксклавам относятся в первую очередь другие группы консерваторов (евразийцы, левые консерваторы), а также те представители идейно-теоретических платформ в отечественной философии, которые не получили широкую поддержку философского сообщества и доступ к административно-финансовым ресурсам («гиперборейцы», сторонники ноосферизма и пр.). По-

этому институциональные возможности таких объединений ограничены, что вынуждает их выстраивать пространство философии по горизонтали, т.е. устанавливать и поддерживать прямые контакты между единомышленниками.

В известном смысле эксклав есть несостоявшийся анклав. Его следует рассматривать как альтернативу последнему. Поэтому каждый эксклав стремится стать анклавом и этим во многом ограничена его конечная цель. Именно это обстоятельство делает эксклав похожим на контрэлиту. Однако эксклавы, кроме отдельных групп консерваторов, не являются достаточно организованными объединениями, чтобы составить реальную конкуренцию анклавам, т.е. доминирующим группам элиты, состоящим преимущественно из сторонников западнической ориентации.

Известны также случаи корпоративной трансформации эксклавов в анклавы, и наоборот. Например, при объединении вузов в тех или иных регионах России прежние корпоративные объединения философов распадаются, а на их месте образуются другие анклавы, вобравшие в себя ресурсы разных анклавов и эксклавов. Так, бывшие эксклавы, имевшие ранее незначительное влияние, получают шанс стать анклавами и усилить свои позиции за счёт присоединяемых к ним анклавов и эксклавов. В результате такой ассимиляции могут образовываться смешанные и временные корпорации философов, объединяющие представителей бывших анклавов и эксклавов. При этом их участники сохраняют символические «ключи» от дверей родственных анклавов или эксклавов, оставаясь там «своими» ещё длительное время.

Надо признать, что границы между разными объединениями философов-элитариев (анклавами и эксклавами) достаточно размыты в идейно-теоретическом плане и чаще всего определяются корпоративными установками их участников. При этом принадлежность к ним не фиксируется строгими формальными процедурами (например, введением обязательного членства). Скорее всего, они напоминают «клубы по интересам», в которых учитываются идейно-ценностные (западнические, консервативные и пр.) предпочтения участников и их личный вклад в разработку фундаментальных философских идей, разделяемых конвенциональным большинством данного корпоративного объединения.

Быть «своим» в нём означает принимать и поддерживать обще-корпоративные ценности и идеи, что не исключает полностью существование маргинальной позиции «чужой среди своих».

Стоит также отметить, что в плане групповой идентификации анклавов, в отличие от эксклавов, чаще используют механизмы переноса и предпочитают инверсии как прямого, так и косвенного типа. При этом они не стремятся быть самодостаточными в идейно-теоретическом смысле, предпочитая заимствованную повестку дня философских занятий (исследований и дискуссий). Напротив, эксклавы (а также полуанклавы и полуэксклавы) ограничены в концептуальных средствах и прибегают преимущественно к механизмам превращения (конверсии), в т.ч. пытаются приспособить идеи «великих философов прошлого» для разработки собственных концепций, применяя инверсии косвенного типа. И те, и другие прибегают также к механизмам заимствования и участия.

Вывод: философская элита формирует свои механизмы корпоративного отбора, в т.ч. через анклавов, которые разделяют «территорию философии» по вертикали и составляют социально-организационную основу элиты, и эксклавы, стремящиеся не только выстроить горизонтальные связи между философами, но и прорваться «наверх», потеснить правящие анклавов. Между ними существуют временные и искусственные межкорпоративные союзы, возникающие в результате административной реорганизации научно-образовательных учреждений.

Итак, философская элита в России разделена не только по идейно-ценностным основаниям или по региональному признаку, но и посредством идентификационных и корпоративных механизмов. Признать данные различия – это первый шаг к тому, чтобы восстановить и поддерживать хрупкий мир внутри философского сообщества и его элиты, в частности.

Вместе с тем, чтобы преодолеть двойственность нашей философской элиты, необходимо, на мой взгляд, сделать следующий шаг – предложить объединяющую идейно-ценностную платформу или новые «точки сборки» основополагающих идей и, в первую очередь, – Российского проекта цивилизационного развития. Но для этого понадобятся не только новые участники («другие первые»), но и посредники (национальная государствен-

ная бюрократия), которые, возможно, смогут предложить альтернативные, в т.ч. некорпоративные механизмы групповой идентификации или отбора.

3. Пути идейно-ценностной консолидации отечественной философской элиты

На пути к идейному объединению философской элиты: западные рецепции. Представлю вначале попытки интеграции в стане самого влиятельного философского сообщества в стране — либерал-западников и западников-консерваторов, объединяющих множество крупных анклавов (и полуанклавов) страны и прибегающих чаще всего к «прямым» переносам или «внешним» рецепциям в воспроизводстве смыслов, порождённых западной цивилизацией, на российской почве.

В философском пространстве современной России представлены как минимум две исследовательские перспективы интеграции идей Свободы и Порядка, или две интегративные платформы, предложенные западными философами: формирование общества Порядка на основе Свободы (например, концепция «расширенного порядка человеческого сотрудничества» Ф.А. фон Хайека) и утверждение общества Свободы посредством установления коммуникативного Порядка, приемлемого для большинства членов общества (например, «теория коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса). Представлю их вкратце.

Во-первых, как считал Хайек, «для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определённым традиционным и, главным образом, моральным практикам...» [2, 37]. Слагаемые этого порядка — рыночные структуры и конкуренция, демократические институты, система морали и права человека. А это — атрибуты западной цивилизации, стремящейся по-прежнему сохранить своё доминирование в мире.

Во-вторых, Ю. Хабермас пытается в свою очередь уйти от философии субъекта и субъектоцентризма, свойственного прежней западной философии, ставя на место субъекта целерационального (инструментального) действия коммуникативный ра-

зум. По его мнению, Порядок, являющийся производной царства субъективности и инструментального разума, ведёт в тупик и, в конечном счете, к саморазрушению социума. Напротив, «коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни» [1, 334]. Но сможет ли такой коммуникативный порядок изменить природу современного капитализма и сделать его благоприятной средой для существования большинства населения? Пока же трудно представить осуществление моделей капитализма общего блага и пр.

В-третьих, обе перспективы («расширенный порядок» Хайека и «коммуникативный порядок» Хабермаса) базируются на принципе самотрансформации и «осовременивания» капитализма. Однако сколь бы изощрёнными ни были попытки этих мыслителей приукрасить или спасти лицо современного капитализма, им не удалось сохранить в своих моделях живого, естественного человека. Последний не вписывается, по Хайеку, в расширенный социальный порядок, который «не соотнобразуется с биологическим естеством человека...» [2, 37]. Капитализм как общественно-экономическая формация западной цивилизации искусственен и отвергает при этом все инстинкты и интересы, которые противоречат его практикам и правилам, кроме, разумеется, одного — инстинкта накопления.

Полагаю, что некоторые представители либерально-западной и консервативно-западной части философской элиты России разделяют указанные идеи Хайека и Хабермаса, используя механизмы прямой инверсии или «внешней» рецепции. Их же оппоненты (левые консерваторы, евразийцы и пр.) пока не готовы предложить альтернативные проекты идейной интеграции философов.

Вывод: предложенные указанными выше мыслителями варианты интеграции основополагающих идей и ценностей (Свободы и Порядка) направлены на совершенствование западной цивилизации и не подходят для определения перспектив цивилизационного развития России с учётом её социокультурной специфики. Их же рецепции, представленные главным образом в творчестве западной части элиты, не находят поддержки среди других элитарных групп (прежде всего, консерваторов).

Консервативный поворот в философии как альтернативная возможность интеграции исследовательских платформ философской элиты России. Нарастающая конфронтация с Западом только ускорила процесс профессионального и гражданского самоопределения отечественных философов. Но на пути к их консолидации находятся идейные и ценностные различия, в т.ч. принципиальное расхождение в определении цивилизационных ориентиров. Кроме того, правящей элите философов, среди которых преобладают западники, в т.ч. западники-консерваторы, трудно отказаться от ключевых позиций в сообществе и соответствующих административно-финансовых ресурсов. Да и консервативная альтернатива пока ещё не сформирована в полной мере. Поэтому у философов-консерваторов, находящихся пока на периферии действующей элиты и располагающих сетью эксклавов (и полуэксклавов) остаётся единственный путь – попытаться договориться с западниками.

Поиск *интегративных идейно-ценностных платформ (проектов)* на консервативной (пророссийской) основе ещё только начинается. Имеется, как минимум, несколько платформ, вокруг которых объединены философы. О них говорилось недавно на семинаре сектора философских проблем политики ИФ РАН (см. прим. 7). К сожалению, у этого перечня проектов нет единого идейно-ценностного основания. К тому же к нему следует добавить и другие проекты, в т.ч. проект государства-цивилизации, ноосферный проект, разрабатываемый последователями В.И. Вернадского, и экологический проект, который представляет ряд исследователей Центра и Сибири России. Для начала перечислю их:

- либерально-западнический проект России, европеизм или западнизм (либерал-западники);
- проект России как буржуазной и дружественной Западу цивилизации, соединяющей в себе западнические идеи и российские традиции (консерваторы-западники);
- проект славянской цивилизации, панславизм (панславянские консерваторы);
- проект православной цивилизации, византизм (православные консерваторы);
- проект русского мира, русизм (сторонники русской идеи);

- проект государства-цивилизации, этатизм (консерваторы-государственники);
- евразийский проект, евразийство (евразийцы);
- проект советской цивилизации, социализм (сторонники социализма с российской спецификой);
- проект гиперборейско й цивилизации, гиперборейство (сторонники протоцивилизации, возникшей на севере России);
- ноосферный проект, ноосферизм (сторонники ноосферного подхода);
- экологический проект (экоконсерваторы).

Как известно, за каждым из этих проектов стоят конкретные группы исследователей и коммуникативные сети, но далеко не все могут претендовать на элитарное положение в философии, а тем самым опираться на свой анклав или эксклав. Такие претензии сохраняет, прежде всего, либерально-западническая часть философского сообщества, обладающая развитой сетью анклавов, и отчасти консервативно-патриотические представители элиты, объединённые в эксклавы и полуэксклавы (сторонники «русского мира», «консерваторы-государственники», евразийцы и пр.). Другие же проекты, оказавшись вытесненными на периферию, слабо влияют на формирование повестки дня отечественной философии.

Но, увы, ни одна из указанных платформ, в т.ч. западническая или консервативная, не могут сегодня служить единственной основой для идейного сближения философов. У них разные, чаще всего несовместимые друг с другом теоретико-методологические и корпоративные предпосылки. Однако, чтобы обозначить главные линии сближения, наметившегося внутри философской элиты, попытаюсь их объединить по цивилизационному основанию «Порядок – Свобода» в четыре группы, а именно:

1) объединённая консервативно-западническая платформа, вобравшая в себя некоторые идеи либерально-буржуазной мысли и вместе с тем сохраняющая консервативные ценности (сеть анклавов и полуанклавов в стране) – *расширенный (либерально-консервативный) порядок российской цивилизации;*

2) объединённая платформа русского православно-христианского мира, опирающаяся на византийские и панславянские

традиции, а также имеющая поддержку в церковных кругах (экс-клавы и полуэксклавы) — *русско-православный порядок цивилизации («русский мир»)*;

3) объединённая платформа евразийской цивилизации и государства-цивилизации, которая приняла в себя лучший опыт социалистического строительства, но не получила ещё широко-го публичного признания и государственной поддержки (экс-клавы и полуэксклавы) — *евразийский социальный порядок*;

4) объединённая платформа эконоосферной и экосоциальной цивилизации, соединившая в себе идеи экологизма, социализма и ноосферы (эксклавы) — *экосоциальный порядок или «новая естественность»*.

Но даже в таком укрупнённом виде эти платформы трудно интегрировать. Они чужды друг другу мировоззренчески и методологически, кроме, возможно, евразийского и экосоциального проектов. Кроме того, не каждая из групп, представляющих эти проекты, может претендовать на звание философской элиты России. Определённые возможности есть только у консервативно-западнической платформы, обладающей развитой сетью анклавов в стране, и отчасти у некоторых консервативных течений (русско-православного, «государственнического» и евразийского), которые опираются на идеи русских философов, а также на поддержку некоторых государственных институтов и православной церкви. Не удивительно, что пока меньше всего шансов на реализацию у объединённого эконоосферного проекта. Его история только начинается. И, тем не менее, именно последний, благодаря широте своей идейно-теоретической платформы способен консолидировать многих сторонников интеграции, в т.ч. тех, кто непосредственно не входит в элиту.

Отсюда вытекает ещё один вывод: для поиска общеприемлемой интегративной платформы цивилизационного развития России, способной объединить нашу философскую элиту, нужны новые точки «сборки». При этом необходимо преодолеть, с одной стороны, крайности радикально-либерального дискурса о российской цивилизации и религиозно-эсхатологические предубеждения, а с другой, раскол между «буржуазной» (пролиберально настроенной) частью элиты и «народной» философской интеллигенцией.

Таблица 2. Пути возможной интеграции идейно-ценностных платформ российской философской элиты

Идейно-ценностные платформы (простая группировка)	Объединённые платформы и социальная организация (обобщённая группировка)	Векторы интеграции философской элиты (группировка, соответствующая консервативному повороту в философии)
1. Проект России как неотъемлемой части западной либеральной цивилизации, европеизм (сеть философских анклавов по стране)	1-2. Объединённая консервативно-западническая исследовательская платформа, вобравшая в себя идеи либеральной и консервативной мысли (сеть анклавов и полуанклавов)	1-3. Корпоративно-буржуазный вектор: корпоративный субъектоцентризм как идейно-ценностная ориентация капитализма. Преобладающий тип личности – корпоративно-буржуазный человек. Идейные течения: <i>правый консерватизм, социальный конструктивизм, экоккапитализм.</i> Модель общественного развития: «улучшенные» версии капитализма, в т.ч. корпоративный капитализм, посткапитализм, капитализм «общего» блага, экоккапитализм и пр.
2. Проект России как самостоятельной и дружественной Западу цивилизации (полуанклавы)		
3. Проект славянской цивилизации и панславизм (эксклавы)	3-6. Объединённая платформа русского православно-христианского мира, опирающаяся на византийские, панславянские и гиперборейские традиции (сеть эксклавов и полукскавлов)	4-11. Социально-евразийский вектор: ориентация на место, местобытие («сбережение народа и его культуры») и месторазвитие. Преобладающий тип личности – симфоническая личность, <i>евразийский человек.</i> Идейные течения: <i>классическое евразийство, социальный консерватизм, экосоциализм и др.</i> Общественная модель: <i>евразийский социализм</i> с элементами рынка и самоуправления (демотии).
4. Проект православной цивилизации и византизм (полукскавлы)		
5. Проект русского мира, русизм (полукскавлы)		
6. Проект гиперборейства как протоцивилизации, возникшей на севере России (эксклавы)		
7. Евразийский проект и идея всечеловечности (полукскавлы)	7-9. Объединённая платформа евразийской цивилизации, которая вобрала в себя традиции всечеловечности, идею государства-цивилизации и лучший опыт социалистического строительства в СССР (сеть эксклавов и полукскавлов)	
8. Проект государства-цивилизации, этатизм (полукскавлы)		
9. Проект советской цивилизации и социализм (эксклавы)		
10. Проект ноосферной цивилизации – последователи В.И. Вернадского (эксклавы)		
11. Проект экологической цивилизации (эксклавы)	10-11. Объединённая платформа эконоосферной цивилизации, соединившая в себе идеи экологизма и ноосферы (сеть эксклавов)	
Отдалённая перспектива синтеза корпоративно-буржуазного и социально-евразийского векторов на основе проекта экоевразийской цивилизации		

Представлю теперь некоторые результаты возможной интеграции исследовательских платформ и проектов в виде таблицы (см. табл. 2).

Итак, на данном этапе анализа возможной интеграции философской элиты можно остановиться на определении двух основных векторов. Я их называю условно корпоративно-буржуазным и социально-евразийским (социоевразийским), соотно-

сящимся условно с буржуазно-мещанским и народно-социалистическим началами общественного развития. Им соответствуют разные критерии развития (корпоративный субъектоцентризм или местоцентризм), типы личности (корпоративно-буржуазные индивиды или симфонические личности), модели общественной организации («улучшенный» капитализм, в т.ч. капитализм «общего блага», или евразийский социализм с элементами рынка и самоуправления или демотии), а также различные исследовательские методологии (концепции капитализма, построенные на базе корпоративизма и конструктивизма, с одной стороны, и концепции классического евразийства и социального консерватизма, с другой).

Что же сближает или разделяет между собой левых и правых консерваторов? Сближают общие принципы, которые мы выявляем в ходе исторической реконструкции концепций русской философии, в т.ч. *софийность* (мыследействие из единого источника – духа, устанавливающего связь абсолютного с относительным, повседневным), *соборность* (собрание, объединяющее действие), *справедливость* (поиск Правды), *всечеловечность* («быть всем со всеми, оставаясь при этом самим собой»), *правлящий отбор* (см. прим. 8). А разделяют представления о характере цивилизационного порядка (традиционный или справедливый порядок). Я бы добавил к ним ещё и экологический императив: *соразмерность* жизни человека среде его обитания, забота о своём доме (как берегающее или оберегающее действие).

Однако не все сторонники консервативного крыла философской элиты разделяют эти принципы. Труднее всего будет найти общий язык с консерваторами-западниками. Возможно, с ними можно попытаться объединиться на базе экологических ориентиров цивилизационного развития.

Поэтому одной из таких точек сборки отечественной философской элиты в нынешних условиях может стать в перспективе *идея экосоциальной и евразийской (или экоевразийской) цивилизации*, которую я попытался обосновать в ряде своих статей [1-3]. Возможно, на этой основе удастся найти альтернативу западной парадигме с её различными версиями «улучшенного», оптимизированного капитализма (посткапитализм, капитализм общего блага и пр.).

Для продвижения экоинтегрального (экоевразийского) проекта цивилизационного развития России в философском сообществе подходит не только корпоративный, но и ассоциативный тип связей. Речь идёт об объединении философов на основе представлений о предпочитаемом ими способе и месте развития основополагающих философских идей. Ассоциации (лат. *associatio* — соединение, взаимосвязь) как союзы единомышленников и идейно близких исследователей постепенно дополняют собой корпоративные объединения. И такие ассоциации вполне может объединить в перспективе Российское философское общество, которое в значительно меньшей степени, чем существующие институции, подвержено влиянию западников и корпоративно-бюрократической коррозии.

Однако следует признать, что в будущем (в перспективе 5-10 лет) российской философской элите скорее всего не удастся соединить корпоративно-буржуазный и социально-евразийский векторы в рамках единой интегративной платформы. Поэтому борьба между ними продолжится уже в ближайшие годы. А значит, философская элита страны пока сохранит свою двойственность. Значительная её часть останется корпоративно-буржуазной по духу, соединив в себе анклавов западников-консерваторов или правых консерваторов. Другая же часть объединит корпоративных и ассоциативных сторонников социально-евразийского вектора (в т.ч. новых «почвенников», евразийцев, экоконсерваторов и сторонников государства-цивилизации), логика реализации которого предполагает дальнейшее утверждение принципов всечеловечности, социальной справедливости, сотрудничества, симфоничности, правящего отбора и экологичности.

Я надеюсь, что у России рано или поздно появится шанс повернуться лицом к экосоциальному/евразийскому (экоевразийскому) вектору цивилизационного развития и сформировать на его основе «смешанную» (корпоративно-ассоциативную) философскую элиту, которой окажется под силу осуществить идейно-теоретический синтез в форме модели *экоевразийской цивилизации*. Но это уже предмет отдельного философского прогноза.

Вывод: несмотря на консервативный поворот, нынешняя (корпоративная по сути) философская элита, состоящая из анклавов, сосредоточенных в её центре сообщества, и эксклавов,

находящихся на его периферии, раздроблена и пока не готова представить единый (интегративный) проект цивилизационного развития России. Удастся ли экоинтегральной парадигме продвинуть свои позиции и стать объединяющей идейной платформой, покажет время.

Что же дальше? «Первые среди равных» (вместо выводов). Вряд ли в этом очерке я смог предложить обоснование всех путей дальнейшего развития философской элиты страны. Но некоторые штрихи к её обобщённому портрету мне всё же удалось набросать.

1. Философы, несмотря на тяжёлый период, переживаемый ими на данном историческом этапе, продолжают искать свой путь в постижении и преобразовании мира. «Хождение в элиту» — лишь один из вариантов этого пути, который складывается в буржуазном обществе и связан с утверждением властных отношений внутри философского сообщества. Элитарии ведут борьбу за доминирование их картины мира и построенной на её основе идейной платформы, а также за контроль над ресурсами и институтами. Такова их природа. Нашей элите, чтобы предложить интегративную платформу, придётся освободиться от своей буржуазной корпоративности, а также создать новые образцы философствования и сети коммуникаций. Но никто не отменял и путь «хождения по мукам», который выбрали отдельные группы философов (сторонники гиперборейских, панславянских, ноосферных и т.п. идей).

2. В настоящее время философская элита России представляет собой сложный и внутренне противоречивый корпоративный феномен. Её двойственный характер обусловлен, с одной стороны, местом бытия и ценностными установками, определяемыми двумя общественными началами («буржуазно-мещанским» и «народно-социалистическим»), с другой — разными представлениями о цивилизационном статусе российской философии (западничество, консерватизм и пр.), а также её идейно-теоретической зависимостью от западной философии и недостаточной готовностью к смене мировоззренческой парадигмы с западнцентристской на россицентристскую.

3. Сможет ли измениться сама элита, которая в своём большинстве служила десятилетиями идеалам западной философии и следовала к тому же её канонам? Полагаю, что если изменятся

стратегические приоритеты России, а государственной бюрократии удастся консолидироваться, освободившись от своей компрадорской части, то и ей придётся измениться. Идеальный суверенитет страны и её философии, в частности, зависит во многом от согласованных и скоординированных усилий национально ориентированной части политической и философской элиты.

4. Консервативный поворот как реверсивное движение философской элиты в сторону национальных интересов постепенно происходит, но, чтобы ускорить этот процесс, необходимо дополнить существующие механизмы идентификации (инверсия, конверсия, рецепция, партиципация) и корпоративного отбора (анклавы и эксклавы) механизмами селекции и свободного ассоциирования (например, проблемные экспертные советы и проектные группы, формируемые снизу и относительно независимо от сложившихся институциональных структур). Вместе с тем нужно создать дополнительные социальные лифты для продвижения молодых исследователей, которые со временем смогут стать «другими первыми» и пополнить ряды обновлённой элиты.

5. Путь к консолидации элиты лежит, с одной стороны, через образование интегративной идейно-ценностной платформы, с другой стороны, посредством образования новых центров активности философов, которые со временем дополняют собой анклавы и эксклавы нынешней элиты, разделяющие философское сообщество по вертикали и горизонтали. Формирование таких центров в форме ассоциаций, в которых проявят себя «другие первые», возможно в долгосрочной перспективе и на проектной основе (см. прим. 9).

6. Следовательно, будущее философской элиты в значительной мере зависит от тех, кого можно назвать условно «другими первыми», которые не связаны прежними корпоративными обязательствами и адаптационными механизмами, консервирующими иерархические и властные отношения внутри философского сообщества. У них есть возможность стать «первыми среди равных». Но для их появления на исторической сцене уже сегодня нужно создать необходимые предпосылки, в т.ч.:

а) разработать интегративную идейно-ценностную платформу, сближающую позиции сторонников корпоративно-буржуазного и социально-евразийского векторов интеграции элиты;

б) сформировать ассоциативные формы связей и объединений, соединяющие идейно близких исследователей (единомышленников) на основе совместных проектов;

в) организовать институциональную сеть для продвижения экоинтегрального проекта цивилизационного развития России (межрегиональные проектные группы, семинары, школы, образовательные и просветительские программы, журналы и другие издания);

г) развивать международное сотрудничество с философами дружественных стран по экосоциальной и евразийской проблематике.

7. Надеюсь, что в рамках РФО нам удастся: (1) провести анализ деятельности существующих философских центров России и ведущих отечественных философов; (2) организовать сеть проектов и проектных групп, которые в будущем смогут стать институциональной базой для идейного сближения членов философского сообщества; (3) разработать основы философской политики России, ориентированной на проектирование её цивилизационного развития с учётом критериев всечеловечности, месторазвития, экологичности и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // *Личность. Культура. Общество*. – 2022. – Вып. 2 (№ 114). – С. 89-115.

2. Резник Ю.М. Проект экологической цивилизации для России (собственные основания и китайский опыт) // *Проблемы цивилизационного развития*. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 140-159.

3. Резник Ю.М. Экологической цивилизации в России быть (ответ рецензентам) // *Личность. Культура. Общество*. – 2022. – Вып. 3-4 (№ 115-116). – С. 148-154.

4. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 175-184.

5. Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М.: ЛУМ, 2015. – 104 с.

Примечания

1. Что такое буржуазия в её классическом понимании? «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*. Т. 4. С. 424). Новая буржуазия, сложившаяся в России в начале XX века, формировалась из числа обогатившихся крестьян, купцов и промышленников. Нынешняя же (новейшая) претерпела существенные изменения и состоит из крупных бизнесменов, финанси-

стов, руководителей государственных корпораций, высших государственных чиновников. Их всех объединяет одна общая черта – принадлежность к правящему классу, который контролирует систему власти и основные ресурсы страны.

2. Нужно отметить, что мода – это все-таки внешнее, преходящее явление, а есть глубинные мировоззренческие тренды, задаваемые самой природой цивилизации. К сожалению, определённая часть философов попадает на «модный крючок». Она не видит из-за своих часто прагматических интересов глубинной потребности заниматься сегодня онтологическими, в т.ч. цивилизационными, основаниями отечественной философии.

3. См.: https://iphras.ru/wcph_2024.htm (дата обращения – 20.02.23).

4. Что же предлагают обсудить организаторы конгресса в Риме? Это – проблемы неравенства, культурного и гендерного разнообразия, справедливости и политических преобразований в глобальном масштабе. Конгресс сосредоточится на пяти сферах границ: (1) персонажи: варианты осуществления (женщины в истории философии, искусственный интеллект и разум); (2) переходы: уязвимость знания (межкультурные обмены, перевод, воображение, междисциплинарность); (3) справедливость: гражданство, забота и самоопределение (власть и борьба, доверие, истина и знание); (4) земля: жизнь в устойчивом мире (биоразнообразии и экология, этика и живые существа); (5) бесконечность: пустота и опыт (красота, гламур и грация, временность и свобода действий). См.: <https://wcprome2024.com/first-circular/> (дата обращения – 28.01.23).

5. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения – 01.03.2023).

6. См.: <https://iphras.ru/page50640164.htm> (дата обращения – 01.03.2023).

7. См.: <https://iphras.ru/archives.htm> (дата обращения – 01.03.23).

8. См.: Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: НИГО, 2020. – С. 17-120.

9. В настоящее время РФО представляет собой особый полуэксклав (общественное объединение философов, складывающееся преимущественно по горизонтали), который опирается на поддержку своих членов и ресурсы уже сложившихся анклавов (философских подразделений вузов и академических институтов). Есть ли у него шанс стать проектной структурой ассоциативного типа? Думаю, что есть. Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Yuriy M. Reznik

THE PHILOSOPHICAL ELITE IN MODERN RUSSIA: ON THE WAY TO CONSOLIDATION

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: reznik-um@mail.ru

Abstract: the article identifies some trends in the formation of the philosophical elite in modern Russia and shows its dual nature. Currently,

it needs to self-define itself in order to respond to the current civilizational challenges of Russia, which come from the West. On ideological and valuable grounds, it is divided into several groups («Westerners», «conservatives», supporters of the «Russian world», etc.). To consolidate the elite, it is necessary to develop integrative, «unifying» ideological platforms and use the design capabilities of various centers of professional activity of Russian philosophers.

Keywords: *Russia, the West, civilization, philosophy, philosophical elite, evaluation criteria, ideological platform, Westerners, conservatives, regional elite, group inversion, conversion, integrative platform, projects.*

REFERENCES

1. *Reznik Yu.M.* Puti postroyeniya ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii (ekoin-tegral'nyy podkhod) // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* – 2022. – Vyp. 2 (№ 114). – Pp. 89-115.
2. *Reznik Yu.M.* Proyekt ekologicheskoy tsivilizatsii dlya Rossii (sobstvennyye osnovaniya i kitayskiy opyt) // *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya.* – 2022. – T. 4. – № 1. – Pp. 140-159.
3. *Reznik Yu.M.* Ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii byt' (otvet retsenzentam) // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* – 2022. – Vyp. 3-4 (№ 115-116). – Pp. 148-154.
4. *Solov'yov V.S.* Gosudarstvennaya filosofiya v programme Ministerstva narodnogo prosveshcheniya // *Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika.* – M.: Izd-vo «Pravda», 1989. – Pp. 175-184.
5. *Filosofiya v publichnom prostranstve sovremennoy Rossii. Sbornik materialov.* – M.: LUM, 2015. – 104 p.

Дата поступления – 09.03.2023 г.

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_48_77

В.Н. Шевченко

КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ НУЖНА СЕГОДНЯ РОССИИ?

***Аннотация:** в статье рассматривается один из самых актуальных вопросов современной жизни российского общества: при каких условиях философия может более эффективно служить сегодня динамичному развитию России. Доказывается правомерность введения такого составного понятия как публичная философия в категориальный аппарат современной социальной философии. Далее утверждается необходимость четкого разграничения академической, профессиональной и публичной философии как особым образом выделенной части содержания академической философии.*

Основной смысл идеи публичной философии состоит в том, что она представляет собой некоторую совокупность ценностей и принципов, на которых российская (русская) цивилизация строилась и продолжает свое развитие. Значительное внимание уделяется анализу процесса становления общенациональной интегративной идеологии, которая мыслится как синтез идеологии консерватизма с важными сторонами идеологии советского социализма и западного либерализма. Дан подробный анализ тех трудностей и препятствий, с которыми сталкивается процесс формирования интегративной идеологии в российском обществе.

***Ключевые слова:** академическая философия, публичная философия, просветительство, политический активизм, интегративная идеология, консерватизм, советский социализм, западный либерализм.*

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Вступление. Сегодня можно встретить много размышлений по теме статьи. Ответ в общем-то предсказуемый – нужна такая философия, которая будет служить благу России. Но вопрос заключается в том, что в любом развитом обществе можно встретить постоянно растущее многообразие философских школ и направлений, которое выступает показателем естественно протекающего духовного развития общества. Конечно, не может быть одной единственной философии или единственно правильного философского учения. Такое состояние философии может быть достигнуто только с помощью запретов, которые диктуются исключительными обстоятельствами, а, стало быть, оно является временным явлением.

Так что же означает выражение «философия, нужная для современного общества»? Нужная для каких его целей? Если Россия возвращается к себе, то, скорее всего, имеется в виду, какая из существующих философий или несколько из них в наибольшей степени подходят для решения тех сложных исторических задач, которые стоят сегодня перед страной. С одной стороны, власть проявляет огромную заинтересованность в создании стратегии развития страны, которая была бы основана на достижениях отечественной философии, на том, что говорит наш многовековой культурно-цивилизационный опыт. С другой стороны, многие философы, остро переживающие нынешнее сложное положение в стране и равнодушные к её судьбе, постоянно предлагают государству и обществу свои концептуальные разработки.

Но, несмотря на содержательную научную и не только научную полемику последних десятилетий, вопрос по-прежнему остается далеким от разрешения. В центре внимания общественности страны оказалась как проблема выбора философии, так и рефлексивное отношение философии к тем поискам идеологии развития, которые и сегодня далеки от завершающей стадии.

Философия в публичном пространстве или публичная философия? А.В. Смирнов в своей статье «Текущие задачи русской философии» отметил, что за «тридцать лет философия в России акцентированно, усиленно развивала собственное индивидуальное сознание – и каждого отдельного философа, и философии в целом. Но философия очень мало влияла, если вообще влияла, на общественное сознание. Общество существовало само по себе,

философия сама по себе. ...Произошло разделение философии и общества, индивидуального философского сознания и сознания общественного» [12, 189-190].

В начале XXI в. ситуация стала понемногу меняться. В 2008 г. совместными усилиями был создан Московско-Петербургский клуб. Сопредседателями Управляющего совета клуба стали А.А. Гусейнов и В.В. Миронов. Клуб сделал много добрых дел. Было опубликовано 12 солидных книг, трехтомник «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге». Было проведено несколько заседаний клуба, собиравших поначалу большую аудиторию. В Институте философии РАН и за его пределами был проведен ряд мероприятий по реализации проекта «Философия в публичном пространстве». В институтской среде развернулась интересная дискуссия на тему: «Кому и зачем нужна сегодня философия» (см. прим.1).

Философы стали гораздо чаще появляться на публике, заявлять о себе в публичном пространстве российского общества. Был разработан, в частности, проект «Философская мастерская», состоявший из ряда циклов: лаборатория, мастер-класс, круглый стол, публичные лекции. Часто вспоминали и высоко оценивали в ходе различных мероприятий публичные лекции отечественных философов, историков XIX – начала XX вв.

В 2015 г. при активном участии сотрудников Института философии РАН был разработан большой проект «Философия в публичном пространстве современной России», который был изложен в виде отдельной брошюры [14]. Проект был оформлен в виде Доклада Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Он состоял из четырёх разделов: «О значении гуманитарных наук для разработки и реализации долгосрочной стратегии развития России»; «Состояние российской философской инфраструктуры»; «Интеллектуализация России: цели и задачи»; «Институциональное решение: Национальный философско-просветительский центр». Однако после 2015 г. активность клуба пошла резко на спад после того, как потерпели неудачу попытки добиться подписания Президентом указа об объявлении 2016 г. Годом философии. По-видимому, главной причиной неудачи стал односторонний крен в сторону просветительства, просветительской работы философов в обществе.

Действительно, речь шла только о просветительстве и не было ничего сказано об активном участии в политической жизни страны. Но эта просветительская позиция разработчиков проекта была принципиальной позицией. Автор настоящей статьи выступил в журнале «Философский журнал» со статьей «Зачем нужна обществу публичная философия?» [15].

В статье обосновывалось положение о том, почему и каким образом философам следует активно участвовать в политической и идеологической жизни. В практическом плане такая постановка вопроса не несла ничего нового, так как определённая часть философов так или иначе принимает участие в обсуждении и решении задач политико-идеологического характера. Но речь шла о большем: о принципах участия в этом деле и о концептуальном видении основной тематики выступлений. Впрочем, такая постановка вопроса не привлекла внимания со стороны философов, хотя в указанной статье говорилось о такой принципиальной альтернативе: или Философско-просветительский проект или Философско-идеологический проект, в котором утверждалось бы активное участие философов не только в просветительской, но и в политико-идеологической жизни страны. Иначе говоря, речь фактически шла о более широком понимании проекта с несколько иным названием – «Публичная философия в современной России».

Если посмотреть на процессы, идущие в социальных науках и гуманитарных дисциплинах, то можно обнаружить сильные аргументы в пользу такого решения. Оказывается, есть «публичная история», «публичная социология» и даже «публичная медицина».

В чём заключается смысл публичной социологии? К примеру, профессор Калифорнийского университета М. Буравой в своей, ставшей широко известной, программной статье «За публичную социологию», высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию [2, 8]. Современная публичная социология, пишет автор, носит органический характер. Она взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из сферы, замкнутой на себя, в

публичное пространство, а также сделать их идеи и деятельность видимой. Нужно научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание статья «Прикладная история или Публичное измерение прошлого», опубликованная не так давно группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая посвящена «бытованию истории в публичной сфере, как с практической, так и с теоретической точки зрения» [1, 234], и она занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т.е. знания, предназначенного для использования широкой публикой.

Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ, например, для оформления выставок, музеев и т.д. Публичная история появилась в начале XX в. в Германии и во второй половине XX в. получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете г. Гейдельберга в 2010 г. направление «Public History» занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России также разработаны в некоторых высших учебных заведениях учебные курсы по «Public history».

В сфере политического знания принято разделение на фундаментальную, институциональную и прикладную политологию. И на этом фоне обращает на себя внимание отсутствие публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, по-видимому, можно найти то, что можно отнести к этой сфере знания. Это конкретное политическое знание, которым руководствуются в своей публичной деятельности самые различные политические и общественные объединения и организации.

Задачей публичной медицины выступает, в частности, борьба (прежде всего, в открытом виде) против отношений насилия и террора между людьми, мистических ценностей и псевдознаний, особенно тех, которые направлены на дезориентацию масс в отношении здоровья, здорового образа жизни, питания и физкультуры.

В конце концов, если имеются публичные социология, история и медицина, то почему нельзя иметь публичную философию, которая может и должна выступать в роли концептуальной и теоретической основы идеологии. Противники этой точки зрения говорят о ней, как об опасной для самой философии позиции. Напротив, я полагаю, что это важнейший путь практического эффективного воздействия философии на развитие общества. Но, несомненно, философия должна оставаться при этом академической, профессиональной, тесно связанной с мировоззрением. Как же совместить две несовместимые, на первый взгляд, функции? В этом и состоит главная цель моего исследования.

В течение ряда лет в Институте философии РАН работал Общеинститутский семинар, на котором тема «Философия и идеология» постоянно оказывалась в центре внимания его участников. В частности, состоялась интересная дискуссия между Э. Соловьёвым и В. Межуевым. Уже названия опубликованных позже докладов говорили о принципиально различных позициях, которые они занимали.

Статья В. Межуева называлась «Философия как идеология», в которой он пишет о прямой связи классической философии с основными идеологиями буржуазной послереволюционной эпохи. Гуманизм Возрождения получил продолжение в идее коммунизма и утопического социализма, философия Просвещения сформировала идеологию либерализма, а философия романтизма во многом повлияла на идеи консерватизма. Сегодня каждый сам себе философ, а ныне существующая профессиональная философия все больше обретает камерный вид мысленного эксперимента интеллигента-одиночки. Какая философия может претендовать сегодня, спрашивает автор, на роль мобилизующей идеологии нашего времени, способной сплотить вокруг себя достаточно большое число людей? [6].

Э. Соловьёв в статье «Философия как критика идеологий», напротив, утверждает, что «идеология – это доктринально оформленное ложное сознание, которое, как правило, а) выдаёт известный частный, особенный интерес за *всеобщий*; б) предъявляет относительные, исторически обусловленные истины в качестве безусловных и абсолютных («*истин в последней инстанции*»); ...борьба за освобождение людей из-под власти идеологий не может быть успешной (а) без коренной перестройки образования и (б) без философского просвещения, избавленного от изъянов и односторонностей просветительства» [11].

Следует, между прочим, заметить, что философы, принципиально ограничивающие свою деятельность в публичном пространстве просвещенческой программой, по моим наблюдениям, часто оказываются в своеобразной пассивной оппозиции к существующей власти по сравнению с теми, кто вовлечен более-менее активно в политико-идеологическую деятельность. Эту ситуацию пассивной оппозиции можно понять и теоретически осмыслить, если принять к рассмотрению высокоцентрализованный характер государственной власти и управления, стремление власти решать насущные задачи в большей степени при помощи административно-управленческих структур, нежели посредством их публичного обсуждения.

Таким образом, перед нами имеется две группы ученых внутри единого философского сообщества, часто противостоящие друг другу по своему отношению к публичной деятельности, но сохраняющие, как правило, свою общую приверженность академической, профессиональной философии. Представляется также несомненным и то обстоятельство, что одновременно существуют и взаимодействуют две ипостаси философии – академическая философия и публичная философия. Последняя рассматривается как теоретическая основа практической идеологии, функционирующей в обществе. Имеем мы здесь в виду сегодня государственную или общенациональную идеологию – вопрос важный, но его мы кратко коснёмся в дальнейшем.

Любопытный материал содержится в беседе, состоявшейся в 2010 г., нынешнего главного редактора журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинина с известным ученым В.Ж. Келле. Б.И. Пружинин вспомнил о том, что философы, работавшие в

1960-г. в отделе исторического материализма Института философии АН СССР, «попытались различить и по возможности демаркировать истмат как идеологию и истмат как концептуальное основание научного взгляда на общество» [10, 61]. В.Ж. Келле в ходе интервью раскрыл подробно смысл этого различения: «Мы с Ковальзоном выдвинули идею, что идеология и познание образуют две тенденции в развитии общественного сознания, которые не совпадают друг с другом. Есть познавательная тенденция, ориентированная на объективность, и есть идеология, ориентированная на интересы. И в каждой форме сознания соотношение их своеобразное. В одних превалирует познание, в других – идеология. Но единственная форма сознания, которая анализирует и оценивает адекватность этих соотношений, – философия. В самой же философии соотношение идеологии и познания должна, так сказать, оценивать сама философия. Во всяком случае, философия – это та область сознания, которая занимается как раз этими вещами, что мы и делали в нашей книге. Надо сказать, для нас такая постановка вопроса была некоторой новацией. На Западе давно идеологию и познание разделили» [10, 65].

Цель моего исследования – доказать правомерность введения такого составного понятия как публичная философия в теоретический категориальный аппарат социальной философии. Важно провести эту демаркацию с тем, чтобы академическую философию «оставили в покое», чтобы власть каждый раз не пыталась вмешиваться в её развитие в связи с изменениями текущей политической ситуации. А каждый профессиональный философ сам выбирал бы общественную позицию: участие в просвещении или идеологических дискуссиях, или занятие исключительно академической, профессиональной философией. Другое дело, когда речь заходит о философском сообществе как весьма сложном социальном институте. Оно не может не выражать своего отношения к господствующей в обществе идеологии, к идеологической ситуации в обществе.

В своеобразном положении находятся философские факультеты отечественных университетов. С одной стороны, они готовят кадры для профессиональной философской деятельности, а, с другой, преподавательские кадры для нефилософских вузов.

А.А. Гусейнов в статье «О назначении философии» подчёркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой, и может ли это делать один и тот же человек — особый вопрос» [3].

Примерно до середины XIX в. зазор между профессиональным языком философии и естественным языком публичного общения был настолько велик, что конкретные практики перевода философского умозрительного знания на общедоступный язык фактически не возникали, хотя это знание, безусловно, оказывало большое влияние на характер решения актуальных проблем общества — политических, социальных, духовных.

Философия, разрабатываемая автором или коллективом авторов как целостная система, создает своё идеальное царство мысли — и потому содержит не только рациональное, но и утопическое начала. Философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на таких ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы. Философия стремится выразить свое понимание не только предельных онтологических оснований бытия, его универсальных всеобщих констант, в т.ч. и социального бытия, но и должного, совершенного или желаемого устройства общества в будущем. Отсюда проистекает неустранимое многообразие самых разных философских версий национальной идеи, особенно если говорить об отечественной академической философии.

Философия как теоретическое обоснование идеологии решает другие, не менее сложные, задачи. Введение понятия «публичная философия» позволяет дать более ясное понимание сути названного выше «переходника» между профессиональной философией и публикой, различными политическими и общественными организациями, которые обращаются к философским текстам или к самим философам в поисках ответов на волнующие их проблемы.

Как работает публичная философия. В поисках аргументации автор статьи обратился к работе «Публичная философия» американского философствующего политолога и политического обозревателя У. Липмана, которая была написана им в середине прошлого века, и, тем не менее, не устарела в постановке проблемы, поскольку в ней описывается примерно та самая ситуация, о которой сейчас идёт речь.

У. Липман пишет, что публичная философия является базой и оплотом политических институтов западного общества, и её наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII-XVIII вв. были сторонниками определённой публичной философии – учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа, ...выше всего сообщества смертных» [5, 90]. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (cosmos). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII в. обосновали свою государственно-властную конструкцию. Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно определяющих суть западной цивилизации, начиная, как считает У. Липман, с Римской империи. И эти ценности, – пишет он, – «не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии» [5, 93].

У. Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического, западного государства. Публичная жизнь граждан – это открытое взаимодействие между ними посредством диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было формой организации публичной жизни в античном полисе. Публичные дискуссии становятся нормой и имеют позитивные результаты только в рамках принятой системы ценностей, т.е. при наличии объединяющего начала. У. Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьёз озабочен падением публичного интереса к политике.

У. Липман отмечает, что нужно восстановить то объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности. У. Липман в этой связи пишет и о разрушительной деятельности революционеров. Создаваемые ими движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона — это вопрос целесообразности практического разума.

Таким образом, основной смысл идеи публичной философии, по У. Липману, состоит в том, что она включает в себя некоторую совокупность ценностей, выступающих основой идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику, т.е. на активных граждан. Она играет роль философского обоснования эффективности идеологии, которая, с одной стороны, сплачивает общество, а, с другой, устанавливает барьеры, границы дозволенного.

Идеология довольно жёстко определяет эти границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь, в том смысле, что возникают разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии, становится излишним всякое сомнение в безусловности объединительного согласия. С помощью самых различных, в т.ч. и репрессивных мер, все различные массовые и политические движения, включая европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок и партийной дисциплины. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Вся политическая практика XX в. говорит о том, что рамки любой идеологии оказывались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются

новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение.

Идеи У. Липмана подхватил в середине 1990-х гг. Джозеф Овертон (1960-2003), американский юрист и общественный деятель, который предложил для оценки политической тематики свою концепцию «Окно Овертона». Согласно последней, есть определённый круг мнений, который общество одобряет или порицает, а их выразителями выступают политики, СМИ, разного рода общественные или гражданские активисты. Если говорить кратко, то это – список идей и вопросов, о которых политики могут говорить без опаски для своей репутации. В «Окно» входит то, что приемлемо и допустимо для политиков в данном обществе. А что не приемлемо, лежит вне рамок «Окна», не должно публично звучать.

В 2006 г. публицист Дж. Тревиньо дополнил Овертона, предложив шкалу допустимости идей в открытом обсуждении: немыслимое, радикальное, приемлемое, разумное, стандартное. Три последних пункта – это то, что входит в «Окно Овертона», о чём говорить можно; а два первых – вне обсуждения. По сути, эту шкалу можно взять за основу технологии, цель которой состоит в том, как эволюционным путём та или иная идея в глазах общества может быть превращена из немыслимой в обществе в действующую норму с вытекающими отсюда последствиями.

Итак, можно с достаточной обоснованностью говорить о двух ликах философии. Есть философия академическая и философия публичная. Последняя составляет некоторую часть академического знания, особым образом отобранного. Мы уже отмечали ранее, что философская основа идеология У. Липмана вполне определённо выражает базовые характеристики западной цивилизации. Следовательно, и применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть тесно связана с характеристикой цивилизационных основ российского общества, если, конечно, мы признаём существование российской цивилизации.

Философия в публичном пространстве России как публичная философия. «Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению ака-

демических поисков и достижений с поисками и реализацией оптимального вектора развития страны через постоянный возобновляемый дискурс с различными политическими силами.

Другими словами, публичный философ – это профессионально подготовленный философ, который отваживается вступить в обсуждение весьма острых общественных проблем в рамках существующего партийно-политического пространства. Публика как политически активная часть общества стремится понять смысл происходящих в обществе процессов и, прежде всего, решений верховной власти, выступлений оппозиции, предлагаемых ею альтернатив. В разрыве между профессиональной философией и многочисленными политико-идеологическими практиками формируется поле применения знания особого рода – публичной философии, «заточенной», как говорят сегодня, на постоянный дискурс между всеми участвующими в нём политическими и общественными субъектами. Дискурс может и не складываться, и тогда возникает проблема, как быть с теми, кто не желает идти на какие-то публичные обсуждения и тем более компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в ней строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до самого последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами. Публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. Отсюда и естественное увлечение философии просветительскими целями и ограничение себя этой деятельностью. Сегодня публичная политика вновь идёт скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. Для этого имеются причины, прежде всего, объективного характера и потому постоянно корректируются законы, регулирующие публичную сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как сложное, теоретическое знание, которое, прежде всего, содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в ходе разработки объединительной идеологии первич-

ным по отношению к дискурсивной практике, к постоянному сопоставлению конкурирующих предложений. И это даёт основание говорить о реальной возможности достижения устойчивого национального согласия в стране. Тем более, что цивилизационный подход в сегодняшней российской трактовке заметно деполитизирован, классов и сословий нет, есть только социальные слои, культурно-исторические традиции, духовно-нравственные ценности, а также государство и присущая ему властно-управленческая иерархическая структура и т.д.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии в вузах для неспециалистов. В них всегда есть стремление создать некоторую единую общезначимую систему философского знания. В ином случае — как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в т.ч. и методические вопросы, если нет вообще никакого объединяющего начала.

Такое же требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получить более или менее определённый ответ на волнующие их вопросы. А им предлагают разные, часто несовместимые между собой ответы с тем, чтобы они выбрали тот из них, который им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит самим целям образования, поскольку выбору всегда должен предшествовать определённый объем базовых знаний.

Философский учебник для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Её назначение состоит также и в том, что она обязана давать учащимся и всем читателям понятные ответы на реальные проблемы, которые стоят перед ними и обществом. Поэтому создание учебных философских курсов для огромного разнообразия нефилософских специальностей есть помимо всего прочего и особое искусство, которое заключается в том, как выбрать из огромного объема знаний, накопленных академической профессиональной философией, самое важное и необходимое.

Таким образом, публичная и академическая философии — это две стороны одной медали. Академическая философия во всем её многообразии — предмет занятий профессионального

сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что сможет предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Но их нужно развести друг с другом и тем самым защитить академический характер профессиональной философии, которая не может терпеть ни однообразия, ни диктата, поскольку у неё своя логика развития.

Какая публичная философия может помочь России выработать общенациональную идеологию? Теперь мы остановимся подробнее на перспективах создания эффективной идеологии развития, рассчитанной на длительную перспективу. С этой целью обратимся к тем философским учениям, как отечественным, так и зарубежным, которые показали в последние столетия способность к созданию универсальных идеологий. Таковыми оказываются три основные идеологии, несмотря на их модификации и кризисные состояния. Применительно к России это – идеологии западного (европейского) либерализма, марксизма (здесь имеется в виду советский вариант марксистского социализма) и российского консерватизма. Их взаимодействие в современном российском обществе носит весьма интенсивный характер: они ведут жёсткую по многим параметрам борьбу. Но, несмотря на это, можно зафиксировать парадоксальный факт соединения этих трёх идеологий в символах российского государства в начале нынешнего века: это российские флаг, герб и гимн. Никого не удивляют сегодня заложенные в них глубокие смыслы, которые уходят своими корнями в названные ранее совершенно различные идеологии.

Сегодня часто говорят, что нет необходимости в единой обязательной государственной идеологии. С этим мнением можно в целом согласиться, но стране, безусловно, требуется общенациональная идеология развития, которая помогала бы гражданам государства связывать высшие духовно-нравственные ценности общества, его стратегические цели со своим индивидуальным мировоззрением и практическими интересами. Намевившееся по некоторым пунктам сближение этих идеологий пока не свидетельствует о движении к более или менее органическому их соединению и тем самым к достижению прочного общенационального единства.

Так что предварительно на вопрос, какая философия нужна сегодня России, можно ответить так: нам нужна, прежде всего, отечественная публичная философия, которая в своей сущности должна представлять философскую основу создаваемой или уже действующей общенациональной идеологии развития страны. И этой основой должна выступать совокупность основных констант или черт российского государства — цивилизации. Именно создание публичной философии должно быть в центре внимания философов, поскольку, с одной стороны, она опирается на всё многообразие философской академической мысли, а, с другой стороны, находится в постоянном контакте со всем многообразием публичной, прежде всего, политико-идеологической активности граждан.

Это главная задача всей отечественной философии в условиях длительного отсутствия прочного общенационального согласия. Публичный философ должен говорить с любыми по своей идеологической ориентации людьми, убеждать их в необходимости придерживаться базовых констант российской цивилизации, а если ещё не удалось полностью их выявить, то все равно доступно и аргументированно показывать, что их наличие выступает условием существования активной политической жизни в стране, а стало быть и ее динамичного развития.

В настоящее время издано много работ, в основном публицистического характера, в которых своеобразие российской цивилизации обсуждается без обращения к академическим философским трудам. В свою очередь, академическая философия часто проходит мимо и не обращает должного внимания на сегодняшнее состояние духовно-нравственных ценностей и общественно-политических интересов российских граждан. Между академической мыслью и актуальной политической публицистикой, средствами массовой информации, отсутствует то промежуточное, среднее звено, которым и является публичная философия.

В этой ситуации возникает важный вопрос, о котором теперь пойдет речь. Выше говорилось о том, что три универсальных философских учения смогли создать три идеологии, которые изменили мир и продолжают его менять. Я убеждён в том, что ни одна из этих идеологий не может стать сегодня домини-

рующей и тем более единственной идеологией развития российского общества.

Сама по себе постановка вопроса об интегративной идеологии не нова. О ней постоянно пишут публицисты в журналах и газетах, появляются разделы в учебниках по политологии. Замечательно, что эти вопросы наконец-то переместились в центр внимания общественной мысли [см. прим. 2]. Однако встречающиеся здесь суждения и выводы, как правило, лишены основательной философской проработки. Более того, в работах на эту тему вообще не просматривается стремление к установлению диалога различных идеологий между собой. Политический дискурс как таковой слабо просматривается в российском общественном сознании. Философы проявили интерес к интегративным процессам в идеологии ещё в 1990-е гг., когда был издан ряд работ, которые тогда обратили на себя внимание общественности, но затем этой проблемой перестали фактически заниматься.

Трудности создания общенациональной интегративной идеологии велики, и их не следует преуменьшать. Прежде всего, высказывается опасение, что её создание грозит тем, что оно приведёт к перерождению государства в идеократическое (один из главных пунктов классического евразийского проекта для постсоветской России). Строго говоря, функциональное назначение интегративной идеологии заключается в максимальном сплочении значительного большинства граждан для свершения страной мощного мобилизационного рывка.

Не следует забывать, что Россия заметно отстаёт от высоко развитых капиталистических государств по уровню экономического развития, хотя ситуация в последнее время меняется к лучшему. Сегодня сохраняется смысл высказанного почти сто лет назад императива: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

В защиту интегративной идеологии можно привести и следующий довод. Отношения России с Западом носят циклический характер. Когда страна в разные времена стремилась подражать Западу, быть похожей на него, как например в последние десятилетия, то растёт идеологическое разнообразие, ведущее её

к катастрофе и распаду. Когда же Россия возвращается к себе, ищет самостоятельный путь развития после разного рода революционных потрясений, то происходит вполне закономерный переход от плюрализма идеологий к национальной идеологии мобилизационного развития, для которого необходимо единство и сплочённость граждан.

В рамках одной статьи нет возможности обсуждать всю содержательную сторону проекта создания интегративной идеологии. Остановимся лишь на вопросе о том, какими интеграционными возможностями обладает каждая из указанных идеологий. Возвращение России к себе означает, прежде всего, возвращение к своим многовековым культурно-историческим традициям. Именно в них скрыто всё богатство отличительных черт российской цивилизации и российского государства.

Несмотря на большую работу, проделанную отечественными учеными в последние два десятилетия, историю становления российской цивилизации, особенно в контексте межцивилизационного взаимодействия, ещё нужно изучать. Но сегодня стало очевидным, как мне представляется, что только российский консерватизм может дать ту теоретическую основу для выстраивания современной интегративной идеологии развития страны, которая будет мыслиться как интеграция консерватизма с важными сторонами идеологии советского социализма и западного либерализма.

Что, на мой взгляд, подтверждает эту точку зрения? Философское учение должно быть отечественным, а не зарубежным учением, испытавшим, разумеется, различные влияния извне. И оно было, и остаётся частью многовековой культурно-исторической традиции. Нужно отдавать себе полный отчёт в последствиях общей отсталости России в прошлом от западноевропейских стран (западной цивилизации в целом), которая породила устойчивые формы заимствования западных философских и идеологических течений. Отечественные философы должны быть, прежде всего, озабочены тем, чтобы в обществе восторжествовало прочное общенациональное единство и согласие относительно основных базовых начал российской цивилизации.

Однако обсуждать и решать эти вопросы следует исходя из сегодняшнего характера отношений Запада и России. Ситуация

остаётся сложной и её не следует упрощать. С одной стороны, отставание российской цивилизации от западной складывалось на протяжении нескольких веков и было бы неосмотрительно закрывать на это глаза и считать, что его можно, как говорится, в одночасье преодолеть. Вечное ученичество, как однажды выразился славянофил А.С. Хомяков, говоря об отношениях России и Запада, ещё не сошло на нет. Глубинная причина сложного состояния философского сообщества, как и самой философской мысли, — это столкновение с экономически более развитой цивилизацией; об этом не один раз напоминал А.В. Смирнов.

В сегодняшней ситуации продолжается и, более того, усиливается давление «коллективного Запада» на общественную жизнь России с целью навязать ей свою повестку. Российский консерватизм вырос на отечественной почве, в то время как классический либерализм и классический марксизм пришли в нашу страну в XIX веке из Европы. И они не могли быть практически использованы в обществе без соответствующей адаптации (главным образом по линии упрощения) к российским условиям. Однако историческая практика к концу XX — началу XXI вв. показала, что и та, и другая идеология потерпели поражение.

Как же складывалась ситуация в первые десятилетия нынешнего века? Обсуждение консервативного проекта началось в 1990-х годах, и всё это время вплоть до сегодняшнего дня оно продолжается по нарастающей. Можно назвать богатейшую историко-философскую литературу, многочисленные монографии и журнальные статьи [см. прим. 3]. Но вот что примечательно, что как и в случае с обсуждением интегративной идеологии, здесь складывается аналогичная ситуация. Практически глубоко не обсуждается отношение современного консерватизма к марксистским социалистическим идеям. Несколько лучше его отношение к либеральным идеям, которые ещё совсем недавно были доминирующими в выступлениях правящей элиты, в СМИ и в соцсетях.

К примеру, в статье М.Н. Начапкина «Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития», опубликованной в журнале с примечательным названием «Научный диалог», нет и намёка на диалог. Автор утверждает, что «анализ работ современных консерваторов позволяет сделать вывод о большом, ещё не используемом по-

тенциале российского консерватизма» [7, 211]. Вывод понятен. Не ясно только, кто будет реализовывать консервативные проекты в жизнь, кто главный политический субъект этой реализации? Но если бы мы ограничились констатацией того факта, что та или иная идеология не принимает всерьёз наличие других идеологий и не собирается вести политический диалог, то тогда и нет смысла ставить вопрос о создании интегративной идеологии.

Но на самом деле все три выделенные нами идеологии постоянно вбирают в себя наиболее пригодные для них идеи, принадлежащие другим идеологиям. Отсюда и постоянно возникающие сожаления и даже претензии о заимствованиях идей друг у друга, очень часто при отсутствии названия конкретных источников. Консерватизм не может стать в своем классическом виде притягательным, а тем более доминирующим в общественной жизни, поэтому он вбирает в себя многие идеи, характерные для других идеологий. К примеру, появляется «творческий консерватизм», который начинает обсуждение привлекательного образа будущего по образцам идеологии советского социализма, или даже в духе Русской мечты.

Примерно то же самое можно сказать и в отношении классического западного либерализма, который уже в начале 1990-х гг. начинает осваивать консервативные ценности. Как отмечает Э.А. Попов, первооткрывателем «консервативного творчества» в рамках российского либерализма стала партия российского единства и согласия (см. прим. 1, с. 125). По-видимому, это была первая попытка создания постсоветского консервативного либерализма. Более удачной попыткой оказалась созданная партией «Наш дом – Россия» идеология либерального консерватизма, которая стала выполнять де факто некоторые функции государственной идеологии.

Ситуация, можно сказать, немного парадоксальная. В Конституции РФ 1993 г. уже была воспроизведена фундаментальная черта российского консерватизма, что специально отметила Л. Шевцова, – один из непримиримых представителей радикального западного либерализма. «Уже до того, как в Россию пошла западная помощь, Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти. ...Если речь идёт о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути “подчинённо-

го” либерально-демократического развития, как страны Центральной и Восточной Европы» [17, 26].

В 80-й статье Конституции РФ говорится: «Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства», что возвышает его над всеми ветвями власти. Впоследствии в Конституцию были также внесены важные поправки, которые позволили выстроить полностью высокоцентрализованную властно-управленческую структуру.

Впрочем, такая структура государственной власти устраивала пришедшую к власти либеральную элиту, которая всерьёз была намерена использовать всю эту систему в качестве орудия своей диктатуры. Но сопротивление было настолько велико, как с точки зрения других партий, так и со стороны различных социальных слоев населения, что правящая часть радикальной либеральной элиты добровольно пошла на смену политического режима в конце прошлого века и стала переходить на позиции либерального консерватизма.

Так что либерально ориентированная часть российского общества сегодня разделена на две потока. Либералы-западники активно выступали и выступают за продолжение реализации западного проекта типа «модерн». Их не устраивает то обстоятельство, что Россия остановилась, по их мнению, на полпути. Общий смысл этих либеральных настроений образно выразил решительный противник империи и всех имперских амбиций Э. Паин: «Смогут ли россияне выдать из себя империю?.. В России растущая ксенофобия — одно из состояний затухающей империи, повелители которой эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с искусственным “традиционализмом” и клерикализмом» [8, 49-50].

Нужно отметить, что примерно четверть жителей страны разделяют ценности либерализма, и некоторые из этих ценностей прочно вошли в российскую жизнь. Защита Конституцией частной собственности и рыночных отношений означает и защиту определённого образа жизни, поведения и взглядов, а, следовательно, и право на существование либеральной идеологии. Тренд реформирования российского государства с либерально-западнической точки зрения выглядит весьма простым и понятным: довести неоконченный процесс его преобразования до со-

стояния нормального европейского государства. Высказываются при этом и совсем уж радикальные взгляды о необходимости настоящей либеральной диктатуры с тем, чтобы довести этот процесс до конца.

Убеждённые консерваторы с большой осторожностью относятся к тем либеральным идеям, которые пришли в Россию вместе с перестройкой. Появление либерального консерватизма явилось результатом компромисса между персоналистской высшей властью и прозападной либеральной олигархией, который не разрешил глубоких противоречий между ними, но получил определённое идеологическое оформление, к стати воспринятое негативно значительной частью населения страны.

Либеральный консерватизм, который фактически выступал правящей идеологией, вскоре после 2012 г. стал эволюционировать в направлении социального консерватизма. Большое внимание в политике последнего отводится сохранению культурно-исторических традиций, социальному положению и социальной защите граждан, однако главный вопрос о стратегической цели развития остается до сих пор нерешённым.

В первом десятилетии нынешнего века начался процесс усиления централизованного государства. Его защитники апеллировали к истории страны. Основную идею консервативной позиции удачно выразил А.С. Панарин. Про его мнению, идея централизованной империи «выстрадана в России в ходе трагического опыта усобиц, разрывающих единое народное тело и препятствующих нормальной цивилизованной жизни» [9, 892]. Именно империя и выступала носителем развитой совокупности базовых констант российской государственности.

Всё сказанное не означает апологии российской империи, тем более, её дореволюционного внешнего облика. Речь идёт о многовековом сохранении матрицы (культурного кода) воспроизводства государства-цивилизации как целостной социально-исторической общности, которая, разумеется, несовершенна, как и всё то, чего она достигает и чем гордится.

Матрица российского государства сложилась в добуржуазную эпоху и, порождая впоследствии другие конкретные формы государственности, остаётся себе тождественной с точки зрения своей субстанциональности или онтологических констант. В этом

и заключается разгадка того, что называется уникальностью российской цивилизации при рассмотрении логики развития российской имперской государственности – Русского (Российского) царства, Петровской империи, Советского Союза, Российской Федерации. Возрождение в новых формах традиционных структур власти и общества в государствах-цивилизациях на современном этапе их развития – несомненный эмпирический факт [16].

Историчность концепта «империя» – одна из самых сложных проблем социально-гуманитарного знания. Глубинное родство и различия конкретно-исторических видов Российской империи требуют введения в социально-гуманитарную науку новых понятий, отражающих современное содержание и функции российского государства. И одно из таких понятий, которое нам представляется главнейшим, появилось совсем недавно – это государство-цивилизация или страна-цивилизация. Оно обладает большой новизной и своим собственным богатым содержанием. Уникальность и неповторимость её облика объясняется также и тем природным ареалом, который она занимает.

Мы уже говорили о том, что в состав интегративной идеологии должны войти тем или иным образом и многие положения идеологии советского общества. Если брать ценностные, идеологические предпочтения российских людей, то они делятся примерно на три равные части. При этом одна треть четко придерживается левых, в основном социалистических взглядов и настроений.

Как же консерватизм выстраивает свои отношения с социалистическими настроениями российских людей? Необходимо, прежде всего, выяснить, в чём заключается их глубокое родство и не менее глубокое различие. Многие авторы, пишущие о современной России, считают, что, в каких бы облициях она ни выступала на исторической арене, всегда была, есть и останется в обозримом будущем империей. Конкретная атрибутика есть просто детали, а суть остается одной и той же. Смысл такого суждения состоит в утверждении бесспорного факта, что существует определённая матрица российского государства-цивилизации в виде набора неизменных констант. Но почему это следует считать негативным явлением, а саму Россию несовременной страной?

Как уже ранее отмечалось, глубинное родство между Петровской империей, Советским государством, которое иначе как империей на Западе не называют, и современной Российской Федерацией заключается в схожей организационной конструкции государства. Если брать идеологическое содержание дореволюционного (классического) консерватизма и советского социализма, то различия между ними весьма существенны. Но сегодняшний российский социальный консерватизм стремится ориентироваться не только на многовековые имперские традиции, но и на советские. Но с моделью будущего, совершенного общества у него имеются проблемы.

В идеологии советского марксизма весь пафос был обращен на строительство коммунистического общества. При этом она относилась к культурно-историческим традициям в целом как к архаике, к чему-то устаревшему. По мере того, как строительство развитого социалистического общества заходило в тупик, принципы раннего, административного социализма переставали быть двигателем прогресса и превращались в его тормоз. В этой ситуации родилось стремление найти в прошлом новые стимулы к продолжению строительства социализма. После падения общества реального социализма сторонники продолжения социалистического пути всё настойчивей стали говорить о необходимости обратиться к новой модели социализма – к социализму с российской спецификой, наподобие того, как это имеет место в современном Китае, достигшем фантастических успехов на пути строительства социализма с китайской спецификой.

Переход к новой модели социализма – социализма XXI века – давался и даётся российским коммунистам, всем сторонникам социалистического пути, трудно; далеко не однозначно он оценивается ими и сегодня. По словам Г. Зюганова, «основой идеологии, открывающей путь к возрождению, должна стать современная русская идея, способная объединить все народы страны во имя общего дела и общего блага. Идея, опирающаяся на социализм и тысячелетние духовные, патриотические ценности. Скрепляющая нацию в едином творческом порыве» [4]. Это основной тренд, который свидетельствует о сближении коммунистической идеологии с социальным консерватизмом, присвоении ряда его основополагающих принципов. Многие авторы

пишут о том, что при такой позиции КПРФ трудно выдавать себя за идейного преемника КПСС. Тем не менее, если будущее российского общества неразрывно связано с социализмом, то он должен принять российский характер, вобрать в себя основные черты российской цивилизации. И это большая проблема.

В советском социализме главной положительной чертой была устремлённость в будущее, поэтому историческое прошлое казалось далекой архаикой. Это противопоставление будущего прошлому сыграло роковую роль в его судьбе. Он был государственно-административным социализмом, и он не мог быть другим, поскольку деятельность государства как главного субъекта созидания нового общества восполняла отсутствие ряда важнейших условий для его нормального, естественно-исторического развития. Возвращение к прошлому привело к осознанию неразрывной связи будущего с прошлым, с тем, что составляет основные черты, константы российского государства, всей российской цивилизации в целом.

Преодолению конфликта между идеологией социального консерватизма и советского социализма способствует тот факт, что многие их оценки схожи, к примеру, в отношении особенностей природы российского государства. Кажется, значительное большинство граждан согласны с тем, что в современных условиях необходимо иметь сильное централизованное государство. Но сложившаяся идеологическая ситуация такова, что её разные участники строят свои проекты с использованием собственного понятийного аппарата. И потому могут идти параллельными курсами в своих обращениях к гражданам. Интегративная идеология при таком положении дел складывается медленно, вмещая в себя самые разные противоречия.

Способ преодоления различий между идеологиями консерватизма и марксизма состоит в том, что советский социализм должен быть переосмыслен в социализм с российской спецификой не внешне, не в виде прибавления новых слов и предложений, а теоретически выведен из многовековой истории российского общества. Идеология социального консерватизма, в свою очередь, должна получить светскую интерпретацию. Как известно, божественное как сакральное составляет стержень всего идеологического содержания консерватизма. Сакральное, по-

видимому, будет присутствовать и в понятийном аппарате интегративной идеологии, но это будет уже светская сакральность. По замечанию В.И. Спиридоновой, при разработке проблем консолидации российского общества приходится сталкиваться «с недостаточным осознанием важности роли сакрального в устроении социального порядка» [13, 36]. Светски понятое «сакральное» — одно из наиболее важных функциональных оснований социальности в современных развитых государствах, мощная основа единства и согласия его граждан.

Приходится, однако, говорить о том, что все рассуждения о взаимодействии и взаимном проникновении идеологий не рожают особого оптимизма в быстром и благополучном решении вопроса о создании общенациональной идеологии. Дело в том, что пока не очень получается решить проблему духовного возрождения российских граждан. Главное сегодня — решительно поменять подходы к её решению. Скорее всего, духовность должна носить, как и высшая власть, интегративный и надпартийный по своему содержанию характер, способный объединить людей вокруг практического решения Общего Дела.

Историческое творчество русского, российского человека предметно и выразительно проявилось и проявляется, прежде всего, в покорении, в освоении пространства, имеющего четыре измерения: земное, водное, воздушное и космическое. Это та неведомая стихия, на освоение которой всегда было направлена изобретательность, творчество, энергия, немыслимая отдача и преданность русского человека на протяжении столетий. Причем отношение к этой стихии, в общем, естественно лишено жестких идеологических и партийных перегородок.

Символ российской жизни — Дорога. От дороги до края света, которую искали землепроходцы и мореплаватели, до дороги в Космос. Это стремление к освоению пространства имеет мощные исторические и метафизические корни — от крестьянских утопий о «счастливых землях» и до русского космизма. Российская (русская) цивилизация и сегодня остаётся уже не просто «цивилизацией пространства», а устремленной в будущее «цивилизацией покорения пространства и времени».

Теперь можно сказать в заключение, насколько сложны, ответственны и абсолютно необходимы публичная философия и

деятельность публичного философа в обществе. Ведь на него возложена задача создания интегративной идеологии, которая может быть решена, если философ при общении с представителями различных идеологических направлений будет обсуждать вместе с ними как смысл наиболее значимых черт российской цивилизации, так одновременно и возможности интегративного видения будущего в его идеологически значимой временной перспективе. Это задача не одного дня. Вопрос о принципиально новых механизмах воздействия идеологии на массовое и индивидуальное сознание в XXI в. является предметом отдельного, самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккерман Ф., Аккерман Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого // Журнальный зал. [электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения – 16.04.2023).
2. Буравой М. «За публичную социологию» // Общественная роль социологии. Под ред. Романова П. и Ярской-Смирновой Е. – М.: Вариант. 2008. – 173 с.
3. Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию академика Т.И. Ойзермана. М., 2005. [электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001041/st000.shtml> (дата обращения – 15.04.2023)
4. Зюганов Г.А. Русский стержень державы // Завтра. Блоги и сообщества // Авторский блог Геннадия Зюганова. 22 мая 2020 г. [электронный ресурс] URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_sterzhen_derzhavi (дата обращения: 20.04.2023).
5. Липман У. Публичная философия. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 159 с.
6. Межуев В. Философия как идеология // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 171–180.
7. Начапкин М.Н. Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития // Научный диалог. – 2016. – №7(55). – С. 199–214.
8. Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra, 2014. – № 1-2. – С.34–53.
9. Панарин А.С. Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
10. Пружинин Б.И., Келле В.Ж. Беседа Б.И. Пружинина с В.Ж. Келле (11 мая 2010 г.) // Вопросы философии. – 2011. – №1. – С. 60–67.
11. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. – 2017. – N.10. – № 3. – С. 5–31.
12. Смирнов А.В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 188–210.
13. Спиридонова В.И. Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества // Социально-исторические и идейные основы современного российского государства. – М.: ИФ РАН, 2014. – С.11–56.
14. Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М.: ЛУМ, 2015 – 104 с.
15. Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 5–18.

16. *Шевченко В.Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 1. – С. 29-47.
17. *Шевцова Л.* Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 272 с.

Примечания

1. См. статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? // *Философский журнал*. – 2012. – № 2. – С. 5-16; *Федорова М.М.* Философия и политика // *Философский журнал*. – 2012. – № 2 – С. 17-26; *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // *Философский журнал*. – 2012. – № 2 – С. 27-44.

2. См.: *Лотарев К.А.* Возможности и перспективы консерватизма в консолидации российского общества // *Власть*. – 2016. – № 2. – С. 101-111; *Мигранян А.М.* Переосмысливая консерватизм // *Вопросы философии*. – 1990 – № 11. – С. 114-122; *Никонов В.А.* Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 888 с.; *Попов Э.А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика – Ростов на Дону: Ростовский ун-т, 2005. – 196 с.; *Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации (Политическая антология) / Авт.-состав. Д.Н. Бакун.* – М.: Грифон, 2012. – 608 с.; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России – М.: Academia, 2007. – 520 с.; *Социальный консерватизм как фьюшн-идеология // Журнал «Изборский клуб».* – 2021. – № 11. – С. 4-18; *Тяпин И.Н.* Современная оценка имперского опыта российской цивилизации: противостояние подходов и возможности их интеграции // *Тетради по консерватизму*. – 2022. – № 2. – С. 277-286; *Черняховский С.Ф.* Империя как запрос // *Тетради по консерватизму*. – 2022. – № 2. – С. 319-334.

3. *Багдасарян В.* Образ ковчега. Интегральная идеология России // *Завтра. Сообщество «Изборский клуб»* [электронный ресурс] URL: http://zavtra.ru/blogs/obraz_kovchega (дата обращения – 31.03.2021); *Идеология Победы как национальный проект (Интегральный доклад Изборского клуба) // Журнал «Изборский клуб».* – 2021. – № 10. – С. 8-62; *Калашников М.* Мосты в грядущее. Об интегральной идеологии Великой России // *Завтра. Сообщество «Образ будущего»* [электронный ресурс] URL: zavtra.ru/blogs/mosti_v_grydushee (дата обращения – 28.04.2023); *Делягин М.* Новая русская идеология // *Сайт Института Царьграда* [электронный ресурс] URL: <https://katehon.com/ru/article/novaya-russkaya-ideologiya> (дата обращения – 28.04.2023).

Vladimir N. Shevchenko

WHAT KIND OF PHILOSOPHY DOES RUSSIA NEED TODAY?

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: vladshevchenko@mail.ru

***Abstract:** one of the most pressing issues of modern life in Russian society is discussed in the paper: under what conditions can philosophy*

more effectively serve today the dynamic development of Russia. The legitimacy of introducing such a compound concept as public philosophy into the categorical apparatus of modern social philosophy is proved. Further, the necessity of a clear distinction between academic, professional philosophy and public philosophy as a special part of the content of academic philosophy is affirmed. The main meaning of the idea of public philosophy is that it is a certain set of values and principles on which the Russian civilization was built and continues to develop. Considerable attention is paid to the analysis of the process of formation of a nationwide integrative ideology, which is conceived as a synthesis of the ideology of conservatism with important aspects of the ideology of Soviet socialism and Western liberalism. A detailed analysis of the difficulties and obstacles faced by the process of formation of an integrative ideology in Russian society is given.

Keywords: *academic philosophy, public philosophy, enlightenment, political activism, integrative ideology, conservatism, Soviet socialism, Western liberalism*

REFERENCES

1. Akkermann F., Akkermann Ya., Littke A., Nisser Zh., Tomann Yu. Prikladnaya istoriya ili publichnoe izmerenie proshlogo // Neprikosnovennyi zapas. – 2012. – № 3(83).
2. Buravoi M. «Za publichnuyu sotsiologiyu»./ Obshchestvennaya rol' sotsiologii. Pod red. Romanova P. i Yarskoi-Smirnovoi E. – M.: Variant. 2008. – 173 s.
3. Guseinov A.A. O naznachenii filosofii // Filosofiya i istoriya filosofii. K 90-letiyu akademika T.I. Oyzermana. M., 2005 [elektronnyi resurs] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001041/st000.shtml> (data obrashcheniya – 15.04.2023).
4. Zyuganov G.A. Zavtra. Blogi i soobshchestva // Avtorskii blog Gennadii Zyuganova. 22 maya 2020. (data obrashcheniya – 20.04.2023).
5. Lipman U. Publichnaya filosofiya. – M.: Ideya-Press. – 2004. – 159 s.
6. Mezhuiev V. Filosofiya kak ideologiya // Filosofskii zhurnal. – 2017. T. 10. – № 4. – S. 171-180.
7. Nachapkin M.N. Fenomen sovremennogo rossiiskogo konservatizma: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya // Nauchnyi dialog. – 2016. – №7 (55). – S. 199-214.
8. Pain E. Ksenofobiya i natsionalizm v epokhu rossiiskogo bezvremen'ya // Pro et Contra. – 2014. – № 1-2. – S. 34-53.
9. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya. – M.: Institut ruskoj tsivilizatsii, 2014. – 1248 s.
10. Pruzhinin B.I., Kelle V.Zh. Beseda B.I. Pruzhinina s V.Zh. Kelle (11 maya 2010 g.) // Voprosy filosofii. – 2011. – № 1. – S. 60-67.
11. Solov'ev E.Yu. Filosofiya kak kritika ideologii. Chast' II // Filosofskii zhurnal. – 2017. – N.10. – №3. – C.5-31.
12. Smirnov A.V. Tekushchie zadachi ruskoj filosofii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. – 2021. – T. 3. – № 1. – S. 188-210.
13. Spiridonova V.I. Noveye izmereniya globalizma i problema konsolidatsii rossiiskogo obshchestva // Sotsial'no-istoricheskie i ideinye osnovy sovremennogo rossiiskogo gosudarstva. – M.: IF RAN, 2014. – S.11-56.

14. *Filosofiya v publichnom prostranstve sovremennoi Rossii / Sbornik materialov.* – М.: LUM, 2015 – 104 s.

15. *Shevchenko V.N. Zachem nuzhna obshchestvu publichnaya filosofiya? // Filosofskii zhurnal.* – 2014. – № 1 (12). – S. 5-18.

16. *Shevchenko V.N. Ontologicheskie konstanty Rossii kak gosudarstva-tsilizatsii v kontekste vseмирnoi istorii // Filosofskie nauki.* – 2019. – Т. 62. – № 1. – S. 29-47.

17. *Shevtsova L. Odinskaya derzhava: Pochemu Rossiya ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom / Mosk. Tsentr Karnegi.* – М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. – 272 s.

Поступила в редакцию – 08.05.2023 г.

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Онтология и теория познания. Логика

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_78_91

А.А. Аргамасова

ЦЕННОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ

***Аннотация:** в статье изучаются формы субъективного знания (личностное знание, коллективные представления, свидетельства очевидцев, контекстная информация и персонализация) в сравнении с объективным (научным) знанием. Субъективное знание понимается в философии во множестве смыслов, не все из которых дискредитируют его когнитивную ценность. Субъективный опыт содержит потенциально ценную информацию, познание, рассмотренное в процессе, а не с точки зрения искомого результата. Субъективными могут оказаться как индивидуальное мнение, так и коллективное суждение без должной степени общезначимости и обоснованности. Социальная эпистемология способна объяснить, как субъективные и объективные элементы непротиворечиво сочетаются в научном познании, без подрыва рациональных основ нашего мышления. М. Полани считал, что личностное знание не устранимо из науки и образует фундаментальную основу абстрактного мышления. Сплав личностного и объективного происходит в каждом акте познания. Полани констатирует данный факт, до сих пор являющийся философской проблемой, на прояснение которой и направле-*

Аргамасова Александра Александровна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва). E-mail: argamakova@gmail.com

но настоящее исследование, результаты которого говорят о том, что субъективное знание нельзя понимать исключительно в качестве произвольного искажения реальности.

Ключевые слова: субъективное знание, личностное знание, знание от свидетельств, коллективные суждения, виртуальная реальность, персонализация, социальная эпистемология.

Формулировка проблемы. Обычно мы верим в то, что познание стремится к объективности — наука, философия, прикладное знание. Объективное знание — и только оно — обладает настоящей ценностью.

Субъективным может быть искусство, потому что оно отражает неповторимый внутренний мир художника. Искусство — это способ виденья мира, который всегда субъективен, наполнен чувствами, личными переживаниями. Этим эмоциям и аффектам придана оригинальная форма, непривычно представляющая окружающие вещи и событийность. К тому же, художественная форма репрезентации привлекательна с эстетической точки зрения, даже когда дело касается негативного содержания.

Тем не менее, социальная эпистемология позволяет иначе понять эту проблему. Точнее — обычно и проблемы никакой нет. Наука ищет и находит объективную (или интерсубъективную) истину о мире, и по-другому не может происходить, исходя из целерациональной установки учёных. Почему сказанное не очевидно и какие возражения появляются в этой связи? Вопрос заключается в том, может ли субъективное знание быть интегрировано в научную картину мира. Если знание обладает ценностью в силу объективности, то какая ценность присуща знанию субъективному, которое соответственно искажает действительность?

К. Поппер считал, что субъективным является индивидуальное мнение или убеждение, на основании которого мы совершаем действия. В противоположность личному убеждению, научное знание должно быть объективным, общезначимым и рационально обоснованным [10]. Предположим, субъективное знание представляет собой потенциально ценную информацию, познание, рассмотренное в процессе, а не с точки зрения искомого результата (см. прим. 1). Попробуем найти ответ на вопрос о когнитивной ценности субъективного знания.

Соотношение субъективного и объективного знания. Объективность — безусловная эпистемическая ценность. Она является одним из важнейших свойств истинностного знания, которое говорит о его соответствии реальности, независимости от искажающих личностных влияний. Вне зависимости от философской позиции (реализм, антиреализм, репрезентатизм, трансцендентализм, концептуализм, конструктивизм, прагматизм, инструментализм и др.), объективность познания неизменно представляла собой регулятивный идеал для познающего субъекта. Но уже в философии Нового времени была показана хрупкость объективистского идеала, когда эмпиризм и рационализм, а затем и трансцендентализм, постулировали зависимость всего познания от субъективных репрезентаций.

В таком смысле любое знание является одновременно и субъективным, и объективным исключительно по причине опосредованности индивидуальными репрезентациями [5]. В XX веке начнут говорить о когнитивных структурах восприятия и лингвистической относительности. Вскоре социальные эпистемологи продемонстрируют, что опыт познающего субъекта социально нагружен и не отделим от коллективных форм жизни.

Например, по мнению Лорейн Дастон и Питера Галисона, объективность изобретается только в XIX веке, когда были разграничены неразличимые прежде понятия истины и объективности. Научная объективность изобретается вместе с арсеналом техник для сдерживания своеволия познающей самости. К таким техникам относятся: графические изображения, статистический вывод, численные методы, клинические испытания, самопишущие приборы, квантификация, формализация и другие объективирующие процедуры [1].

По словам Дастон и Галисона, «объективность была призвана к существованию для того, чтобы отрицать субъективность», поэтому «возникновению объективности должно соответствовать появление определенного типа своевольной самости, воспринимаемой как угроза научному знанию» [1, 81]. Дастон и Галисон соотносят условия получения объективного знания с эпистемологией добродетелей. Таким образом, объективность достигается через профессиональное обучение и приобщение к эпистемическим нормам.

В истории науки добродетели учёных изменялись до неузнаваемости. И вместе с добродетелями сменялись режимы объективности. Некоторые из режимов, такие как механическая объективность, накладывали ограничения на волю учёных и субъективные факторы, влияющие на результаты познания. Другие, наоборот, поощряли гений и конструирующее вмешательство в природу. Механическая объективность, по замечанию Дагстон, старалась упразднить идеализирующие проекции человеческого разума на природу. Она заставляла воспринимать рабочие объекты науки так, как они представлены в опыте, без «суждения о типичном и сущностном». В противоположность ей коммуитарная объективность последовательно уклонялась от субъективности, производной от индивидуального и частного, от узости взгляда и перспективы отдельного исследователя и научного коллектива [12]. Но в любом случае объективность зависела от самости, от исторически обусловленной личности исследователя, от практикующихся в сообществе учёных режимов репрезентации объектов.

Говоря совсем просто, объективность — это правильно настроенная на познание субъективность. Сознание человека в этом смысле сравнимо с научным прибором, фиксирующим состояния внешнего мира. Ему нужно сообщить корректные «параметры», чтобы при работе с входящими данными получались объективные репрезентации. Социум выступает как положительным, так и отрицательным фактором в данном случае.

Социологи знания Дэвид Блур и Барри Барнс предупреждали: в подходах философов социальные факторы традиционно понимаются как субъективизм и искажение истины. Социальные факторы познания по умолчанию приравниваются к субъективным и наделяются негативными коннотациями. Но они всего лишь указывают на автономный источник идей наряду с другими источниками (внешний физический мир, ментальные репрезентации) [13].

Социальные факторы познания — очень общая фраза. Она может относиться к общественным предрассудкам, например, таким, что женщины и рабы не могут принимать решения в демократиях; конвенциональным идеям, согласованным учёными (классификации объектов, системы обозначений, границы территорий или формы созвездий); диспозициям к действиям

(например, прогрессивное – поддержать, реакционное – осудить); социальным конструкциям, рождённым в коммуникативных практиках (нация, этнос, гендер); нормам исследования, присущим парадигме (созерцательная наука античности, экспериментальная парадигма Нового времени и т.д.); культурным символам, зависящим от коллективной памяти (архетипы) и многому другому. В соответствии с мыслью Блура, объективность и необходимость знания заключается в том, что оно является социально санкционированным, институализированным убеждением, не зависящим от индивидуальных ментальных образов и ощущений [13, 98]. Оно основывается на коллективно закреплённых, ритуализированных паттернах восприятия и понимания (как в примере с математическими объектами, символами и правилами счета) [13, 100].

Понять социальный контекст – значит лучше понять природу научных идей, меру обоснованности принятых утверждений, да и знания в целом. Социальная эпистемология способна прояснить, как субъективные и объективные элементы непротиворечиво сочетаются в научном познании, без подрыва каких-либо рациональных основ мышления.

Когда говорится о субъективном знании – какой смысл кроется за этим? Ведь субъективное знание требует более точного соотнесения не только с объективным, но и с социальным (коллективным) знанием. Можно привести ряд концепций, в рамках которых данный тип знания получает описание.

Концепция неявного, личностного знания М. Полани. Труды Майкла Полани – исток многих современных идей в рамках социальной теории науки (наряду с работами Людвиг Флека и Томаса Куна). Согласно взглядам Полани, наука – это не только система отвлечённого знания, выраженного в символическом языке. Значительная доля знаний, умений и навыков учёного не вербальна, т.е. неартикулирована в языке и частично не выразима средствами языка. Они приобретаются в практике и обучении научной профессии. Применение неявного знания зависит от таланта отдельного ученого. Далеко не каждый индивид способен к усвоению навыков, необходимых в научном труде.

Наконец, критерии знания находятся в познающем разуме человека. Человек поэтому – «мера всех вещей». Подсознатель-

ный уровень понимания науки является наиболее фундаментальным. Его содержание нельзя транслировать через систему символов-знаков. Это содержание приобретают исключительно в практической деятельности. Полани описывает разные практические способы усвоения знания: демонстрация, подражание, остенсивные определения, вживание, интуиция, метод проб и ошибок, знакомство с операциональными принципами языка и усвоение символических значений, интерпретативные техники и процедуры.

Следовательно, экспертное знание – это мастерство, которое передается неформально, а не в абстрактно-символической форме. Научное знание всегда практическое, а не только теоретическое. Его нельзя транслировать полноценно посредством абстрактных формализмов. Любое знание, по словам Полани, включает в себе «сплав личного и объективного». Как правило, субъективное контролируется в акте познания. Полани высказывает на данный счет следующее суждение: «Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно – ответственный акт, претендующий на всеобщность» [9, 19].

Субъективная убежденность формирует основу для любых научных положений. Интеллект не следует строго идеалу формализации, поэтому акт познания остается глубоко личностным, как употребление языка основывается на недискурсивных интеллектуальных способностях. Учёные смотрят на объекты науки в свете неформального знания, и, по убеждению Полани, «смысл формализма лежит в сфере периферического сознания, в рамках концептуального фокуса, удерживаемого посредством самого этого формализма» [9, 175].

К неизбежно субъективным компонентам познания среди прочего Полани относит: вероятностные оценки и суждения, основанные на субъективных вероятностях; ошибки и погрешности в статистических измерениях; индуктивные умозаключения от частного к общему; отбор данных учёными в свете эвристических ожиданий; игнорирование данных экспериментов исходя из принятых гипотез; поиск математических доказательств, являющийся в своей сути творческим актом.

Кроме сказанного, субъективные факторы определяют то, как выстраиваются взаимодействия внутри коллективов и сооб-

шесть учёных. А выстраиваются они на доверии и традициях, преданности и подчинении авторитету, т.е. на внутренних правилах и невидимых нитях личных взаимоотношений. Хотя, на наш взгляд, Полани недооценивает до конца возможности рационализации всего того, что имеет отношение к научному опыту (см. прим. 2), он предлагает подробную и убедительную концепцию субъективного (неявного) знания в науке, ставшую теперь классической.

Эпистемология «свидетельств очевидцев». Эпистемология свидетельств очевидцев (в англ. языке – epistemology of testimony knowledge) является ещё одним теоретически богатым ресурсом для понимания того, в какой виде субъективное знание присутствует и осмысливается в контексте научного познания.

Основной вопрос этой эпистемологии – как оценивать знание, полученное нами от других людей? Знание на основе свидетельства никак не подтверждено нашими личными восприятиями, опытом и прямыми наблюдениями. Следовательно, для его рациональной оценки нужны критерии надежности источника и эпистемологические принципы, на основании которых будет приниматься решение о достоверности чужих свидетельств.

Высказанное суждение, основанное на чужом опыте, с точки зрения реципиента является субъективным и личностным. Оно подвержено ошибкам и искажениям. Кроме ошибок восприятия и ошибок памяти, свидетельское знание подвержено ошибкам преднамеренного обмана, дезинформации, реинтерпретации, а также эффектам деформации под влиянием внешних условий и сопутствующих контекстов (внушение, давление, конформизм, эмоциональный аффект, наводящие вопросы, эффект постсобытийной информации, предвзятость и многое другое).

Реципиент может не иметь перцептивного доступа к фактам, которые описывает свидетель в своём сообщении. Любые описания остаются для него субъективной позицией, к которой он волен присоединиться. Даже когда оба говорят на одном языке, который неотделим от общего социального опыта, реципиент и коммуникатор часто имеют асимметричный доступ к фактам, которые получают описание в конкретной языковой ситуации. Кредулисты (от англ. – credulism) считают, что на чужие свидетельства допустимо полагаться слепо, если отсутствуют поводы

для сомнения. Скептики призывают не доверять тому, что не проверено собственным опытом и разумом [3, 12]. Язык общения не может быть субъективным и индивидуальным. Тем не менее, это не означает, что в нём нельзя выражать субъективный опыт или описывать такие факты, которые сложно сделать общезначимыми.

Критерии на практике могут оказаться как субъективными, так и объективными. Влияние на решение оказывает авторитет, которым наделяются эпистемические субъекты и сообщества [2]; доверие к эксперту и эпистемическое восхищение [7]; мнение большинства и групповые суждения [6: 19, 24]; оценки компетентности, полномочий и информированности у говорящего [6: 26, 29]; история коммуникации с эпистемическим субъектом [6, 32]; надежность источника сообщения [6, 31]; непротиворечивость информации и достигаемый с её помощью прогресс в понимании [6, 33; 8, 30-31]; мониторинг искренности коммуникатора [14, 68]; процедурные правила и социальные конвенции [14, 74]. В итоге, уместно процитировать Линду Загзебски: «я не считаю, что сколько-нибудь труднее поверить в нечто по предписанию (command), чем поверить в то, что мне сообщается простым человеком. Всё это зависит от обстоятельств» (см. прим. 3) [2, 93].

Как можно убедиться, чужое свидетельство не всегда индивидуально. Иной раз оно имеет своим источником коллективный субъект и удостоверяется им (свидетельство в этом случае понимается не редуccionистски). Это придает свидетельству больший вес с точки зрения реципиента. Впрочем, не исключено, что оно будет оценено в качестве субъективного, например, политически ангажированного, либо мотивированного экономическими выгодами (например, свидетельства экспертов промышленных компаний о том, что хлорфторуглероды не разрушают озоновый слой). Субъективное в данном случае ассоциируется не с индивидуальным представлением, а с волюнтаризмом и искажениями реальности, производными от коллективного суждения и диспозиций говорящих.

Социальное (коллективное) знание (см. прим. 4) понимается как субъективное в силу отдельных его свойств, таких как изменчивость, локальность, относительность, историчность, а также в силу культурных слоёв и политических деформаций. Но

поскольку коллективное знание не зависит от индивидуальной воли и способно описывать факты, удостоверяемые из многих источников, его считают надличностным и по этой причине объективным. Коллективному знанию приписывают те или иные свойства в зависимости от ситуации его производства и использования.

Проблематика знания по свидетельству актуальна не только в контексте философии и, в частности, социальной эпистемологии, но также юридических наук и судебной практики, риторики, когнитивистики, психологии, политологии, религиоведческих и медиа-исследований.

Исследования виртуальной реальности. Глобальный интернет и виртуальная реальность предоставили новую возможность для осмысления субъективного знания благодаря погружению в персонализированные и индивидуальные пользовательские истории.

Несколько понятий рельефно отражают особенности субъективного опыта пользователя, приобретаемого в онлайн среде. Во-первых, избирательное потребление информации из ограниченного числа источников и социальных кругов ведёт к формированию эпистемических пузырей — когерентных потоков информации, соответствующих ожиданиям и убеждениям пользователя, где альтернативные точки зрения исключены и отсеяны заблаговременно. Эпистемические пузыри образуются естественным образом в «зоне комфорта» самого пользователя.

Во-вторых, в случае намеренного формирования потоков информации (через таргетированную рекламу, адресную демонстрацию контента, автоматические рекомендации, посты СМИ, заявления лидеров мнений, чат-боты и дискуссии в сообществах) создаётся эффект эхо-камеры, в которой высказанное мнение усиливается за счет повторения и обсуждения в разных источниках. В эхо-камере альтернативные точки зрения исключены и отсеяны намеренно. Отбор мнений проводится как политическая линия на уровне пользовательских сообществ и технических алгоритмов, через механизмы фильтрации данных, наделение лидеров авторитетом и дискредитацию нежелательных источников [15].

Персонализация и рекомендации релевантной информации работают не только в поисковых системах, индексирующих веб-сайты (которых известно ограниченное число), но также на сай-

тах объявлений, товаров и услуг, вакансий, поиска новостей, дейтинга и т.д. По многочисленным невидимым «следам» пользователя легко распознать в сети, и возможно настраивать поисковую выдачу под его жизненные, в т.ч. финансовые, ситуации.

С алгоритмами персонализации и фильтрации данных ассоциируют новые формы цензуры в сети, манипуляцию общественной информацией, внушение иллюзорных картин мира, слежку и преследование пользователей, новые способы насилия над личностью, недобросовестные форматы конкуренции, различные виды интернет-мошенничества, социальную инженерию и т.д. (см., напр.: [16] и [15]).

Потенциально информация с устройства и личный профиль пользователя доступны любым посторонним лицам из любой точки мира. Помимо адресных рекомендаций, пользователь интернета начнет чаще встречаться с контекстной информацией, таргетированной на внутренних, скрытый за экраном мир человека, или универсум его личных смыслов.

Заключение. Субъективное знание представляет собой индивидуальное мнение или коллективное суждение без достаточной степени общезначимости. Его отличает изменчивость и относительность, локальность и ситуативность, бездоказательность и оценочность, фрагментарность и произвольность. Субъективное знание допустимо понимать как в качестве личностного искажения реальности, так и наоборот, в качестве потенциально ценной информации, и такого рода знания, к которому субъект получил привилегированный доступ (в смысле знания-знакомства Б. Рассела или знания очевидца; а в крайнем случае – эзотеричных форм знания).

М. Полани считал личностным знанием неявные навыки и умения, эпистемологические принципы и интеллектуальные диспозиции, в частности не выразимые языковыми средствами и составляющие предпосылки для абстрактного мышления. Полани не исключал субъективное, неформальное знание из практики научного познания. И в некоторых смыслах его невозможно исключить из науки. Следовательно, положение и роль субъективного знания в контексте научного познания нуждаются в обстоятельном философском обосновании, равно как и алгоритмы персонализации и поиска информации в интернете, ко-

торые сравнительно недавно приобрели самостоятельное эпистемическое значение.

Контекстную информацию и субъективный опыт пользователя, составляющие его индивидуализированный виртуальный мир и пользовательскую историю, возможно отнести к разновидностям субъективного знания, наряду со знанием бессознательным, телесным, интуитивным, трансперсональным, интроспективным, художественным, обыденным, экзистенциальным и некоторыми другими примерами, которые описаны в философской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотов, А. Писарев, С. Гавриленко. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. – 584 с.
2. *Загзебски Л.* Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 53. – № 3. – С. 93-107.
3. *Касавин И.Т.* Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. XXXV. – № 1. – С. 5-15.
4. *Касавин И.Т.* Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 5-18.
5. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
6. *Лэски Д.* Дефляционистский подход к групповому сообщению // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 16-41.
7. *Маслов Д.К.* Эпистемическая автономия, авторитет и доверие: в защиту теории Л. Загзебски // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59. – № 3. – С. 134-148.
8. *Малфатти Ф.И.* О понимании и свидетельстве // KANT: SS&H. – 2022. – № 4(12). – С. 29-48.
9. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / под ред. В.А. Лекторского и В.И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
10. *Понпер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути, Отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
11. *Прись И.Е.* Проблема ценности знания // Философия и культура. – 2017. – № 5. – С. 26-35.
12. *Шиповалова Л.В.* Научная объективность в исторической перспективе: дис. ... д. филос. наук. СПб., 2014. – 370 с.
13. *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
14. *Gelfert A.* “Beyond the ‘Null Setting’: The Method of Cases in the Epistemology of Testimony”. Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – Vol. 56. – № 2. – Pp. 60-76.
15. *Nguyen C.T.* “Echo Chambers and Epistemic Bubbles (draft)”. Philpapers.org. 2018. [Electronic resource]. Open access: <https://philpapers.org/archive/NGUECA.pdf> (дата обращения: 24.03.2023)
16. *Watson J.C.* “Filter Bubbles and the Public Use of Reason. Applying Epistemology to the Newsfeed”. In: Scalabrino F. (ed.) Social Epistemology and Technology: Toward Public Self-Awareness Regarding Technological Mediation. – London and New York: Rowman and Littlefield International, 2016. – Pp. 47-57.

Примечания

1. См. идею о континууме эпистемических состояний [11] и паутине когнитивных установок [8]. «...полезно представить себе W как *структурированное множество* и представить его как пару $\langle B, R \rangle$, где B – множество информационных единиц, которым S доверяет, принимает или одобряет (назовем это *информационное измерение* сети S) и R – множество отношений между элементами B (назовем это *реляционным измерением* сети S). Элементы множества B будут самыми разными по своему характеру: они будут наблюдательными или теоретическими, автономными или принадлежащими теории, описательными или нормативными, оценочными, законоподобными, гипотетическими и т.д.» [8, 33].

Понимание – это приспособление утверждения к паутине когнитивных установок W . Согласно другому представлению [11], знание образует предельный случай в континууме эпистемических состояний, ранжированных согласно большей или меньшей стабильности, фактуальности и практической значимости. Любопытны параллели между данными описаниями и тем, как структурированы представления внутри эхо-камер как социально-эпистемических систем, распределяющих доверие между пользователями и источниками информации [15].

2. Чего стоят VR тренажеры и симуляторы, нейросети и приложения для персональных устройств, а также образовательный медиаконтент, находящие применение в обучении научной профессии и индоктринации.

3. Имеются в виду предписания или право приказывать, принадлежащие эпистемическому авторитету.

4. В редукционистских подходах аналитической социальной эпистемологии коллективное знание сводится к мнению индивидов, при суммировании которых получается общее суждение. Случаи распределённой информации показывают: носителям знания выступают индивиды, однако коллективное мнение не принадлежит какой-либо группе, за ним стоит мнение её отдельных участников или третьего лица [6]. Как утверждается в [4, 11], дисперсность как черта, которой наделено социальное знание, означает то, что индивид не обладает полной доступной социальной информацией. А значит, резонно различение нескольких форм коллективного субъекта в качестве носителей надличностного знания: трансцендентальный субъект, социокультурный (политический) субъект, укоренённый (воплощённый) субъект и распределённый субъект познания [4, 12-16]. По мнению И.Т. Касавина, индивид полностью зависит от общего социального опыта. Но во всяком случае, у социального (коллективного) знания остается автономия от частных индивидуальных мнений, как и наоборот. Для наглядности уместно сослаться на теорию трех миров К. Поппера: «...нам придётся революционизировать психологию, рассмотрев человеческий дух как орган, цель которого – взаимодействовать с объектами третьего мира: понимать их, вносить в них свой вклад, участвовать в них и побуждать их оказывать влияние на первый мир» [10, 156].

А.А. Аргамакова

THE VALUE OF SUBJECTIVE KNOWLEDGE

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: argamakova@gmail.com

Abstract: *this article is dedicated to the various forms of subjective knowledge (personal knowledge, collective opinions, testimony of eyewitness, contextual information and personalization) in comparison with objective (scientific) cognition and worldview. Philosophers have been understood subjective experience in plural ways, not all of which discredit its cognitive value. Subjective knowledge contains potentially valuable information, and can be seen as the cognition in process, unlike its effective relief. The subjective does embrace either particular personal opinion or collective judgment without the sufficient degree of acceptance and justification. Social epistemology may explain how subjective and objective elements are bounded in scientific research, and why this did not lead to the downfall of our reason and rationality. M. Polanyi believed that personal knowledge is not reducible from science and produces the underlying background of abstract reasoning. Fusion of the personal and the objective takes place in every act of cognition. Polanyi stresses this fact – that has remained a philosophical problem so far. My research aims to clear up this kind of problem and asks for solutions. As the result, the subjective knowledge should not be misunderstood as only an arbitrary distortion of reality.*

Keywords: *subjective knowledge, personal knowledge, testimony of eyewitness, collective opinions, virtual reality, personalization, social epistemology.*

REFERENCES

1. *Daston L., Galison P.* Ob'yektivnost' / per. s angl. T. Varkhotov, A. Pisarev, S. Gavrilenko. – M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018. – 584 s.
2. *Zagzebski L.* Epistemicheskiy avtoritet. Sovremennaya liberal'naya zashchita // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2017. – T. 53. – № 3. – S. 93-107.
3. *Kasavin I.T.* Istochniki znaniya: problema «testimonial knowledge» // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2017. – T. XXXV. – № 1. – S. 5-15.
4. *Kasavin I.T.* Kollektivnyy sub'yekt kak predmet epistemologicheskogo analiza // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2015. – T. XLVI. – № 4. – С. 5-18.
5. *Lektorskiy V.A.* Sub'yekt, ob'yekt, poznanie. – M.: Nauka, 1980. – 358 s.
6. *Lekki D.* Deflyatsionnitskiy podkhod k gruppovomu soobshcheniyu // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2012. – T. XXXVI. – № 2. – S. 16-41.
7. *Maslov D.K.* Epistemicheskaya avtonomiya, avtoritet i doveriye: v zashchitu teorii L. Zagzebski // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2022. – T. 59. – № 3. – S. 134-148.
8. *Malfatti F.I.* O ponimani i svidetel'stve // KANT: SS&H. – 2022. – № 4(12). – S. 29-48.
9. *Polani M.* Lichnostnoye znaniye. Na puti k postkriticheskoy filosofii / pod red. V.A. Lektorskogo i V.I. Arshinova. – M.: Progress, 1985. – 344 s.
10. *Popper K.R.* Ob'yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod / Per. s angl. D.G. Lakhuti, Otv. red. V.N. Sadovskiy. – M.: Editorial URSS, 2002. – 384 s.
11. *Pris' I.Ye.* Problema tsennosti znaniya // Filosofiya i kul'tura. – 2017. – № 5. – S. 26-35.

12. *Shipovalova L.V.* Nauchnaya ob'yektivnost' v istoricheskoy perspektive: dis. ... d. filos. nauk. SPb., 2014. – 370 s.
13. *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
14. *Gelfert A.* “Beyond the ‘Null Setting’: The Method of Cases in the Epistemology of Testimony”. *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2019. – Vol. 56. – № 2. – Pp. 60-76.
15. *Nguyen C.T.* “Echo Chambers and Epistemic Bubbles (draft)”. *Philpapers.org*. 2018. [Electronic resource]. Open access: <https://philpapers.org/archive/NGUECA.pdf> (data obrashcheniya: 24.03.2023)
16. *Watson J.C.* “Filter Bubbles and the Public Use of Reason. Applying Epistemology to the Newsfeed”. In: *Scalambrino F.* (ed.) *Social Epistemology and Technology: Toward Public Self-Awareness Regarding Technological Mediation*. – London and New York: Rowman and Littlefield International, 2016. – Pp. 47-57.

Поступила в редакцию – 14.04.2023 г.

М.И. Билалов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ В ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Аннотация: в статье обобщены идеи о методологической роли философии ислама в отношении его теологии. Онтологические и гносеологические идеи выдающегося философа Ибн Сины представляются ключевыми для мусульманской философии в осмыслении исламской теологии и мусульманского образования в современной духовной жизни стран исламского мира. Деистические и пантеистические интенции, идеи эманации вещей из необходимого сущего и др. в онтологии Ибн Сины гармонизированы в его гносеологии вовлечением в познавательные способности человека иррациональных и мистических сфер духа — в этом смысле он вполне современен гносеологии и эпистемологии XX-XXI века. Сверхъестественные и мистические способности и силы человеческой души сопрягаются с проблемами суфизма, стремящегося упорядочить и синтезировать подходы к познанию, признавая наличие более высокого и достоверного, чем разума, источника знания. Мусульманские философы, особенно восточного перипатетизма, приверженцы суфийских направлений, расширяют горизонт науки иррациональным, выходящим за разум, и органически соединяют его в познании с верой и откровением.

Методологическую значимость такого подхода трудно переоценить. Современная исламская теология и исламское образова-

Билалов Мустафа Исаевич — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета, профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала). E-mail: mibil@mail.ru

ние в мире нуждаются в диалектике рациональности и иррациональности, в сочетании высокой духовности Корана со свободным мышлением верующего, в интеллектуальной поддержке рациональных наук и философии в достижении целей духовного джихада, устранения конфронтаций между суфизмом и ваххабизмом для достижения единства в исламской умме.

Ключевые слова: *онтология, гносеология, мусульманская философия, методология, теология, Ибн Сина, Ибн Рушд, Аль-Газали, Иран.*

В нынешней напряжённой международной обстановке, когда коллективный Запад стремится изолировать Россию, нашу великую культуру и науку, примечательны взаимно полезные встречи между российскими учёными и их коллегами из дружественных стран. Одна из них – Исламская Республика Иран, где я в конце прошлого года принимал участие в международном симпозиуме по антропологии и философской мысли Авиценны.

Пленарное заседание симпозиума открылось в международном Университете Аль-Мустафа в г. Кум. Этот вуз располагает более чем 170 образовательными, воспитательными и исследовательскими учреждениями на территории Ирана и за его пределами в более чем 60 странах мира. На открытии конференции и.о. ректора Халих Пур обозначил лейтмотив творчества Ибн Сины: чем является суть человека? откуда я пришёл? почему я пришёл в этот мир? чем является этот мир? Старейший участник симпозиума 96-летний аятолла Мухаммади напомнил о важной мысли Ибн Сины: каждому человеку необходимо обрести самоидентичность. Для этого, как он заявил, «мы нуждаемся в законах божественных, поскольку международное право не действует».

Мой доклад «Ибн Сина как методолог теологии» посвящался философскому творчеству великого мыслителя. Выдающаяся врачебная деятельность, а также заметный вклад в математику не должны заслонить научную величину Ибн Сины как философской фигуры. Ибн Сина в своих основных взглядах следует Аристотелю, строившему свою онтологию на закладываемых им традициях метафизики, в которой природа, бытие мира наполняется реальным содержанием в противовес онтологии Платона. Ключевой характер для мусульманской философии имели метафизические работы и идеи Ибн Сины. Его

Бог наделен атрибутами деистического и пантеистического плана. Он позаимствовал у неоплатонизма идеи эманации вещей из необходимого сущего, своеобразного акта творения, проистекания возможного бытия из бытийно-необходимого. Необходимое сущее не только «мыслит само себя», но оно есть мышление обо всех вещах, что собственно и есть проистекание бытия вещей [6].

Философско-метафизические подходы исламских мыслителей находятся в тесной связи с их гносеологическими идеями, которые, в силу зависимости от первых, позволяют дать философское осмысление мусульманской религии с точки зрения не только теории познания. Ибн Рушд пользовался строго рациональными логическими аргументами, тогда как Аль-Газали преимущественно оставался на позициях иррационализма. Надо заметить, в целом такой подход Аль-Газали, как считают исследователи, оправдан на соответствующем «этапе развития разума человека» [7]. Это крен в сторону суфизма, и он продиктован идеей эманации – истечения мира от первоначальной духовной сущности и возможности обратного экстатического слияния с ней.

Культивируя идею «экстатического слияния» в трудах «Опровержение философов» и «Оживление наук о религии», Аль-Газали подключил в процесс постижения истины в качестве ведущих человеческих познавательных способностей иррациональные и мистические сферы духа – в этом смысле он вполне современен гносеологии и эпистемологии XX-XXI века. Он пишет, что «существует много ступеней познания», потому «суфизм требует полного преобразования сознания» «неразвитого человека». Путь к Истине – сомнение, этот путь сопровождают вера и знание [5, 44-45]. Аль-Газали пытался синтезировать подходы к познанию, признавая наличие более высокого и достоверного, чем разум, источника знания – заук, мистическую интуицию суфизма, возведя его в ранг «божественной науки». Но когда разум и заук бессильны, считает Аль-Газали, на помощь приходит божественное откровение. Обращаю внимание – мусульманский философ расширяет горизонт науки иррациональным, выходящим за разум, и органически их соединяет в познании с верой, откровением.

Считается, что суфийская эволюция гносеологии Аль-Газали произошла не без влияния эффектов и последствий философской мысли Ибн Сины. Общеизвестно, что в его гностицистских трактатах «Фи макамаат ал-арифин» («О степенях гностиков»), «Фи асар ал-айат» («О тайне знамений»), «ал-Ишк» и других затронуты вопросы степеней и стоянок путника, сверхъестественные и мистические способности, а также силы человеческой души. «Гностицистские вопросы изложены в них настолько выразительно и полно..., что проблемы суфизма упорядочены в них столь искусно, что ни одна книга до и после не сможет сравниться с ней» [4, 296]. Можно согласиться так же с Ю.Е. Федоровой в том, что «Ибн Сина испытал личный опыт прохождения тариката, что существенным образом повлияло на его понимание разума и способов познания» [8, 332].

В то же время, Ибн Сина стремится сочетать строгости рассудочно-разумной рациональности с иррациональными элементами познания. «Он хотел объединить в одно целое суфизм, исламский гнозис и мистическую любовь, с одной стороны, и философию, мысль и рефлексивность, с другой, опасаясь, что иначе рациональность лишится своего места в мусульманском обществе, и суфизм, проявляясь как сопротивление рациональности, удаление от общества и неприязнь к миру, станет главенствующим течением в исламском мире» [3, 260].

Аль-Газали пытался сохранить эту взвешенную интенцию Ибн Сины. Некоторые исследователи обращают на это внимание. Так, значение спора Ибн Сины и Аль-Газали для исламской философии Алпарслан Ачикгенч усматривает в негативном влиянии критики последнего на роль философии. Но в этой критике существенно, по его мнению, признание необходимости развития теории знания, основанной не на заимствованной, а на собственно исламской методологии [1, 254-268].

Ибн Сина под влиянием Аристотеля делит теоретические науки на естественную, математическую и первую философию. Первая философия по духу его рассуждений, как мне думается, предстает методологией теологической науки. И тогда философская методология Ибн Сины воплощает в себе достижения всего ислама – его рационалистической и мистической ветвей. Философ стремился сочетать строгости рассудочно-разумной

рациональности с воображением, интуицией и другими иррациональными элементами познания.

Гносеология, как известно, выполняет методологическую функцию в отношении образования, в особенности его дидактики. Осмысливая актуальный для России, отчасти для её мусульманских регионов, вопрос об эффективности религиозного и теологического образования, я убедился в их значительном отставании и в теоретическом, и в педагогическом плане от их классических периодов на Востоке — в Ираке, Иране, Средней Азии.

Хотя значимые для теологического образования идеи и подходы того же Ибн Сины и других восточных перипатетиков ныне становятся общепризнанными в мусульманской интеллектуальной и научной среде. Как отмечал в свое время Али Аббаси, ректор Международного университета «Аль-Мустафа» (Иран), будучи еще заместителем ректора по научной работе, чтобы подготовить «знатоков религии, знающих помимо религии и эпоху, в которую они живут, и стремящихся к единству», «обучить их рациональности, свободному мышлению, высокой духовности, нравственности, уважению к другим и самопознанию под тенью единобожия и поклонения Аллаху», надо исходить из того, что «эта важнейшая задача не может быть выполнена, если не призвать на помощь рациональные науки, а в особенности философию» [2, 164-165].

Как известно, родился Ибн Сина близ Бухары, но покоится в Иране. Авиценна оставил потомкам богатейшее творческое наследие — более 450 трудов, из которых сохранилось около 240. Философским, мировоззренческим и научным аспектам посвящено 150 книг, из них 40 — медицине, 50 — другим наукам. Думается, наиболее ценны глубокие гносеологические идеи Ибн Сины, осмысливаемые в контексте творчества ряда его философских единомышленников, в частности, Моллы Садра.

Об основательных культурных и научных традициях Ирана свидетельствует история знаменитого на мусульманском Востоке библиотеки-книгохранилища, с десятками тысяч рукописей. Её основатель аятолла Марьяши Наджафи известен своей преданностью религиозным наукам и образованию. Впечатляет количество мечетей в Иране; хотя время молитвы позволяет совершать намаз почти в любом учреждении или общественном месте (поскольку соответствующие помещения предусмотрены),

многие спешат в мечети, часто не закрывая даже торговые лавки. В каждой мечети есть небольшая библиотека. Большинство культовых сооружений, замечу, построено после революции, в последние 40 лет.

Полуторамиллионный и полуторатысячелетний город Кум существовал ещё в домусульманское время. Главная святыня Кума — мавзолей Фатимы Масумы, трагическая судьба которой превратила её образ в идол всемерного поклонения, а её мавзолей место паломничества не только иранок, но и многих мужчин, последователей шиизма. О посещении этого города упоминает Афанасий Никитин в своем знаменитом «Хождении за три моря».

Кум сыграл немаловажную роль в распространении исламских истин, воспитании видных учёных и богословов. Здесь много слушателей духовной академии — это молодые люди в тёмных накидках и с книгами в руках. Много почтенных учёных-богословов. На каждом шагу книжные магазины.

В Куме в качестве музея сохранился дом аятоллы Хомейни, лидера исламской революции и первого руководителя современного Ирана в первые десять лет после революции. Его авторитет в стране непререкаем, повсюду его портреты и цитаты из выступлений.

Симпозиум, в котором я принял участие, проходил в несколько этапов. Запомнилась конференция в древней столице Ирана Хамадане. Её вёл мэр, он же и губернатор области. С пространными речами, весьма философски насыщенными, выступили министр образования Ирана Мухаммад Али Зульфигуль, затем министр науки и научных исследований, представитель руководителя Ирана Хаманеи в Хамадане, аятолла Шамани и др. В своём выступлении я напомнил об истории многовековых отношений России и Ирана, в том числе с участием Дагестана. Настали другие, более благоприятные времена сближения наших стран, мой родной Дагестанский госуниверситет имеет учебные и научные связи с Тегеранским университетом, возможно установление рабочих контактов с университетом Аль-Мустафа и университетом Абу Али Сина в Хамадане. Приятно удивили простота, немногословность, открытость, отсутствие чиновочитания в общении. А ещё — не скрываемые, хотя сдержанные, политические симпатии моих собеседников к России.

Хочу поделиться ещё одним впечатлением от поездки. Нам, иностранным участникам симпозиума, были интересны иранские контрасты женского дресс-кода. В столице шиизма Куме женщины в сплошной черной одежде, лицо закрывают, но в Хамадане и Тегеране была иная картина, множество женщин на улицах особо и не отличались в одежде от дагестанок в наших аулах и городах.

Хозяева дарили и сувениры, и восточные сладости, но книги для нас были наиболее ценными знаками внимания. Особо отмечу, что культ знаний и чтения заметен в Иране везде. Как отмечалось в докладе министра образования страны, количество студентов в стране с дореволюционного периода выросло в несколько десятков раз – до 4,5 млн. В городах много учебных заведений, чуть ли не на каждом углу книжные магазины, при том что все имеют мобильники и пользуются интернетом. В Куме в рабочий день на улицах выделяется религиозная, научная, педагогическая и студенческая интеллигенция.

Иран – средоточие глубинных и исторически значимых для ислама процессов и вопросов. Симпозиум позволил приблизиться к ответам на них. Так ли непримиримы противоречия между суннизмом и шиизмом, как они представляются междуособными войнами и западными СМИ? Как возможны компромиссы между этими партиями в едином исламе? Я наблюдал, как в мечетях вместе молились сунниты и шииты, в отеле в дни чемпионата мира по футболу они вместе радовались победе Саудовской Аравии и переживали за игры иранских футболистов. И вот совсем недавно, в начале 2023 г. стало известно о первой за многие десятилетия встрече руководителей двух стран и намерении установить взаимовыгодные контакты.

Ясно одно: в условиях установления в мире нового миропорядка ислам должен преодолевать внутренние противоречия, которые на деле могут послужить взаимообогащению обоих направлений, их веротерпимости и открытости к новым реалиям. Этому учит мудрая философия ислама, об этом писал величайший мыслитель Ибн Сина. Надо обогатить этой методологией философии исламское теологическое образование, что безусловно укрепит взаимопонимание и самом исламском мире, и авторитет мусульманской религии во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aparslan Acikgenc*. The Relevance of the Ibn Sina and Ghazali Debate: An Evaluation and A Reassessment // Ишрак: ежегодник исламской философии. № 1; Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. № 1 / Гл. ред. Я. Эшотс. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 254-267.
2. *Аббаси А.* Положительный общественный опыт и сплочение в мусульманском обществе выпускников исламских учебных заведений, опирающихся на рациональные методы науки, включая философию // Альманах Международного мусульманского форума. Вып. № 1 / гл. ред. Д. В. Мухетдинов – М.: ИД «Медина», 2016. – С. 164-165.
3. *Абд ал-Хусейн Хосровпанах, Хусам ад-Дин Мумини Шахрики.* Философская методология Ибн Сины: опыт анализа // Ишрак: ежегодник исламской философии: – № 9. – М.: ООО «Садра», 2019. – С. 257-266.
4. Воспитание и обучение с точки зрения мусульманских мыслителей / колл. авторов; перевод с перс. Дж. Мирзоева; научн. ред. Н. Нурулла-Ходжаевой. Т. II. – М.: ООО «Садра», 2018. – 376 с.
5. *Газали.* Мысли и афоризмы о любви, красоте, надежде, зависти и знании // Суфий: Собрание притч и афоризмов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 640 с.
6. *Ибн Сина.* Избранные произведения в 10 т. Т. 1. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 420 с.
7. Из философского наследия народов Ближнего и Среднего Востока / Отв. ред. И.М. Муминов. – Ташкент: Фан, 1972. – 264 с.
8. *Федорова Ю.Е.* «Он не является ни в толкованиях, ни в свойствах»: Ибн Сина и Фарид ад-Дин Аттар о богопознании // Ишрак: ежегодник исламской философии: – М.: ООО «Садра», 2019. – С. 331-348.

Mustafa I. Bilalov

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY OF MUSLIM PHILOSOPHY AS A METHODOLOGY OF THEOLOGY

Dagestan State University (Makhachkala). E-mail: mibil@mail.ru

***Abstract:** the article summarizes ideas about the methodological role of the philosophy of Islam in relation to its theology. The ontological and epistemological ideas of the outstanding philosopher Ibn Sina seem to be key for Muslim philosophy in understanding Islamic theology and Muslim education in the modern spiritual life of the countries of the Islamic world. Deistic and pantheistic intentions, ideas of emanation of things from necessary beings, etc. in the ontology of Ibn Sina are harmonized in his epistemology by involving irrational and mystical spheres of the spirit in the cognitive abilities of a person - in this sense, he is quite contemporary with epistemology and epistemology of the XX-XXI century. The supernatural and mystical abilities and powers of the human soul are associated with the problems of Sufism, which seeks to streamline and synthesize approaches to knowledge, recognizing a higher and more reliable*

source of knowledge than reason. Muslim philosophers, especially of Eastern peripatetism, adherents of Sufi trends, expand the horizon of science with the irrational, beyond reason, and organically combine it in knowledge with faith and revelation.

The methodological significance of this approach cannot be overestimated. Modern Islamic theology and Islamic education in the world need a dialectic of rationality and irrationality, a combination of the high spirituality of the Koran with the free thinking of a believer, intellectual support for rational sciences and philosophy in achieving the goals of spiritual jihad, eliminating confrontations between Sufism and Wahhabism to achieve unity in the Islamic Ummah.

Key words: *ontology, epistemology, Muslim philosophy, methodology, theology, Ibn Sina, Ibn Rushd, Al Ghazali, Iran.*

REFERENCES

1. *Alparslan Acikgenc* (Fatih University, Turkey) The Relevance of the Ibn Sina and Ghazali Debate: An Evaluation and A Reassessment // *Ishrak: yezhegodnik islamskoy filosofii*. – № 1; / Gl. red. Ya. Eshots. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. – Pp. 354-267.
2. *Abbasi A.* Polozhitel'nyy obshchestvennyy opyt i splocheniye v musul'manskom obshchestve vypusnikov islamskikh uchebnykh zavedeniy, opirayushchikhsya na ratsional'nyye metody nauki, vkluchaya filosofiyu // *Al'manakh Mezhdunarodnogo musul'manskogo foruma*. Vyp. № 1 / gl. red. D. V. Mukhetdinov – M. : ID «Medina», 2016. – Pp. 164-165.
3. *Abd al-Khuseyn Khosrovpanakh, Khisam ad-Din Mumini Shakhriki.* Filosofskaya metodologiya Ibn Siny: opyt analiza // *Ishrak: yezhegodnik islamskoy filosofii* – № 9. – M.: OOO «Sadra», 2019. – 424 s.
4. *Vospitaniye i obucheniye s tochki zreniya musul'manskih myslyteley / koll. avtorov; perevod s pers. Dzh. Mirzoyeva; nauchn. red. N. Nurulla-Khodzhayevoy.* T. II. – M.: OOO «Sadra», 2018. – Pp. 257-266.
5. *Gazali.* Mysli i aforizmy o lyubvi, krasote, nadezhde, zavisti i znanii // *Sufii: Sobraniye pritch i aforizmov*. – M.: EKSMO-Press, 2001. – Pp. 44-45.
6. *Ibn Sina.* Izbrannyye proizvedeniya v 10 t. T. 1. – Dushanbe: Irfon, 1980. – 450 s.
7. *Iz filosofskogo naslediya narodov Blizhnego i Srednego Vostoka / Otv. red. I. M. Muminov.* – Tashkent: Fan, 1972. – 264 s.
8. *Fedorova Yu. Ye.* «On ne yavlyayetsya ni v tolkovaniyakh, ni v svoystvakh»: Ibn Sina i Farid ad-Din Attar o bogopoznaniy // *Ishrak: yezhegodnik islamskoy filosofii* – № 9. – M. : OOO «Sadra», 2019. – P. 331-348.

Поступила в редакцию – 06.03.2023 г.

1.2. Философская антропология и практическая философия

УДК 101.2:129

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_101_111

В.Н. Бочарников

ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ КОДА ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация:** есть «вечные» темы и «проклятые» вопросы, полного знания о мире мы не имеем, и не сможем никогда его получить: области человеческого познания ограничены, а мир — бесконечен. Философия была в прошлом, что подвержено неопровержимо историей философской мысли, она существует в настоящем, у неё есть будущее, таковое предопределено новыми поисками и утверждениями человеческого. В данном сообщении показывается, что к новому знанию можно прийти традиционным путем, добавляя что-то своё к известному, просеивая по крупинкам услышанное, прочитанное, узнанное. А можно обращаться к интуитивному, и будто очевидному и всем понятному. Предлагается ввести и использовать в познании понятие кода человека или антропологического кода, легализовать то многое, что было уже замечено ранее и обсуждается философами. Подтверждается, что тема человека настолько сложна, насколько и интересна; автором предлагается тезис о человеке как особом роде сущего, предопределяемого кодированной судьбой.*

***Ключевые слова:** природа, антропологический код, человеческое предназначение, геофилософия, этнос, ландшафт.*

***Земное предназначение и судьба человека.** Природу (макрокосмос) и человека (микрокосмос) в классической греческой*

Бочарников Владимир Николаевич — доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток). E-mail: vbocharnikov@mail.ru

философии соотносят с единым; что же сможет помочь адекватно передать античный смысл рассмотрения мироздания в третьем тысячелетии? Может ли существовать некая сила, способная органически соединять в современном человеке те его качества, которые признавались когда-то системообразующими для Вселенной? Способна ли философская мысль сейчас преодолеть сложные терминологические сущности, внося новое понимание в полученный философами прежний опыт?

Философия начинается с выбора отправной точки философствования: таким фундаментальным началом может стать человек или бытие, познание или этика, коммуникация или цивилизация. Философский этос способен к переменам, к смене стратегий, онтологий, интенций, рассуждений, вопрошаний. Стоики в своих исканиях воспроизводили древнейший смысл человеческой неслучайности, обязательности, необходимости бытия человеческого. Божественный код Средневековья воспроизводил устремлённость к христианским истинам Веры, Надежды, Любви. Неопозитивизм психологической науки Деннета раскрыл самоорганизованность мыслительного процесса и конструирования текстов, постижения сознания как «объекта, ориентированного на внешние (языковые, поведенческие и т.п.) аспекты» [4, 25].

Мир культуры – это особый человеческий мир, в котором слито воедино с настоящим близкое и отдалённое прошлое. Как субъект своей истории человек детерминирован обстоятельствами и укладом жизни, в которых живут (существуют) люди, но он как был, так и остаётся существом, зависимым от окружающей среды, подчиняющимся предустановленным программам. Цифровое общество диктует обязательность оцифровки всего и всякого, происходит коренной пересмотр и трансформация существующего. Логика технократического мышления и информационное перенасыщение любого индивида не могут обрести архитектуру сетевых структур и безразличие вычислителя искусственного интеллекта.

В широком смысле нам следует признать, что в эволюции существуют и используются внебиологические коды, ответственные за реализацию уникальной человеческой функции распределения (трансляции) и поддержания «живой информации» [10]. Ныне в компьютерно-человеческом облике мир уже не откры-

ваются нам как бездонная и бесконечная завораживающая тайна. В антропологическом контексте мы полагаем, что каждый человек несёт обязательную функцию создания и поддержания конкретного пространства, что осуществляется за счёт энергии жизни, эмоций, деятельности каждого из представителей социума или этноса, и в то же время существует персональный пространственно-временной континуум, детерминированный конкретной личностью.

Человек как информационно-энергетическая структура является не только частью космоса, но и несёт его в себе, в своём внутреннем мире. Человеческое отношение к миру, к самому себе, к Другому – есть переживание; особые «нити» эмоционально-чувственной энергии человека вплетены в тонкие структуры Вселённой, которые многократно выявлялись философскими умами, но до сих пор не имеют строгих естественно-научных доказательств и подтверждений. Будучи физическим существом, человек не только познает мир, но и живёт в нём. Идея абсолютного духа раскрывает смысл, значение и сущность всего сущего, материя обеспечивает противоположность конкретного пространства, его заполненность дихотомией бытия и небытия (Гегель). «Большим разумом» мы познаём мир изнутри, мы сливаемся с тем, что в нём есть потаенного и невыразимого. В хрестоматийном тезисе «мыслью, следовательно, существую» нам открывается то, как соединил духовное с материальным Рене Декарт.

По Хайдеггеру, существо человека больше, чем сам человек, оно «ближе к бытию», такая близость и особость могут быть объяснимы лишь в высшем смысле как истина востребованности человеческого существования. Николай Бердяев, возможно, наиболее точно раскрыл суть трагизма для человека; смысл трагического в его жизни состоит в преодолении, но не в получении непрерывного удовольствия. Человек в своей физической оболочке в эпоху современного информационного общества представляет собой «компьютерное железо» с психикой, исполняющей функционал компьютерной операционной среды. Природа характеризуется структурной упорядоченностью в восприятии человека. Антропогенез и становление человека, сравнительные и описательные аспекты человеческого существования, его природы, судьбы, а также его предназначение убедительно

представлены специальным отображением личностных, культурных и социальных человеческих кодов, отмеченных, например, К.С. Пигровым в области социальной философии [8].

Природа и человек – совместные и оппозитные категории, позволяющие постигать бытие, проживая его; место бытия – это границы природы, соприкасающиеся с индивидуальным человеческим и общественно-освоенным пространством. Пространство-время в натуралистической модели кодируется определяющим взаимодействием человека с природой, выраженным во множестве мифов, обычаев и традиций. Среда жизнедеятельности человека, заселённая часть планеты (Ойкумена) ныне понимается с биосферно-экологических позиций как освоенное человеком пространство, которое предстаёт составленным из антропогенно-изменённых территорий, культурных ландшафтов и сохранившихся фрагментов естественных природных геосистем («дикой природы») [1]. Представляется очевидным смысл того, что человеческое пребывание на планете Земля записано, зафиксировано и передается как предназначение конкретной личности для персональной реализации в процессе жизни [7].

Научно-биологически человеческое существо определяется сложнейшей расшифровкой кодированных последовательностей пептидов, белков, ДНК генома человека, в которых формулы жизнедеятельности передаются цитологическими элементами генетического кода человека. В такой метафорической передаче расшифрованный геном предстаёт инсталлированным пакетом компьютерных программ, изначально предустановленных, но нередко в течение жизни не используемых. Главная ошибка науки состоит в том, что эволюционная теория, даже в нынешнем, существенно усовершенствованном (по сравнению с Дарвином) виде, не даёт точного ответа на то, как и за счёт чего происходит человеческая эволюция на планете. И она не проясняет функцию и задачи существования человека.

Метафизика, философия, наука, культура, сливаясь и формируя общий дискурс постижения реальности, приобретают новые онтологические смыслы, проявляющиеся в специфике существующих современных вызовов, которые разнообразно представлены в приоритетах и ценностях, и кардинально отличающихся от ранее бытовавших, но сохраняющих антропологиче-

ческую направленность познавательных схем. Самый трудный вопрос заключается в определении границ: где начинается и где заканчивается философия, способная выразить земное назначение и судьбу человека?

Эйкос — часть мира, которая осознаётся человеческой психикой как обитаемая в настоящий момент времени и отражается в качестве освоенного психологического пространства. Философия не свободна от чувств и эмоций, ей известно, что люди — суть и порождение собственного сознания. Греки искали гармонию в космосе, в обществе, в людях, но античное понимание культуры, основанное на признании рационального поиска как пути к добродетели, оказалось ныне совершенно беспомощным, как только окружающий мир и природа лишились своей суверенности.

Человек не способен более получать сигнал о выполнении или провале своей земной миссии; за пределы научно-философского интереса ушло всё то существенное, что показывает предопределённость человеческого существа. Ранее философы не могли не обращать внимание на то, что связано с предназначением и судьбой человека. А ведь только в таком синкретизме возникают глубины человеческого и пробуждается дух, в котором вновь выправляется встроенная исходная матрица бытия. С этих позиций следует поддержать логику Х. Ленка, который признаёт утопической возможность добиться от человечества всеобщей ответственности, но считает возможным преодолевать ограничения человеческих иллюзий о полноте предвидения и способности понимать [6].

Ощущение природной «пространственности» невидимо, неощутимо и непознаваемо, оно встроено в человека, поэтому в отношении любого человеческого взаимодействия возникает определённая система пространственных отношений сосуществования и совместности, т.е. пространственная структура. С ростом населения на планете человеческая жизнь всё в меньшей степени оказывается детерминированной природой и культурой, но больше принадлежит социальным структурам. Таковые уже не осмысливаются через антропоцентрическую установку — в обществе потребления человек перестал находиться в центре мироздания.

Мы вновь нуждаемся в фундаментальном ответе на простые вопросы: живёт ли человек по законам сохранения пространства планеты, и существует ли смысложизненная миссия для каждого «сошедшего» на Землю?

Код Человека в эпоху Антропоцена. Код — это зашифрованная последовательность, программа осуществления, базовая схема развития процессов осуществления функций и возможностей всего существующего во Вселенной. Научное обращение к понятию «код», уточнение или, напротив, его широкое терминологическое раскрытие позволяют многосторонне и многозначно показывать дихотомию природного (биологического) и культурного в «расшифровке» множественных характеристик жизнедеятельности человека. Географический код в гуманитарном контексте выявляется как итог корреляции смыслоразличительных территориальных признаков, взятых на определённом структурном уровне коммуникативных конвенций и предметных отношений, результатом которых являются многоуровневые изменения в сложных нелинейных системах [2, 154].

Код формируется как результат смыслового и эстетического взаимодействия субъектов [5]. Термин «код» не раскрыт в должной степени философией, несмотря на то, что получил значимое прикладное значение в компьютерном программировании, технологических процессах, когнитивных науках и медицине, биологии и нейронауках, в психологии, военном деле, лингвистике. Заметим, что генезис терминов «код», «кодировка», «кодирование» не рассматривается в философском дискурсе. Эти термины имеют весьма ограниченное локальное использование в философии информации, теориях коммуникации и аналитической философии. Но прикладные работы не могут с должной доказательностью передать то, что предопределяет и делает человека зависимым: идёт ли речь о потере связи с природой или происходит очередной виток смены кода человека? Более того, феномен технонауки дискредитирует традиционную склонность философского обращения к самым крупным величинам, которые по-разному называются, но несут в себе обобщенные смыслы, такие как Абсолют, Универсум, Вселенная, Космос, Человек, Природа и Общество.

Пространственные средства коммуникации и выражения смыслов в практической жизни представляют собой семиоти-

ческие средства организации предметных действий в пространстве. Процесс кодирования языковых символов начально обозначался как комбинация визуального и вербального взаимодействия для пояснения персонального Другого, в котором суггестия выполняла функцию приёмно-передающей сети, оперирующей в коммуникативном кодированном пространстве. Культурный код формируется в ходе смыслового и этического взаимодействия субъектов и, следовательно, объектное общечеловеческое представление дополняется феноменами индивидуального, личностного субъектного характера, суммарный спектр которых формирует безразмерное содержание идентичности современного человека [9].

В семиотике код можно представить как идеальную модель языка, позволяющую сформировать устойчивое смысловое понятийное ядро, условие, которое обеспечивает человеческое взаимодействие и понимание. Юрий Лотман, ориентируясь на семиотическое распознавание смыслов, утверждает, что картина мира выстраивается на основе определённой пространственной модели и организации её структуры на всех уровнях; такое видение является универсальным культурным аспектом восприятия человека и формирования культурного ландшафта. В теории информации кодирование — это неотъемлемая часть процедуры алгоритмизации выражения или передачи сообщения, или, по своей сути, инструмент для сжатия и шифрования объемной информации. В когнитивных науках код фиксируется в некой последовательности букв и цифр, подтверждающих или предопределяющих исполнение задания.

Одной из важнейших характеристик окружающего мира является топос, который характеризует собой особую, характерную для античного мира сопричастность человека своему местонахождению, положение человека в природе. Человек появляется как существо, изменяющее границы бытия своим решением, и в философской антропологии возникает задача дать должный ответ на вызовы человечеству, создать мировоззренческие ориентиры не только на основе научно-рационального, позитивистского знания, но и с учётом модуса человеческой экзистенции в её предельных основаниях. Человечество создает искусственное, окультуренное пространство, законы которого опреде-

ляются геометрическими канонами архитектуры, где через степень и характер формализации материальной деятельности человека реализуется его эволюция в рамках существования земной цивилизации.

Безмерное расширение пространства человеческого общества, а также трансформация существующей экологической системы ведут к кардинальному разрушению среды обитания человека, что наглядно показывает острота ныне существующих глобальных проблем. Но телесное существование, считал М. Мерло-Понти, которое протекает во мне без моего участия, есть только набросок подлинного присутствия в мире. Оно создаёт лишь возможность этого присутствия, устанавливает наше первое соглашение с миром [3]. А если мыслить шире, человеческое предназначение на планете каким-то образом записано, зафиксировано, может существовать и остаться в латентной форме, при отсутствии спроса; в то же время оно способно передаваться личности (если она состоялась) для персональной реализации в процессе жизни.

Ж.П. Сартр уточнял, что если я постигну своё сознание во всей глубине и посредством ряда рефлексивных актов попытаюсь соединиться с ним в определённый живой объект, образованный нервной системой, мозгом, железами, органами выделения, дыхания и кровообращения, то встречу с неодолимыми трудностями. В структурированном философском понимании современности метафизика так замещается онтологией в её вечных оппозициях: определённое и неопределённое, нечто и ничто, пространство и время, форма и движение, становление и развитие, возможное и невозможное, и т.п.

Поэтому глобализация ныне привлекает особое внимание в качестве общемирового политического, социального, экономического и культурного процессов, отчетливо выражая новый интеграционный процесс в развитии человечества.

Конец прошлого века в нашей стране показал очередной переходный рубеж, имеющий определённый характер и процецирующий многие причинно-следственные свидетельства, которые могут быть найдены в континуальных срезах и динамике социального бытия. Самый главный выбор человека — экологический. Он предстаёт дилеммой: либо всё более непоправи-

мым является изменение окружающей природной среды и самих себя, либо будут реализовываться «естественными штрихами» эволюционные процессы, параметры и механизмы самой природы. Экспансия человеческого присутствия в биосфере не может быть неограниченной. Следует всмотреться в фактически поляризованное пространство биосферы и «очеловеченной» природы.

Концепция жизнеспособной для человечества геофилософии не может быть выстроена, не учитывая принципиально различающиеся стратегии человеческого присутствия. Персональная жизнь каждого из людей в основе своей предопределена, реализуется в каждом, но до сих пор не услышана в достаточной мере человечеством. Возвращаясь к пониманию сути кодирования, можно отметить, что код в различных форматах трансформирует и выстраивает заново не только смыслы, но и реальности человека, природы и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочарников В.Н.* Географическая антропология эпохи Антропоцена. – Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2022. – 287 с.
2. *Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география. Научная экспликация. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 664 с.
3. *Демченко Л.М., Гончаров Н.В.* Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти // Вестник ОГУ. 2012. – № 7 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-vospriyatiya-i-ponyatie-telesnosti-kak-alternativnyy-sposob-raskrytiya-spetsifiki-subektivnosti-v-filosofii-m-merlo> (дата обращения – 10.03.2023).
4. *Деннет Д.* Виды психики / Пер с англ. А. Веретенникова. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
5. *Ковшова М.Л.* Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 2. – С. 60–65.
6. *Ленк Х.* Размышления о современной технике // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6037> (Дата обращения: 10.02.2023).
7. *Марков Б.В., Бочарников В.Н.* Цивилизация в экологическом измерении // Studia Humanitatis Borealis. – 2022. – № 3 (24). – С. 3–13.
8. *Тюгашев Е.А.* Гуманизм и социальная философия // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-i-sotsialnaya-filosofiya> (дата обращения – 10.03.2023).
9. *Фадеева И.Е.* Код культуры: антропологический взгляд // Вестник ВятГУ. – 2011. – № 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kultury-antropologicheskii-vzglyad> (дата обращения – 10.03.2023).
10. *Черносвитов П.Ю.* Эволюция жизни как информационный процесс // Человек. – 2006. – № 3. – С. 5–21.

Vladimir N. Bocharnikov

THE HUMAN CODE PHILOSOPHER'S SEARCH

Pacific Institute of Geography FE RAS (Vladivostok). E-mail: vbocharnikov@mail.ru

***Abstract:** there are eternal topics and «cursed» questions, we do not have complete knowledge about the world, and we will never be able to get it: the fields of human knowledge are limited, and the world is infinite. Philosophy was in the past, which is irrefutably confirmed by the history of philosophical thought, it exists in the present, it has a future, which is predetermined by new searches and assertions of the human. Author's message shows that you can come to new knowledge in the traditional way, adding something of your own to the known, sifting through the grains of what you have heard, read, recognized. But we be able turn to the intuitive, and seemingly obvious and understandable to everyone. There is intention to introduce and use the concept of the human code or the anthropological code in cognition, to legalize much that has already been noticed earlier and discussed by philosophers. It is confirmed: the topic of human is as complex as it is interesting; the author has corrected the thesis about man as a special kind of being, predetermined by a coded fatum.*

***Keywords:** nature, anthropological code, human destiny, geophilosophy, ethnos, landscape.*

REFERENCES

1. *Bocharnikov V.N.* Geographic Anthropology of the Anthropocene Epoch. – Vladivostok: Pacific Institute of Geography FEB RAS, 2022. – 287 p.
2. *Gladky Yu.N.* Humanitarian geography. Scientific explication. – St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2010. – 664 p.
3. *Demchenko L. M., Goncharov N. V.* Phenomenology of perception and the concept of corporality as an alternative way of revealing the specifics of subjectivity in the philosophy of M. Merleau-Ponty // Bulletin of OSU. – 2012. – № 7 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-vospriyatyya-i-ponyatie-telesnosti-kak-alternativnyy-sposob-raskrytiya-spetsifiki-subektivnosti-v-filosofii-m-merlo> (Date of access – 03.10.2023).
4. *Dennett D.* Types of the psyche. Per from English. A. Veretennikova. – Moscow: Idea-Press, 2004. – 184 p.
5. *Kovshova M.L.* Analysis of phraseological units and codes of culture // Izvestiya RAN. Literature and Language Series. – 2008. – T. 67. – № 2. – P. 60-65.
6. *Lenk H.* Razmysleniya o sovremennoi tekhnike // Elektronnaya publikatsiya: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6037> (Data obrascheniya: 10.02.2023).

7. *Markov B.V., Bocharnikov V.N.* Civilization in the ecological dimension // *Studia Humanitatis Borealis*. – 2022. – № 3 (24). – P. 3-13.

8. *Tyugashev E.A.* Humanism and social philosophy // *Ideas and ideals*. – 2013. – № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-i-sotsialnaya-filosofiya> (date of access – 03.10.2023).

9. *Fadeeva I.E.* The code of culture: an anthropological view // *Bulletin of Vyatggu*. – 2011. – № 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kultury-antropologicheskii-vzglyad> (date of access – 03.10.2023).

10. *Chernosvitov P.Yu.* The evolution of life as an information process // *Man*. – 2006. – № 3. – P. 5-21.

Поступила в редакцию – 10.03.2023 г.

УДК 123.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_112_120

Р.С. Перов

ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА

***Аннотация:** в статье рассматриваются подходы к осмыслению творчества в эпоху постмодернизма. Основные черты постмодернизма взяты у таких авторов как Ж.-Ф. Лиотар, Е.С. Маслова. Творчество и его значение для человека раскрыты через обращение к идеям Платона и М.К. Мамардашвили. Показано, что в дискурсе постмодерна творческий потенциал человека находится под угрозой и нуждается в своём переосмыслении.*

***Ключевые слова:** постмодернизм, постмодерн, творчество, метанарратив, страх, воля, становление человека.*

Предисловие. Современный человек ошеломлён миром вокруг него. Но в этом чувстве куда больше экзистенциального страха нежели аристотелевского удивления. За ошеломлением кроется далеко не побуждающий импульс и не увлекательный поиск истины, а скорее ступор и пресловутое осознание растерянности. Таков мир для многих людей, он непонятен, кажется враждебным и туманным, а сам индивид может размышлять о себе как о неуместном, как о пришельце с другой планеты и из другого измерения. Он не знает, кем ему быть, ведь его потенциал не сдержан ничем; он не знает ни зла, ни добра, ведь теперь эти понятия стали относительными. Но при этом из жизни улетучивается творческая составляющая. Человек не хочет или не рискует воплощать идеи в жизнь и даже представлять их. Но вернее сказать, что человек в своей массе нацелен на то, чтобы не тво-

Перов Роман Сергеевич – бакалавр философии, студент магистратуры кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: perovrs19@yandex.ru

речь самому, а доверить этот процесс кому-то другому. Возникает вопрос, нужна ли нам в современных реалиях способность создавать, или человечество может её упразднить?

Эта психологическая зарисовка лишь отчасти показывает положения индивида в настоящем мире, в том мире, который мы могли бы назвать постмодернистским. Мы знаем, что это не предельная характеристика современного положения дел, однако данное обозначение мира — постмодернистский — имеет широкий круг сторонников, поэтому его использование вполне уместно.

Постмодерн Лиотара. Одним из ярчайших сторонников такого подхода является Жан-Франсуа Лиотар. По мнению Лиотара, к возникновению постмодернизма привёл крах и упразднение только одного элемента, а именно метанарратива. Но не стану забегать вперёд. Для того, чтобы определить, чего именно лишилось человечество в эпоху постмодерна, надо понять, что вообще представляет из себя метанарратив. Сам термин был введён Лиотаром и относился к историческому аспекту бытия. Метанарратив служит, прежде всего, описательным целям, он должен обрисовывать историю человека и его общности. Стоит также добавить, что метанарратив не ставит своей задачей лишь жизнеописание. Наряду с настоящим и прошлым его также волнует и взгляд в будущее. Как сам Лиотар пишет об участнике метанарратива: «герои познания работает ради великой этикополитической цели, всеобщего мира» [3, 10]. Здесь наглядно представлен момент концентрации на будущем в метанарративе, ведь действия уже совершаются «ради» чего-то, в попытке позаботиться о своем или общем будущем.

В полагании будущего усматривается ещё один аспект метанарратива — адекватное прогнозирование [5, 151]. Думаем, здесь стоит пояснить сказанное. Представление о будущем должно вытекать из настоящего, а не быть частью фантазмагорического произведения. Полагаем, что не слишком реальные прогнозы выглядят настолько же комично, как если бы финальным шагом коммунистской программы было бы объединение всех работающих живых существ в галактике. В связи с этим замечанием, можно немного углубить понимание будущего в рамках метанарратива и отнести составление его образа ближе к целеполаганию, а не к фантазированию.

Отметим основные аспекты метанарратива: он историчен по своей природе; в нем присутствуют акцентирование на будущем и эмоциональная привязка к нему. Ведь действия совершаются «ради» того, ради чего человек радуется и желает этого будущего. Возможно, что для индивида метанарратив не просто создает образ его будущей сущности, но заставляет желать его преобразиться именно в соответствии с ним.

Про лиотаровский метанарратив можно ещё много чего сказать, но чем он может быть полезен при понимании места человеческого творчества в современном мире постмодерна? Для этого нам надо взглянуть на те вещи, которые начинают происходить при попытке отринуть всякий метанарратив и перейти к безобразному (не имеющего образа) существованию.

От метанарратива мы переходим в область мультикультурности. «Постмодернизм как широкое культурное течение ...наиболее характерное свидетельство *мультикультурности*, кросскультурности, транскультурности постиндустриализма» [2, 268]. Больше нет сословий, нет рас, по крайней мере, мы будем делать вид, что их не замечаем. Место определённого сущего занимает плюрализм и относительность, что наблюдается во всех сферах. Мир становится культурной мозаикой [2, 267].

Эта безграничность, столкновение с чем-то неопределённым рождает в человеке не самое приятное чувство. Думаю, что, с психологической точки зрения, оно должно быть очень близко к понятию страха в экзистенциализме. «Человек осуждён быть свободным» [8, 22]. Но он освобождается не благодаря отсутствию Божественного плана, а из-за чрезмерно широкого списка возможностей. Из каждого устройства начинают доноситься такие лозунги как: «Будь тем, кем ты сам захочешь!», «Создай самого себя!» и пр.

Но почему же такое свойство жизни как свобода, столь воспеваемое, может привести человека к чудовищному замешательству? Разве он не должен чувствовать себя воодушевлённо, так как его потенциал стал в прямом смысле безграничным? В образовании страха видятся две грани. На простом языке она выражается следующим образом: «А вдруг не получится?». Страх неудачи, неудачного воплощения существования в сущности – вот, что заставляет переживать человека. Ну и второй вариант

— это страх может как-то не так реализоваться. Вдруг получится не то, что хотел. Если придать этому пассажи философский облик, то можно сказать в духе Мераба Мамардашвили: человека в этот момент одолевает страх не сбыться или страх не стать [4, 18-23].

Далее предлагается взглянуть на последствия испытания страха человеком. Эти последствия, как видится, ведут уже непосредственно к проблеме человеческого творчества.

Таким образом, страх за своё будущее в абсолютно непрогнозируемом и непонятном мире может заставить человека пойти на крайности. Но перед этим нам необходимо определить понятие креативности и креативного ресурса.

Акты творчества. Несмотря на то, что в сформулированной теме предмет обозначен термином «креативный», для удобства мы будем пользоваться русскоязычным эквивалентом «творческий». На тему творчества существует огромное число работ и есть не меньшее количество интерпретаций термина. Зачатки этого мы находим ещё у Платона в размышлениях об Эроте [6, 221].

В своём диалоге «Пир» Платон определяет творчество как «всё, что вызывает переход из небытия в бытие» [7, 97]. Со времен Платона утекло много воды, но смысл творчества остается приблизительно таким же. Современный философский словарь определяет творчество как «деятельность человека, созидающая новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образы и знания» [9, 682].

В целом, творческий процесс можно разделить на два этапа: планирование как внутреннее созидание и воплощение, т.е. переход в бытие. «Творческое усилие закачивается успехом именно потому, что воображение вливает в форму свою витальность» [6, 201]. Происходит формирование образа будущего произведения, дальше с прикладыванием усилия или воли образ становится жизнеспособным, он рождается. Идея в голове — лишь зачаток, ещё не рождённое. Как жажда чести ещё не сама честь, как жажда знания ещё не есть само знание; но они суть ориентиры. И чтобы идея была воплощена в этом мире, чтобы произошло рождение и становление, необходима воля.

Заметим, что именно после воплощения обоих аспектов творческий акт можно считать удачным. Простое воображение идеи

без усилий не породит результат творчества. А сплошное волевое усилие без ориентира и желаемой формы воплощения останется неплодотворным.

Таким образом, одна из вышеупомянутых крайностей, вызванных страхом за будущее, – творческая. Человек оформляет себя идейно, а в последующем пытается воплотить эту форму, образ или гештальт в жизнь, действуя без какой-либо помощи. Делает он это с использованием воли, самостоятельно задействуя все свои эмоциональные, физические и интеллектуальные ресурсы. Он действует ради осуществления себя, чтобы не быть недоразвитым, незавершённым и обрести себя в чем-то ставшемся. И это действие подпитывается страхом не стать или не сбыться.

Другая крайность представляется автору статьи более существенной для современного человека. Речь идёт не об отсутствии творчества, а скорее об отсутствии одного из компонентов творчества, а именно – воли. Именно воплощение и переход в бытие становятся для человека чем-то, чего он сторонится. Придумать форму или образ это одно, а воплотить – совсем другой процесс. Эта боязнь перевешивает волевое устремление. Человек больше боится и переживает, чем делает. Это отлично видно на примере Ильи Ильича Обломова. *«Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто, да он бы желал, чтоб это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой; а Захар всегда заводил тяжбу, лишь только начинали требовать от него сметания пыли, мытья полов и т.п. Он в таком случае станет доказывать необходимость гродной возни в доме, зная очень хорошо, что одна мысль об этом приводила барина его в ужас»* [1, 15].

Мы допускаем, что в наше время индивид, находясь в подобной ситуации, будет готов даже делегировать абсолютно все свои полномочия, свою судьбу искусственному интеллекту (далее – ИИ). Почему именно ему? Больше нет других претендентов. Вероятно, что идеологии канули в лету вместе с метанарративом. И сейчас ИИ становится самостоятельной силой. Он способен копировать не просто произведения искусства, но и авторский стиль. Иными словами, будут созданы новые произведения Гогена с Брюлловым, Баха и Рахманинова, Манделштама и Джона Донна, но без участия самих авторов. То есть нечто

создаст произведение вместо автора. Нечто напишет стих Джона Донна вместо самого Джона Донна. ИИ уже пытались заменить судей, просто загружая в компьютер результаты всех разбирательств.

Достаточно взглянуть на лозунг, регулярно транслируемый в одном спортзале: «Эндосфера терапия, аппарат микро-вибрационной компрессии. Получи тело мечты без боли, без рисков, без противопоказаний». Иными словами, стань кем хочешь, ничего не делая.

И есть очень заманчивый риск, что обычный человек захочет воспользоваться такой функцией. Это своего рода автопилот биологического организма. Здесь поясним: находясь в абсолютно непроглядной ситуации и испытывая страх от непонимания, человек хочет сбросить с себя бремя ответственности за себя. Ведь он не знает, что выйдет из его жизни, так как она проходит во мраке непонимания и конструируется «наощупь» без какой-то видимости дальнейшего результата.

Так вот, и здесь предлагается подумать, пойдёт ли человек на то, чтобы передать свою судьбу, своё становление в руки ИИ? Мы утверждаем, что такой сценарий более чем вероятен. С одной стороны, человек неукоснительно будет следовать рекомендациям ИИ и верить в его мощь или безошибочность. С другой стороны, даже если воплощение его судьбы не состоится в том формате, который представлял себе субъект, или в том, в котором он был представлен ИИ, человек всегда сможет сослаться своей неудачей на него.

Творчество как становление человека Человеком. Выше мы рассмотрели, как человек, переходя в эпоху постмодернизма, лишается метанарратива. Это приводит к появлению плюрализма, неоднозначности и мультикультурности. В постмодернизме нет понятия «так заведено», теперь можно делать всё, что угодно. От этого широкого выбора и ответственности за него человек испытывает страх, дискомфорт, боязнь — страх не состояться. И этот страх либо делает его сильнее, побуждая к творческому безграничному акту, либо угнетает, заставляя передать ответственность за свою свободу *другому*. Но *другим* не может стать государство или идеология, ведь они стираются как часть метанарратива. Место другого занимает искусственный интеллект (ИИ).

Так может человеку вовсе стоит отказаться от творчества? Может стоит ограничиться лишь фантазией, а волевою составляющую отдать на реализацию ИИ? Прислушиваясь же к голосу разума, автор никак не может согласиться с передачей права реализации человеческой идеи не человеку (например, ИИ). Так происходит потому, что становление человека — процесс творческий. Мы говорим о человеке не как о предмете, который можно определить биологически, а о человеке в его метафизическом плане. Этого человека сложно определить, но это та черта, к которой мы взываем, говоря: «Баранкин, будь человеком!». Это метафизический человек, человек с большой буквы, который не может родиться естественным путем, плывя по течению [4]. Становление человека и есть творческий процесс. Потому что в нём заложен волевой элемент, то, что должно быть преодолено, чтобы состояться в творчестве. Без усилия форма не появится. Без волевого элемента человек никогда не станет Человеком. Нам нужен творческий ресурс, в какой бы ситуации ни оказалось человечество. От его сохранности зависит облик и жизнь нашего вида.

Вывод. Мы осознали, что делегировать все полномочия ИИ или кому-то другому нельзя. Делать все исключительно самому, т.е. впасть в полный творческий азарт, избегая любой помощи, — не продуктивно и не современно. Мы считаем, что не стоит впадать в крайности, а необходимо придерживаться срединного пути. Наилучшим вариантом будет объединение человеческой креативности с работой ИИ.

Сейчас цифровизация и автономность процессов становятся передовыми задачами. Люди хотят, чтобы машины заменили их. А всё может быть несколько иначе: человек должен стремиться не к полной замене своей деятельности компьютером или фармакологическим препаратом, а к усовершенствованию своей деятельности при помощи современных средств. Вопрос же для дальнейших исследований состоит в следующем. Как следует синхронизировать работу человека и возможности, предоставляемые современными технологиями, при условии, что он оставляет за собой черты творца?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончаров И.* Обломов. Обыкновенная история: романы. — СПб.: Азбука — Аттикус, 2022. — 736 с.

2. Горбунова Л.И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века // Вестник МГТУ. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 265-271.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной психологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 816 с.
5. Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Грамота. – 2015. – № 2 (52). – С. 150-152.
6. Мэй Р. Мужество творить. – М.: Инициатива, 2001. – 253 с.
7. Платон. Пир // Платон. Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. – М.: Наука, 1953. – 89 с.
9. Современный философский словарь – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. – 823 с.

R.S. Perov

THE NEED FOR HUMAN CREATIVE RESOURCES IN THE POSTMODERN WORLD

Department of Ontology and Theory of Knowledge of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow). E-mail: perovrs19@yandex.ru

***Abstract:** the article discusses approaches to understanding creativity in the era of postmodernism. The main features of postmodernism are taken from such authors as J.-F. Lyotard, E.S. Maslova. Creativity and its significance for man are revealed through an appeal to the ideas of Plato and M.K. Mamardashvili. It is shown that in the discourse of postmodernity, the creative potential of a person is under threat and needs to be rethought.*

***Keywords:** postmodernism, postmodern, creativity, metanarrative, fear, will, human development.*

REFERENCES

1. Goncharov I. Oblomov. Obyknoennaya istoriya: romany. – SPb.: Azbuka – Attikus, 2022. – 736 s.
2. Gorbunova L.I. Postmodern kak tendentsiya razvitiya kul'tury XX veka // Vestnik MGTU. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 265-271
3. Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. – М.: Institut eksperimental'noy psikhologii; – SPb.: Aleteiya, 1998. – 160 s.
4. Mamardashvili M.K. Besedy o myshlenii. – М.: Fond Meraba Mamardashvili, 2015. – 816 s.
5. Maslov Ye.S. Ponyatiye «metanarrativ» ZH.-F. Liotara v kontekste narratolgii // Gramota. – 2015. – № 2 (52). – С. 150-152.
6. Mey R. Muzhestvo tvorit'. – М.: Initsiativa, 2001. – 253 s.

7. *Platon. Pir* // Platon. *Sobr. soch.* V 4-kh t. T. 2. – M.: Mysl', 1993. – 528 s.

8. *Sartr Zh.P.* *Ekzistentsializm – eto gumanizm.* – M.: Nauka, 1953. – 89 s.

9. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* – 4-ye izd., ispr. i dop. – M.: Akademicheskiy proyekt; – Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2015. – 823 s.

Поступила в редакцию – 12.04.2023.

1.3. Философия науки и техники

УДК 101.9

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_121_135

В.В. Седов

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** актуальность исследования заключается во всё более растущей как популярности и полезности, так и опасности цифровых инструментов и цифрового мышления, которое может привести к необратимым последствиям в самом ближайшем будущем. Цель статьи – определить и уточнить современное положение общества и молодёжи в нём, которая находится под влиянием цифровизации и неуклонно движется ко всё большей диджитализации. В статье рассматриваются вопросы мышления и восприятия обществом культуры «нового мира», и соответствующих этому перемен; как общество справляется с новыми вызовами, и к чему это может привести.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровые инструменты, общество, коммуникации, философия, виртуальное общество.*

Современное общество всё более непредсказуемо погружается в мир, полный культурных фантазий, где самые священные столпы общества подвергаются критике, переосмыслению, сопоставлению. Сквозь призму цифровых технологий быстро меняется сама система восприятия человеком мира: всё наполняется симулякрами и симуляциями симулякров, где впоследствии рож-

Седов Владислав Васильевич – студент магистратуры 2-го курса Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: wladislawsedow@gmail.com

дается новая культура, неосмысленная и непроработанная. Дальнейшие попытки не обращать на это внимание чреваты тем, что подобная «симуляция» полностью выйдет из-под контроля, и человечество утратит возможность создать новую философскую парадигму, осмысливающую новое общество и новое положение вещей.

В этой связи необходимо изучить масштаб изменений внутри культуры, понять, какие культурные ценности уходят, а какие приходят или только придут вместо них. Устранение «человеческого фактора» и явление миру холодного машинного интеллекта, который безучастно, но очень точно прогнозирует и решает за людей, что им делать, были описаны во множестве романов и антиутопий. И исключение человеческого фактора из самой культуры опасно тем, что жизненное пространство человека станет чрезмерно искусственным.

Появление относительно независимого внешнего фактора формирования культурной среды – искусственного интеллекта, «Deus ex Machina», вносит новые корреляции, которые сложно заметить и осознать. Большая часть стремительно изменяемых культурных ценностей меняются именно под влиянием цифровых технологий и ИИ, и не совсем понятно, происходит это по заказу человека или же стихийно и событийно внутри самой системы цифрового общества. Практика показывает, что современный ИИ, который, конечно, находится пока ещё на ранних этапах своего развития, максимально зависим от человека и более того – человек как его владелец может условно «перенастроить» любой ИИ таким образом, что он будет принимать только необходимые решения. При этом, отследить этот факт нет никакой возможности – достаточными знаниями об этом обладают лишь немногие технические специалисты.

Информационно-коммуникационный универсум, порождённый технологиями, с определённого этапа начал развиваться относительно самостоятельно, независимо. Эти этапы, или же, как например, эпохи в работе М. Маклюэна разделяются на 6 единиц. Первые три описывают становление коммуникационных технологий, в основном касаясь письма и книг, поэтому на данный момент уже неактуальны, или, скорее, не столь интересны. Здесь стоит начать с четвертой, которую Маклюэн назы-

вает «постгутенберговской» поскольку и она, и затем следующая, пятая, во многом характеризуют нынешнюю эпоху [6]. Отличается эта эпоха от всех предыдущих, в первую очередь, кардинальной позиционной разницей в обработке, получении и хранении информации. Вместо абстрактных образов, создаваемых книгой, в сознание человека приходят новые, совершенно иные формы: аудиовизуальные трансляции информации, которые кажутся более «осязаемыми» и не зависят от воображения человека, а лишь доставляют до него уже изначально заданные красочные картины. По мнению М. Маклюэна, электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности, превращают нашу планету в единую «глобальную деревню», в которой не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов [3].

Подобное отделение человека от старых и привычных форм социального функционирования привносит в его жизнь как ряд кризисов, так и некоторые внешние и/или внутренние раздражители, формируемые современным обществом. Однако большинство таких выгод и недостатков становятся вполне равновесными антитезами: одиночество и пресыщение онлайн-общением, повышение толерантности в обществе и одновременно ещё большая неприязнь к другому, свобода слова и самоцензура, открытость и замкнутость. Этот список можно ещё довольно долго продолжать, однако смысл ясен — такие коренная перестройка и уход человечества «в себя» (особенно на фоне пандемии COVID-19) создают основание для формирования концептуально нового общества и соответствующей ему философии современности.

Рождение такого мира, в первую очередь, обусловлено именно формой получения информации. К этому вопросу обращается У. Эко, выделяя две социальные группы будущего, которые используют разные способы получения информации. Первая характеризуется аморфностью и внушаемостью и связана конкретно с получением уже готовых мыслеобразов посредством телевидения или разного рода интернет-мессенджеров, которые специализируются исключительно на видео-контенте развлека-

тельного характера. Эта группа находится в зоне «интеллектуального риска»: по мнению У. Эко такой способ чреват упадком грамотности и «моральным обнищанием». Вторая же группа использует компьютер и интернет для выявления, анализа и получения отсеянной, качественной информации, то есть эта группа — люди высокообразованные и умеют мыслить критически [10]. Теория Эко подталкивает нас к мироощущению постмодернизма [5], отбрасывая как «постгутенбергскую» теорию Маклюэна, так и мир модерна.

Пятый этап, по Маклюэну, характеризуется ещё большим расширением «постгутенбергского» мира социальной коммуникации и мировосприятия, которое усугубляется углубленным вторжением в нашу жизнь новейших компьютерных технологий. На данном этапе наша жизнь уже неотделима от этих технологий, они в буквальном смысле слова пропитывают наше окружающее пространство. В такой среде люди на данном этапе всё более отдаляются от самих себя. С какой-то точки зрения это полезно для внутренней рефлексии и самопостижения, если бы не одно но: всё временное пространство человека занимают новейшие гаджеты и бесконечный поток информации, который они предоставляют. То социальное дистанцирование, о котором начали говорить, как о чём-то необходимом после начала пандемии, на самом деле во многом уже давно было достигнуто, и пандемия лишь подтвердила неизбежное метасоциальное изменение коммуникативного пространства человека.

Это исказило и природу мышления человека. На данном этапе человек начинает мыслить цифрами, как бы это ни звучало абсурдно, и на таком базисе рождается новое поколение, чья философия целиком отличается от всех предыдущих поколений и ни на что не похожа: она гибрид, сочетающий в себе достижения предыдущей информационной эпохи и новые метафизические концептуальные осознания, выстроенные на новом понимании времени, а также значительно переменившиеся лейтмотивы и потребности, в т.ч. и морально-этические. Такой процесс был обозначен как «цифровая революция» и «цифровая цивилизация».

Последним прогностическим этапом Маклюэн выделяет сингулярную коммуникацию. Она характерна множественными до-

мыслями о том, что, идя по определённом пути развития цифровых технологий, человечество перейдёт в иную фазу существования: в какой-то момент скорость развития технологий из неуловимой переменной станет константой, т.е. эти изменения станут фактической нормой бытия, вслед за чем наступит резкое и масштабное изменение всей нашей цивилизации. На таком этапе человеку, чтобы не сойти с ума от непонимания происходящих процессов, потребуется новая идеология, новые моральные устои, поскольку те, которыми мы мыслим даже на данный момент устарели и нуждаются в полноценной переработке.

В данном случае проблемы технологического развития сводятся к интуитивному восприятию человеком окружающей реальности, а точнее — к преломлению этого восприятия. Предполагается, что к 2035-2040 гг. прогностические кривые развития науки и новых технологий станут почти вертикальными, т.е. скорость развития в единицу времени станет неимоверно высокой и будет расти по экспоненте и дальше. В свою очередь, это говорит о том, что наступит момент, когда люди с помощью технологий начнут активно дополнять или, возможно, подменять реальность.

Такой процесс происходит уже и сейчас — но в несколько иных тенденциях. Это стоило бы окрестить «цифровой философией», которая создаётся прямо сейчас поколением, родившимся на сломе данных эпох. Такое поколение, в свою очередь, можно назвать «новым потерянным поколением»: оно всё ещё пропитано духом стремительно уходящей информационной эпохи, но ещё недостаточно включилось в новый нынешний дискурс цифрового общества, которое так же быстро идёт на смену данному поколению.

Феномен в целом можно связать с «потерянным поколением», поскольку ситуация возникает аналогичная: первое потерянное поколение, родившееся в последнем десятилетии XIX-го века, своим взрослением попало на период морально-этического вакуума, спровоцированного Первой Мировой войной. Этот вакуум вылился в поиск новых идей, поскольку старый мир и его колониально-империалистические концепции резко были оборваны революциями и утратой большинством людей жизненных ориентиров вследствие тотально переменившегося мира. Разница между старым потерянным поколением и новым в том,

что на долю нового не выпала никакая новая «Великая война», погубившая миллионы жизней, заставившая молодёжь рано начать убивать и лишившая их возможности нормально адаптироваться к реальности.

Таким образом, необходимо указать на следующее: «потерянные» поколения схожи только в плане изначально заданных императивов своего формирования, но никак не относительно содержания самого процесса. Новое потерянное поколение легче адаптируется к реальности и способно свободно воспринимать новую информацию. Однако проблема заключается в том, что оно не хочет (и не может) адаптировать старые идеи к новому времени, предпочитая придумывать свои или же «прятаться головой в песок», уходя в себя, прячась от окружающего мира во множестве вселенных, которые предлагает цифровой мир.

Итак, их схожесть — это, во-первых, нежелание адаптировать старое, во-вторых, создание нового, концептуально иного взгляда на большинство моральных устоев общества, которые считаются классическими и нормальными по той простой причине, что они появились раньше и существуют уже несколько эпох. А добавление в это метауровнение новой переменной в виде искусственного интеллекта, способного в ближайшем будущем формировать свою собственную этическую повестку, приносит элемент хаоса в систему существования человеческого бытия и восприятия человеком как себя, так и окружающего мира. Именно из-за введения новой переменной это поколение можно условно обозначить «потерянным».

Общество постмодернизма изобилует неточностями. Однако Ж. Бодрийяр, активно занимавшийся «конструктивной деконструкцией» реальности, допускает лишь единственную реальность, допущение которой всегда равнозначно её созданию. Реальность симулятивна, став некой игрой в реальность, игрой в игру реальности. Такую надстройку можно утверждать бесконечно, создавая бесконечное число сверхреальностей. Среди всех этих формаций современный человек «активно теряет», часто делая это сознательно, поскольку сейчас, по его мнению, уже невозможно создать ничего нового конкретно для этой реальности. Таким путём человек через расширение территории реальности пытается компенсировать недостаток идейного контек-

ста, бесконечно пристраивая к имеющейся реальности новые псевдореальности. Это рождает одновременно элемент ощущения всемогущества и в то же время полной беспомощности (хотя в данном случае всё зависит исключительно от мироощущения самого человека).

Всё в этой реальности строится на процессе симуляции: модель конструируют, комбинируя разные черты или элементы реальности, и эта модель «разыгрывает» событие, ситуацию реальности. Бодрийяр пишет: «В массовых коммуникациях подобная процедура получает силу реальности: последняя уничтожена, рассеяна в пользу этой неореальности модели, материализованной самим медиумом» [1].

Порождение миллиардов новых реальностей в умах каждого человека создаёт когнитивную нагрузку на человечество в виде некоего «белого шума», который разрушает здоровую «реальную реальность», смешивая сотни видов различных псевдореальностей в единое целое, в котором невозможно разобраться. На всём этом основании выстраиваются симулякры «обыденности», огромных и жутких форм, обволакивая оригиналы и генерируя неоправданно большее количество новых симулякров в прогрессии, превышающей геометрическую в несколько раз. В конечном итоге, вслед за мыслеобразами в эти псевдореальности перемещается уже и личность человека, и его восприятие, теряясь в ней и смешиваясь с иными, которые кажутся данной конкретной личности более привлекательными и всеобъемлющими. На этом строится конфронтационное преломление этих эпох: той, где господствовала старая морально-этическая система восприятия, выстроенная на «старой философии», и эпохи, в которой, как ни странно, даже попытки сформировать новый идейный дискурс отсутствуют в силу потребления несобранного иллюзорного смысла, рождаемого под каждую личность умышленно, для удовлетворения сиюминутных потребностей.

Это создаёт ощущение неполноценности – отсутствие идеи как выраженного фактора самовосприятия и движущей силы в угоду потреблению «здесь и сейчас» без видимой перспективы убивает в современном молодом поколении даже гипотетическую заявку на создание собственных нравственных ориентиров, кроме тех, которые были созданы для откровенных манипуля-

ций социумом «политиканами», не менее измельчавшими в политическом смысле, чем их идейно-философский дискурс.

Так создаётся подмена одной реальности на другую. Мир фэнтези и фантастики, в котором многие молодые люди пребывают перманентно, реабилитируя себя через утверждение что это «их хобби/развлечение/отдых» и т.д. является откровенной фальсификацией реальности для отвлечения этих людей от их собственных когнитивных диспропорций. Эти люди часто существуют в сетях самых ядовитых и жутких иллюзий, вокруг которых формируется чрезвычайно токсичное сообщество, готовое уничтожить любых критиков такого образа жизни посредством кибербуллинга. Эти сообщества становятся похожими на извращённые секты поклонения какому-либо игровому миру, в который эти «сектанты» стараются уйти целиком и полностью, отменяя действительную реальность и рождая техническое безумие выдуманых и беспочвенных традиций недалёковидно мыслящих людей. Иногда это становится ещё одой надстройкой: они стремятся в игровом мире воссоздать репродукцию реального мира, с извращением его законов в угоду собственной моральной прихоти и/или в поисках нового варианта развлечения и отвлечения себя от действительной реальности, которая угнетает их. Вслед за этим, по мнению Бодрийера, происходит деперсонализация личности, дереализация объектов и активное абсорбирование симулякров [1], следом за которыми идёт деконструкция реальности именно в смысле её умышленного разрушения посредством постепенного ухода от неё.

Итак, «уходящее» современное восприятие мира создано тем коллективным бессознательным человечества [11], которое оно накапливало с создания первейших цивилизаций и по ходу прогресса иногда незначительно, а иногда и значительно реформируя. Однако тут нужно также отдельно указать следующее пояснение Карла Юнга: «...Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверличным» [11].

Принимая это во внимание, формируемая цифровая цивилизация будет кардинально отличаться от предыдущей: её коллективное бессознательное будет бесформенным, мотаясь из сто-

роны в сторону в хаотическом порядке в силу столь явственно проповедуемой ложной индивидуальности, которая по факту является навязанным медиапродуктом, и не будет отличаться целостностью мысли и движения. Так начинает формироваться новый миф, рождённый из интерсубъективных верований, которые отображают реальность только обобщённо. Опасность состоит в том, что в ряде случаев этот миф занимает место науки или, по крайней мере, выступает её эквивалентом, с помощью которого мир понимается, описывается и переписывается.

Этот миф является чрезвычайно сложным социальным образованием, которое может претендовать на то чтобы заменить собой реальность. Процесс деконструкции реальности выявляет возможность сформировать такую иллюзию из компонентов условной деконструируемой «старой реальности» и тех аспектов, которые «хотелось бы» добавить по разным причинам. Об этом говорит в несколько ином смысле В.М. Пивоев: «Иллюзия – это не обычный обман или ложное представление. Это такое представление, которое внушает нам надежду на удовлетворение наших потребностей» [9].

Таким образом, можно сказать что, несмотря на попытки такой иллюзии заменить собой реальность, это будет всё та же мнимая реальность, которую мы, тем не менее, воспринимаем как правду. Такой феномен всё больше распространяется среди поколения, родившегося в период с 1990-х по начало 2000-х годов.

Необходимость потребления таких иллюзий новым поколением обусловлена ещё и тем, что происходит действительный разрыв, привычный, можно сказать классический, и в то же время дополненный новыми возможностями, дарованными технологиями. Этот разрыв рождает чувство покинутости, забытья, потерянности, трепет и ужас перед чем-то непостижимо всемогущим, даже несмотря на то, что это непостижимое и всемогущее уже было «опробовано», понято и воспринято ранее как некоторые традиционные морально-этические и метафизические истины, описанные сотнями философов последних двух тысяч лет.

Подобное нуминозное отношение ко всему происходящему отлично преподносит то социальное равнодушие, с которым мы сталкиваемся сейчас. «Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, всё более

выступающей в качестве магического средневекового института, владеющего волшебными средствами воздействия на мир... Апелляция к симулятивной архаике, не обеспечивающей смысловую проработку идущих в обществе изменений и, тем более, не порождающей новых смыслов и ценностей, представлений о будущем, становится причиной стремительной деморализации общества, массовой аномии, асоциального индивидуализма и цинизма» [2].

Всё это подводит к той мысли, над которой размышляют уже многие поколения философов: соответствие нашего представления о мире реальности того мира, в котором мы живём и действуем. Здесь традиционно можно вспомнить И. Канта и его «вещь в себе», которая объясняется как то, что сущность принципиально и категорически не может ни при каких обстоятельствах быть постигнута человеком в её первоначальном самостоятельном, самобытном существовании.

Исходя из этого, можно сделать вывод: всякая подобная вещь в сознании человека является не чем иным и не более чем как некой репрезентацией, репродукцией этой вещи, созданной с помощью осознания её человеком на его собственном уровне; при этом человек не понимает её реальной сути. Такого рода репродукции в дальнейшем могут распространяться и существовать как «объективизированный» предмет, получив такой статус через принятие одной субъективной точки зрения большинством. И так далее. С явлением человека сущность предмета как минимум удваивается, а иногда и утраивается, и это может продолжаться бесконечно. То есть реальная действительность есть не что иное как некая «вещь в себе» и её репрезентации.

Приходя к такому выводу, мы неизбежно наталкиваемся на проблему того, что раз реальность является вещью в себе, то объективно мы её познать не способны, а значит, мы не знаем, что такое реальность, и реальность каждого отдельного человека есть всего лишь иллюзия, созданная через репродукцию субъективного понимания человеком сути вещей. На таком этапе проблемой становится уже не только самосознание личности и её места в реальности, но и сверх того – осознание нереальности его реальности. Утрата действующей нити ведёт к психоэмоциональной нестабильности и поиску новых ориентиров, чтобы

подменить неожиданно оказавшуюся «нереальной» реальность какой-то новой, которая в силу разных причин будет казаться более реальной и объективной.

Здесь уже рождается культ, миф, иллюзия «нового мира» на руинах старой этической системы, которая была «иллюзорна и в корне неверна, ошибочна и оскорбительна». А дальше на неё наслаиваются «аномалии, извращения, мутации» общественной мысли.

Современное «потерянное» поколение не может найти само себя в этой картине мира и мечется из стороны в сторону, при-мыкая к навязанным идеям, отказываясь создать свою идею, или создавая её посредством болезненных переживаний и трагедий. Образуется бесформенная картина мира, и непонятно, что является её причиной – возможно, что средства массовой коммуникации. Жизненная практика человека перестаёт быть значимой, его мир создаётся и дублируется, подпитывается при помощи СМИ, которые дают нам то малое «оконце», форточку, через которую мы под нужным им углом смотрим на то, что происходит снаружи, подавая нам свою собственную, умышленно сгенерированную «вещь» общественности как нашу собственную.

Изучая новые тенденции в цифровизации государственных систем и отъявленную, почти ничем неприкрытую диктатуру социальных сетей, можно смело утверждать, что всё это – продукт политического заказа на создание послушного и верного электората. Впрочем, данный момент также является спорным и обрастает сотнями мифов и теорий заговоров.

Проблема поколения и его потерянности возникает при том, что всё чаще появляется термин «виртуальная реальность», которая ещё более легко реорганизуется и в неё ещё проще добавлять «всё необходимое», вне зависимости от того, у кого возникла подобная необходимость [4].

Об этом весьма подробно писал А. Бюль, говоря, что переход к виртуальному обществу происходит в границах и рамках киберпространства, сформированного процессом активной цифровизации реальности [14]. Он описывает те феномены, которыми обладает «цифровой индивид».

1. *Открытость*. Субъект кажется крайне восприимчивым и «доброжелательным» ко всему новому, непознанному, однако

такая необходимость скомплектована только по той причине, что происходит чрезвычайно быстрое распространение цифровых технологий, и попытка «закрыться» от них чревата стремительным отставанием, и, как следствие, отчуждённостью, или же столкновением с иными подобными индивидуумами, которые принуждают субъекта быть «открытым»: в противном случае его обвинят в какой-нибудь «нетерпимости» (расизме, антисемитизме, излишнем конформизме и т.д.).

2. *Изолированность.* Несмотря на открытость индивида, с помощью цифровых технологий он оказывается в искусственной изоляции от реального мира: через СМИ и соцсети до индивида можно донести буквально любую точку зрения, которая необходима, или на которую у индивида есть собственный спрос. Так этот субъект лишается права на частную жизнь. Прошедшая эпидемия коронавируса донельзя усугубила эту ситуацию.

3. *Фрагментарность.* Индивид, в силу разных причин, вынужден существовать и сосуществовать с десятками и сотнями виртуальных миров, создаваемых тут и там почти молниеносно — они, являясь частью киберпространства, используя вышеописанные открытость и изолированность индивида, активно, быстро и действенно подменяют собой «одну единственную» и настоящую реальность.

Внедрение и распространение цифровых технологий ускорило прогресс в тысячи раз, если не больше [12]. И здесь важным событием в жизни современного человека становится подмена традиционной модели коммуникации на более функциональную и эффективную, и чем дальше, тем ближе современное поколение оказывается к виртуальной коммуникации.

Именно тут возникает центральная проблема «потерянного поколения» — отчуждение, вопрос сохранения собственно личности человека. Методом усложнения и без того немало сложного мира, создавая новые технологические системы и угрозы, человек всё более привносит в этот мир те силы, над которыми он просто неспособен удержать контроль — и тогда контроль получают как раз эти, часто стихийные силы [7]. Чем больше человек преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь.

С помощью инструментов цифровизации создаются такие «монстры», которые способны с необычайной лёгкостью манипулировать сознанием социума, что заставляет его забыть и утратить всякую способность к критическому мышлению. Именно это и наблюдается у большинства современных людей. Но при этом всё, и те, кто подвергается этим манипуляциям, и те, кто руководит ими, остаются беспомощны и беззащитны в руках формируемой ими массовой культуры — именно здесь угроза потери личности реализуется на максимуме. Предлагаемые на всеобщее обозрение сотни формаций общественной мысли и ценностно-этических ориентиров вносят масштабный дисбаланс в картину мира современного молодого человека, который не может определиться, какая из всех этих картинок ему нравится больше и вызывает у него сильнейших отклик — но ему также нужно ориентироваться на общие тренды, в противном случае он рискует быть полностью изолированным от общества и «потеряться ещё больше».

В качестве вывода мы можем сказать следующее: разрозненность, изоляция, утрата личностных ценностных ориентиров, самостоятельно сформированных человеком, потеря веры в общественные институты и традиционные формы бытия, а также разрушение целостного морального компонента мирового сообщества — таковы результаты активно продолжающейся цифровизации. И на смену старым ориентирам новые не приходят — генерируется общая моральная ступень полного отсутствия всякой морали и ориентиров, и именно такая форма существования и становится ценностным ориентиром для молодёжи. Вслед за тем распадается модель общественного доверия ко всему окружающему, в том числе к самой реальности и вполне логичным кажется уход от этой реальности в миры, которые человек, как ему кажется, может формировать сам, забывая, что и действительная реальность также способна меняться под воздействием человека — требуется лишь больше усилий и больше терпения. Отсутствие доверия ведёт также и к полураспаду общественных институтов и государственной власти, или, что страшнее, — вызывает их болезненную деформацию. Будущее становится ещё более неопределённым, поскольку становится понятно, что формировать его некому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Гудков Л.М. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – №2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. / Под ред. Лободенко Л.К. – Челябинск: Издательство Южноуральского университета, 2020. – 553 с.
4. Дмитриева В.А., Святец, Ю.А. Реконструкция прошлого в познавательном пространстве «виртуальных реальностей» Step by step // Круг идей: модели и технологии исторической информатики: Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер». – М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 1996. – 342 с.
5. Емелин В.А. Киберкультура и сетевое либертарианство // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 3-11.
6. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; – Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
7. Ненасилие: философия, этика, политика / Под ред. Гусейнова А.А. – М.: Наука, 1993. – 188 с.
8. Носов Н. Психологические виртуальные реальности / Рос. АН, Ин-т человека, Лаб. виртуалистики. – М.: Б.и., 1994. – 195 с.
9. Пивоев В.М. Миф в системе культуры. – Петрозаводск, 1991. – 216 с.
10. Эко У. Под Сетью (интервью с Л. Маршаллом) // Искусство кино. – М., 1997. – № 9. URL: https://bookscafe.net/read/li_marshall-pod_setyu_intervyu_s_umberto_eko-45487.html#p1 (дата обращения: 16.04.2023)
11. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. А. Чечиной. – М.: АСТ, 2019. – 495 с.
12. Brenner D.L. Telecommunications and World Information Revolution / D.L. Brenner. – N.Y., 2006. – 91 p.
13. Biihl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 562 p.
14. Biihl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 397 p.

Sedov V.V.

THE CONCEPT OF THE “NEW LOST GENERATION” AS A PHILOSOPHICAL IDEA OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg). E-mail: wladislawsedow@gmail.com

Abstract: *the purpose of the article is to identify and clarify the current situation of society and young people in it, which is under the influence of*

digitalization and is steadily moving towards increasing digitalization. The article deals with the issues of thinking and perception of the culture of the “new world” by society, and the corresponding changes, how society copes with new challenges and what this can lead to. The relevance of the study lies in the increasingly growing popularity and usefulness, as well as the danger of digital tools and digital thinking, which can lead to irreversible consequences in the very near future.

Key words: *digitalization, digital tools, society, communications, philosophy, virtual society.*

REFERENCES

1. *Bodriyar Zh.* Simvolicheskiy obmen ili smert' / Per. s fr. S. H. Zenkina. – M.: Dobrosvet, 2000. – 387 p.
2. *Gudkov L.M.* «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. – 2012. – №2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1> (data obrashcheniya: 15.04.2023).
3. *Dzyaloshinskiy I.M.* Filosofiya tsifrovoy tsivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsii. / Pod red. Lobodenko, L.K. – Izdatel'stvo Yuzhno-ural'skogo universiteta, Chelyabinsk. 2020. – 553 p.
4. *Dmitrieva V.A., Svyatets, Yu.A.* Rekonstruktsiya proshlogo v poznavatel'nom prostranstve «virtual'nykh real'nostei» Step by step // Krug idei: modeli i tekhnologii istoricheskoi informatiki: Trudy III konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». – M.: Izd-vo Mosk. gor. ob-niya arkh., 1996. – 342 p.
5. *Emelin V.A.* Kiberkul'tura i setevoye libertarianstvo // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2018. – №3(31). – Pp. 3-11
6. *Maklyuen M.* Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva; Zakl. st. M. Vavilova. –M.; – Zhukovskii: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole». 2003. – 464 p.
7. *Nenasilie: filosofiya, etika, politika* / Pod red. Guseinova, A.A. –M.: Nauka. 1993. – 188 p.
8. *Nosov N.* Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti / Ros. AN, In-t cheloveka, Lab. virtualistiki. –M.: B.i., 1994. – 195 p.
9. *Pivoev V.M.* Mif v sisteme kul'tury. – Petrozavodsk. 1991. – 216 p.
10. *Eko U.* Pod Set'yu (interv'y u L. Marshallom) // Iskusstvo kino. – M., 1997. – № 9. URL: https://bookscfe.net/read/li_marshall-pod_setyu_intervyu_s_umberto_eko-45487.html#p1 (data obrashcheniya: 16.04.2023)
11. *Yung K.G.* Arkhetipy i kollektivnoye bessoznatel'noye / Per. A. Chechinoi. – M.: AST, 2019. – 495 p.
12. *Brenner D.L.* Telecommunications and World Information Revolution / D.L. Brenner. – N.Y., 2006. – 91 p.
13. *Bihl A.* Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 562 p.
14. *Bihl A.* Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 397 p.

Поступила в редакцию – 26.04.2023 г.

1.4. Философия культуры и образования

УДК 140.8

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_136_148

К.С. Кудинова

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО В РОМАНЕ «ВОЙНА И МИР»

***Аннотация:** философско-исторические вопросы ставятся мыслителями на протяжении многих веков. Данная тема актуальна и по сей день. Некоторые философы предлагали свои ответы на вопросы, которые поднимаются философией истории: что такое история, есть ли у неё законы и конечная цель, что является «двигателем» истории. Л.Н. Толстой также разработал собственную философско-историческую концепцию. Он изложил её в формате романа, который на данный момент уже известен каждому человеку в России и даже за рубежом: он включен в школьную программу, считается важной частью художественной классической литературы, является ключевым элементом русского литературного наследия. Речь идет о романе «Война и мир».*

В данной статье будет рассмотрено то, как великий писатель и мыслитель представил свою концепцию философии истории в художественном облици, а именно, в формате романа-эпопеи о жизни русского общества во времена наполеоновских войн. Более того, в этой статье будет приведена попытка объяснить, что сподвигло мыслителя к написанию данного произведения, постановке такой глубокой, сложной и важной проблемы, как проблема войны, приводящей к уничтожению всех проявлений жизни, полному опустошению, разорению и отчаянию.

Кудинова Кира Сергеевна – студентка 2 курса бакалавриата РУДН (Москва). E-mail: kudinova_kira@bk.ru

Ключевые слова: философия истории, Л.Н. Толстой, «Война и мир», художественная литература, история.

Предисловие. Хотя представление об истории в своём первоначальном виде появилось ещё в Древней Греции, и первым историком мы считаем Геродота, термин «философия истории» появился намного позже. Его ввёл французский философ Вольтер, подразумевая под ним критическое отношение к истории, основанное на анализе и оценке многочисленных фактов, непосредственных данных и мнений о событиях прошлого. Но вопрос о существовании общих законов исторического развития был поставлен ещё позже немецким философом Гердером в работе «Идеи к философии истории человечества».

Вопросы, которыми занимается философия истории, волновали мыслителей на протяжении многих веков. А.Ф. Лосев смог доказать, что древние греки в своём понимании исторического процесса ориентировались на наблюдения круговоротов в природных явлениях – смены времени суток, времён года. Соответственно этому формировалось и их представление об историзме. «Античное понимание историзма будет складываться по типу вечного круговращения небесного свода, т.е. будет тяготеть к тому типу историзма, который мы выше назвали природным историзмом. Здесь именно природа будет моделью для истории, а не история – моделью для природы» – писал А.Ф. Лосев [4, 15-16].

Против греко-римских теорий цикличности развития истории резко выступили отцы христианской церкви. Они предложили идею провидения Богом хода и исхода истории, а также представление о линейном развитии истории, осуществляемом промыслом божьим. Признавая, что ход истории зависит от воли людей, они утверждали, что она предопределена Богом. Именно божественная воля в конечном итоге управляет поступками людей, и тем самым придает их деятельности единство и высший, божественный смысл.

Аврелий Августин выразил критику циклической теории развития истории в «О граде Божьем»: «Что же удивительного, если они, блуждая в этих круговращениях, не находят ни входа, ни выхода? Они не знают, ни откуда начались, ни чем покон-

чится род человеческий и ваша смертность, потому что не могут постигнуть высоты Божьей» [1, 505].

Позже взгляды философов и ученых на проблематику философии истории поменяли успехи в науке, достигнутые в XVII-XVIII вв. Эти взгляды строились на том, что, если есть наука, которая способна с помощью общих законов объяснить и успешно предсказать природные явления, то почему нельзя найти подобные закономерности в исторической науке? Эта мысль нашла многих приверженцев среди французских философов. Особенно настойчиво эту программу пропагандировал Н. Кондорсе в «Эскизе об исторической картине прогресса человеческой — мысли», где он утверждал, что принципы новой науки об обществе могут служить не только для объяснения хода истории, но и для предвидения основных черт будущего развития. Оптимистические прогнозы о создании социальных наук, опирающихся на понимание законов человеческой природы и взаимодействия людей в обществе, подвергались критике.

В России же проблематика философии истории была затронута во второй половине XIX в. русскими религиозными философами (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и др). Л.Н. Толстой, выразив свою концепцию философии истории в романе «Война и мир», очень органично и вовремя вписался в актуальную проблематику философской мысли того времени.

Зарождение концепции философии истории. Л.Н. Толстой, как многим известно, был очень непростым человеком. Он обладал сложным характером, необычными, расходящимися с большинством, взглядами, страдал от различных психологических недугов или неблагоприятных умонастроений. В подтверждение данного тезиса представляю цитату жены Л.Н. Толстого, С.А. Толстой: «Сорок восемь лет прожила я со Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек» [6, 58]. Она произнесла эти слова спустя десять лет после смерти мужа во время разговора с его биографом Полнером.

Лев Николаевич задавался различными экзистенциальными вопросами: особенно сильно его волновала проблема смерти и смысла жизни. Причем его ответы не отличались оптимизмом. Многие его исследователи утверждают, что писатель был крайне непостоянен в своих взглядах. Так, например, Б.В. Яковенко

говорил о Толстом следующее: «Реконструировать философское учение Льва Толстого ещё труднее, чем учение Михайловского: настолько его высказывания не систематичны, фрагментарны и разбросаны. К тому же вряд ли кто из известных мыслителей мыслил столь противоречиво, меняя столь быстро свои точки зрения, часто сам того не замечая, как Толстой» [9, 316].

Предыдущий тезис, подтверждение которому будет приведено далее, обусловлен тем, что Лев Николаевич пережил несколько кризисов, разделивших его жизнь на определённые периоды. В зависимости от смены периода многое менялось и во взглядах мыслителя, в т.ч. он менял своих учителей в философском мире, не говоря уже об отношении ко многим другим вещам, а особенно в отношении религии. По словам Гессена, «Толстой по-своему повторил тот путь, который был пройден философией от Руссо через Канта до Шопенгауэра» [2, 36].

Главным из тех жизненных кризисов, что были пережиты Толстым, является тот, где изменились его взгляды, касаемые веры и религии. В романе «Война и мир» мы можем лишь разглядеть некоторые фрагменты, сигнализирующие о будущем переломе.

Как уже упоминалось выше, Льва Николаевича очень волновали вопросы на тему жизни и смерти. Именно так, по утверждению М.М. Рубинштейна, он пришел к написанию одного из своих главных трудов — романа «Война и мир». «При зачатках того настроения, которое в будущем должно было развиться в полный религиозный и моральный перелом, Толстой был охвачен ужасом перед массовыми убийствами, разорением, пожаром и т.д., сопровождавшими историческую эпоху наполеоновских войн. Л.Н., как он сам пишет в «Исповеди», не только участвовал в войне, он и убивал, и тем не менее перед ним не вставал этот вопрос во всей его моральной величине» [5, 179].

Теперь же Лев Николаевич поставил вопрос, который привел его к разработке собственной философско-исторической концепции. Он пишет: «Какая власть заставила миллионы людей, христиан, исповедующих закон любви ближнего, убивать друг друга? Что такое всё это значит? Отчего произошло это? Что заставляло этих людей сжигать дома и убивать себе подобных? Какая сила заставила людей поступать таким образом?» [8, 417].

Здесь же следует заметить, что Лев Николаевич, не будучи сам верующим человеком, относился к религии ответственно, а верующих людей считал счастливыми, сам предполагал, что они имеют очень серьезное отношение к собственной вере, поэтому уточнение о том, что убивающие друг друга люди были христианами, очень важно. Следовательно, данная антиномия в действительности заставила Льва Николаевича обратиться к изучению этих причин в отношении к другим историческим событиям.

Так, последовательно, шаг за шагом, Л.Н. Толстой пришёл к постановке вопроса о смысле и цели истории, и всех вытекающих из него вопросов. Ответы на них он попытался дать в совершенно неожиданном формате – в виде художественного романа. М.М. Рубинштейн утверждает, что такой жанр обыкновенно не пригоден ни для постановки, ни для разрешения теоретических проблем. Однако у Толстого был пример романов с философским замыслом. «Эмиль» Жан-Жака Руссо стал ключевой вещью для Льва Толстого. По словам самого писателя, сказанным уже в семидесятилетнем возрасте, с пятнадцатилетнего возраста Руссо был его учителем: «Руссо и Евангелие, вот два великих и благодетельных влияния, которые я испытал в жизни» [8, 13].

Особенности концепции Л.Н. Толстого. В романе «Война и мир» Л.Н. Толстой представляет читателю собственную философию истории, отчётливо выступающую сквозь «толщу» художественности.

Как известно, Толстой в то время имел негативные представления по поводу науки, так как она не могла предоставить ответы на волнующие его вопросы. Степун, анализируя личность и творчество писателя, говорит о нём следующее: «Рассказывая в “Исповеди” о своих упорных, мучительных исканиях ответа в науке, он сообщает, что пришел к мнению Экклизиаста, что умножение познания лишь умножает скорбь, и что прав Соломон: все в мире – и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе – все суета сует. Человек умрёт и ничего не останется. То же самое, отмечает Толстой, утверждал и Будда: “Жить с сознанием неизбежности страдания, старости и смерти нельзя, надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жить”. Не найдя разрешения своим вопросам в книгах, Толстой

стал искать их в людях. Живут же они, — думалось ему, — значит, знают и смысл жизни. Сначала он обратился к людям своего круга и быстро установил, что их жизнь лишена всякого смысла» [6, 62].

Тем не менее, несмотря на негативное отношение писателя к научному знанию, мы сможем рассмотреть в романе цельную, достаточно продуманную и развитую теорию. Доказательствами этому могут послужить отдельные главы теоретического характера, которые встроены в произведение в виде введений к отдельным частям произведения. В романе мы можем рассмотреть тщательную работу философской мысли автора; дело лишь в отсутствии научного аппарата, от которого писатель отрёкся и выбрал художественный стиль повествования для изложения своей теории.

Если западные философы обладали собственным, уже выработанным для написания трактатов, языком, то у русских философов такого языка ещё не было, и авторы русских философских романов, Толстой и Достоевский, как бы изобретают заново свой язык рассуждения и размышления изнутри художественного опыта. Они отвечали на вечные вопросы философского мышления, но отвечали не по уже спроектированным в западной философии понятийным схемам, а творя новый язык. Как замечает М.М. Рубинштейн, «в основе романа — определённый взгляд на историю, и всё произведение без труда можно рассматривать как блестящую художественную иллюстрацию этого взгляда» [5, 177].

Последствием данной завуалированности теории Л.Н. Толстого является то, что исследователь, изучающий произведение, вынужден «впиваться» в сюжет, читая между строк и рассматривая в художественных образах единую мысль автора, которая протягивается через всё повествование. Также важно отметить и то, что общие вопросы, которыми задаётся Лев Николаевич в контексте философии истории распределены здесь по отдельным главам. Необходимо оговориться и о том, что писатель не ставит перед собой цели понять и осмыслить историю как науку, он стремится понять её как действительность.

Ответы на вопросы философии истории. Итак, о каких вопросах идет речь? Во-первых, Толстой задаётся вопросом о движу-

шей силе истории. Здесь он подвергает критике взгляды о том, что движущей силой истории является власть. Такие взгляды были популярны в его время. Здесь субъектом власти выступает Наполеон, чьи представления о себе как «двигателе истории» или как о «великом человеке» высмеиваются: Толстой представляет Наполеона в роли мальчика, который играет в кучера — он дёргает за поводья неподвижной повозки, имея убеждение о том, что он управляет ею. Ни один человек, какой бы властью он ни обладал, не может являться двигателем истории, так как история в представлении Л.Н. Толстого разворачивается в веках, а человеческая жизнь — лишь маленький отрезок, момент, по сравнению с масштабами истории. «Ничто не причина. — замечает он, — Всё это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие...» [7, 20].

Но что же тогда приводит в движение эту самую повозку? Толстой утверждает, что «великие люди», стоящие у власти есть лишь своеобразные марионетки в руках той таинственной силы, что управляет миром и, соответственно, движет историей. Для писателя таинственной силой представляется Божественная воля, которая при помощи Провидения осуществляет необходимое.

Уже было сказано о Наполеоне как о марионетке, с помощью которой вершит свой план Божественная воля. Но о Наполеоне было упомянуто не только как о конкретной личности и «великом человеке», каковым он себя видит, но и как о фигуре, в которой концентрировалась власть. О власти Толстой говорит как о феномене, содержание которого нам неизвестно. По какой-то причине люди действуют в соответствии с чужими убеждениями. Если нам неизвестна суть власти, тогда как же мы можем объяснять ею движение исторического процесса?

Из общего вопроса о движущей силе истории и возникают следующие производные вопросы: о роли личности в истории, о свободе воли и, самое главное, о природе этой таинственной силы, управляющей ходом истории, — благая она или нет, и необходимы ли те страшные события, через которые проходит человечество? Л.Н. Толстой приходит и к фундаментальному вопросу о том, для чего Бог или Божественная воля проводит людей через все горести человеческой жизни — война, голод, страх, смерть — и можно ли обойтись без этого?

Совокупность вопросов и ответов в «Войне и мире» позволяет нам понять взгляды на историю русского писателя. При этом необходимо напомнить о том, что он рассматривает историю не как науку, а как действительность. В этом заключается разница между историками и философами, выступающими в роли исследователей, и Л.Н. Толстым, в котором сошлись философ и художник. Он не рассматривает философию истории с методологической и теоретико-познавательной точек зрения.

Следующей проблемой, которой интересуется Толстой, является закономерность законов истории. Для того, чтобы выявить какие-либо законы, необходимо обратиться к причинам тех или иных событий. Но уже на этом шаге возникает проблема – историческая действительность нигде не даёт отдельных причин, мы повсюду сталкиваемся с непрерывными и бесконечными причинными рядами. Для того, чтобы смочь выявить некоторые закономерности, мы «вырываем» часть из ряда причин и выдаем её за некоторый закон. М.М. Рубинштейн объясняет позицию Л.Н. Толстого следующим образом: «Человеку становятся понятны законы какого-либо движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения» [5, 181]. Единственным устраивающим нас ответом можно считать ссылку на первопричину – причину всех причин. В этой связи Лев Николаевич последовательно заключает: «Причин исторического события нет и не может быть, кроме единственной причины всех причин» [7, 285].

Теперь посмотрим на роль личности в истории в концепции Л.Н. Толстого. Он совершенно принижает её значение. Это был тот самый период жизни писателя, когда он, вслед за Руссо, отрицал культуру, но поскольку, по меткому выражению Наторпа, личность есть нулевая точка культуры, личность стала предметом отрицания для самого Толстого.

Толстой видит значение человека в историческом процессе лишь в ситуациях, в которых люди действуют бессознательно. Русский писатель словно измеряет значение человека в его полезности для осуществления неизвестной нам общечеловеческой цели. Он объясняет это тем, что тот, кто совершает какие-либо действия бессознательно, не обдумывая своих поступков, не задумываясь о личном благе и выгоде, составляет больше

пользы для всеобщего дела. А Толстой в то время очень ценил всеобщность, и это проявляется в его романе. Здесь в качестве иллюстрации можно привести общую жизнь, в которой пребывает Платон Каратаев и раствориться в которой мечтает Пьер Безухов. Примером полезности лишь бессознательной деятельности могут послужить поступки героев романа, которые совершенно противоположны друг другу. Так, Андрей Болконский в диалоге с Пьером Безуховым о войне говорит, что не знает, для чего он идет на войну: «Для чего? Я не знаю. Так надо. Кроме того, я иду» ...Он остановился. «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне»» [7, 32].

Рассмотрим поступок капитана Тушина. Эта пьяная маленькая фигура неожиданно не только для кого-либо, но и для себя самого, заслоняет собой призванных героев. Он, не подозревая о своей роли и нисколько не догадываясь о своей значимости, становится в данной ситуации решающей силой. При этом важно показать, что Тушин действительно не понимал своего значения. Доказательством этому служит то, что когда Багратион после окончания дела спрашивает его, каким образом он потерял две из своих пушек, он испуганно молчит, в сознании своей мнимой вины. «Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всё ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия» [7, 153].

Толстой исключает возможность полезной сознательной деятельности для достижения общечеловеческой цели, утверждая следующее: «В исторических событиях очевиднее всего запершение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения» [7, 254]. Здесь мы можем отметить, что для Толстого исторические события – стихийны.

Теперь же мы можем перейти к рассмотрению вопроса о смысле и цели истории в концепции русского писателя. Только из того, что человеческая деятельность может быть полезной только в том случае, если она бессознательна, и таким образом может поспособствовать достижению таинственной общечеловеческой цели, о которой нам неизвестно, становится ясно, что у истории есть и цель, и смысл. Они сводятся к достижению

неизвестной человечеству цели. Но если эта цель носит не человеческий характер, то наверняка божественный. Здесь проглядывается назревающий религиозно-философский мотив в философии Толстого. Рубинштейн, говоря об этом, делает интересное предположение о том, что если бы эти цели были познаваемы, то это стало бы уже религиозным учением. И здесь же проявляются отголоски планов молодого Льва Николаевича: основать новую религию, соответствующую развитию человечества.

Рубинштейн делает замечание о том, что Толстой близок в своей философско-исторической концепции к философии истории Гегеля. Сходство заключается в том, что они оба совершенно обесценили роль личности в истории: у Толстого индивид бессознательно служит истории, а у Гегеля индивиды приносят свою «дань» объективному духу, прислуживая ему помимо своей воли. В обоих случаях история случается по необходимости.

Таким образом, в обеих концепциях существуют и смысл, и цель истории. Разница лишь в том, что Гегель смог назвать их, а Толстой, который уже отошел от позитивистских взглядов того времени и приближался к религии, изъясил их из области допустимого человеческому пониманию, признав их божественность. Ещё одно сходство двух мыслителей заключается в том, что они оба отошли от своих же идей. Дело в том, что Гегелю пришлось признать возможность существования таких индивидов, которые знают, что требуется и необходимо совершить. Получается, что они способны видеть будущее. Толстой также наделяет одного из персонажей даром к Провидению. Этим человеком в его романе является главнокомандующий Кутузов, и он один, по мнению Льва Николаевича, понимал сущность дела. Только в этом случае мы можем говорить о некоторой полезной сознательной деятельности людей.

Из этого мы можем сделать вывод о том, что личность у Толстого в конечном счете возвышается. Можно сказать и о том, что уже после «Войны и мира» Толстой скажет, что личность — носитель Божественной искры, так как индивид является обладателем разума, а разум — мощь, способная победить весь мир. Получается, что Л.Н. Толстой приходит к сообразности стихийности исторических событий и разумной деятельности отдель-

ных людей. В противном случае не разрешается вопрос о свободе воли. Толстой одаривает человека свободой воли, а соответственно, ответственностью, говоря, что за каждое событие каждый индивид, его участник, несёт ответственность.

Выходит, что в контексте «Войны и мира» мы должны называть каждого солдата страшным преступником, так как он убивал себе подобных, сжигал чужие дома и совершал ужасные вещи именно по собственной воле. Но здесь вмешивается Толстой-художник и не соглашается с идеей Толстого-философа, надеясь каждого человека чувствами, живостью и динамикой. Степун говорит о таланте Толстого следующее: «Все его герои и героини ощущаются не как двумерные портреты, написанные кистью, а скорее как вылепленные из материала собственной жизни трёхмерные образы. Создать такое обилие непохожих друг на друга людей мог, конечно, только человек громадного внутреннего и притом противоречивого богатства» [6, 58].

Обратив внимание на сцены романа, можно понять, что люди намного простодушнее, чем представляется философу, и не рассматривают ситуацию в каждый момент жизни с глобальной точки зрения. Достаточно вспомнить сцену, в которой Рамбаль и Пьер Безухов встречаются в одном доме впервые в жизни и ведут душевную беседу в Москве, сердце России, занятой французами. Так, Толстой-художник придаёт сухой теории Толстого-философа больше живости, не давая забывать о том, что описываемое им положение дел должно иметь место в действительности, а следовательно, должно от неё отталкиваться и быть к ней приурочено.

Особенности рассмотрения философских работ Л.Н. Толстого. На этом этапе анализа мы уже можем понять, что Л.Н. Толстой действительно являлся противоречивым мыслителем. Если проследить его биографию, то можно увидеть, что это обосновано событиями, которые происходили в его жизни, а также мыслителями, на взгляды которых он опирался. Так, например, по мнению Гессена, его жизнь прошла под особым влиянием трех разных философов: Руссо, Шопенгауэра и Паскаля. В зависимости от того, какой период переживал Толстой, его взгляды поддавались изменениям; Толстой и сам никогда не был удовлетворен своими решениями. «Искать, всегда искать» [6, 86], – эти

последние слова на его смертном одре полнее всего выразили характер писателя не только как мыслителя, но и как человека.

Поэтому при рассмотрении философии Л.Н. Толстого нам необходимо помнить о тех событиях, которые происходили в его личной жизни. При рассмотрении его творчества необходимо быть хорошо знакомым с его биографией, иначе может показаться, что он непоследователен и противоречит самому себе. Мы считаем, что труды Льва Николаевича необходимо рассматривать с точки зрения историцизма. В. Дильтей говорил, что «Историцизм ориентирован на относительность всех явлений без какого-либо исключения, ибо историческое познание не может выйти за пределы жизни» [3, 28].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврелий Августин*. О граде Божьем. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2009. – 505 с.
2. *Гессен С.И.* Leone Tolstoj. URL:http://dugward.ru/library/gessen_s_i/gessen_lev.html (дата обращения: 14.03.2023 г.).
3. *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений. В 6 т. – М.: «Три квадрата», 2004. – Т. 3. – С. 17-52
4. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – СПб.: «Алетейя», 2000. – 258 с.
5. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни: труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – Т. 2 – С. 177-181.
6. *Стенун Ф.А.* Религиозная трагедия Льва Толстого. // URL: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/4 (дата обращения: 14.03.2022 г.).
7. *Толстой Л.Н.* Война и мир. – М.: Издательство «АСТ», 2019. – Т. 2-3. – С. 20-417.
8. *Толстой Л.Н.* Избранные письма 1900-1910 гг. – М.: «Книга по Требованию», 2011. – С. 13-56.
9. *Яковенко Б.В.* История русской философии. – М.: «Республика», 2003. – 316 с.

Kudinova K.S.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL CONCEPT IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE»

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow). E-mail: kudinova_kira@bk.ru

Abstract: *all the times philosophers have asked questions about philosophy of history science problems: what is the history science? This topic is relevant to this day. Some philosophers offered their answers to the*

questions raised by the philosophy of history: what is history, does it have laws and an ultimate goal, what is the “engine” of history. L.N. Tolstoy also developed his own philosophical and historical concept. He presented it in the format of a novel, which is already known to everyone in Russia and even abroad: it is included in the school curriculum, is considered an important part of classical fiction, is a key element of the Russian literary heritage. We are talking about the novel “War and Peace”. This article will examine how the great writer and thinker presented his concept of the philosophy of history in an artistic guise, namely, in the format of an epic novel about the life of Russian society during the Napoleonic Wars. Moreover, this article will attempt to explain what prompted the thinker to write this work, to pose such a deep, complex and important problem as the problem of war, leading to the destruction of all manifestations of life, complete devastation, ruin and despair.

Keywords: *philosophy of history, L.N. Tolstoy, “War and Peace”, literature, history.*

REFERENCES

1. *Avrelii Avgustin*. O grade Bozh'em. – M.: «Direktmedia Publishing», 2009. – 505 p.
2. *Gessen S.I.* Leone Tolstoj. URL:http://dugward.ru/library/gessen_s_i/gessen_lev.html (data obrashcheniya: 14.03.2023 g.).
3. *Dil'tei V.* Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe // *Sobranie sochinenii v 6 tomakh*. – M.: «Tri kvadrata», 2004. – T. 3. – Pp. 17-52
4. *Losev A.F.* Antichnaya filosofiya istorii. – SPb.: «Aleteiya», 2000. – 258 s.
5. *Rubinshtein M.M.* O smysle zhizni: trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu. – M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2008. – T.2 – Pp. 177-181.
6. *Stepun F.A.* Religioznaya tragediya L'va Tolstogo. // URL: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/4 (data obrashcheniya: 14.03.2022).
7. *Tolstoj L.N.* Voina i mir. – M.: Izdatel'stvo «AST», 2019. – T. 2-3. – Pp. 20-417.
8. *Tolstoj L.N.* Izbrannye pis'ma 1900-1910 gg. – M.: «Kniga po Trebovaniyu», 2011. – Pp. 13-56.
9. *Yakovenko B.V.* Istoriya russkoi filosofii. – M.: «Respublika», 2003. – 316 s.

Статья поступила в редакцию – 22.03.2023 г.

О.В. Малюкова, Л.Ф. Матронева

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

***Аннотация:** в статье рассматривается влияние процессов цифровизации на трансформацию современного образования в России. Авторы исходят из того, что переход к цифровой цивилизации становится неизбежным и означает глобальный мегасдвиг всех сторон жизнедеятельности человека и человечества. Одним из проявлений этого мегасдвига является цифровая образовательная реальность как новая онтологическая модель, удовлетворяющая требованиям обязательности, доступности и всеобщности образования. Подчёркивается тот факт, что традиционные подходы к образованию вступают в противоречие с вызовами информационного общества, которые требуют новых образовательных практик. Раскрываются актуальные проблемы образования, решение которых напрямую связано с формированием цифровой образовательной парадигмы. Выявлены антропологические риски, обусловленные цифровизацией образования и подчёркнута необходимость разработки правовых и этических механизмов, направленных на их регулирование.*

***Ключевые слова:** цифровизация, образование, цифровые технологии, компетентностный подход, дистантное обучение, антропологические риски.*

***Введение.** Современные инновационные технологии стремительно захватывают мир, стирая различие между естественным*

Малюкова Ольга Владимировна – доктор философских наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; ассоциированный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: o.maliukova@list.ru
Матронева Лилия Федоровна – кандидат философских наук, доцент Российского государственного социального университета (Москва). E-mail: lmatronina@mail.ru

и искусственным, константным и виртуальными, формируя новую цифровую реальность. Цифровизацией принято называть ряд явлений и процессов, связанных с переходом общественных отношений из вещественно-человеческой формы в электронную. Среди перспективных направлений цифровых технологий следует выделить: глубокое обучение, свёрточные нейросети, компьютерное зрение, обучение с подкреплением, обработка естественного языка, беспилотные автомобили, рекуррентные нейросети, трансферное обучение, генеративные состязательные сети, блокчейн и др. [6]. Повсеместное переход к цифровому формату становится неизбежным и означает глобальный цивилизационный мегасдвиг, бросая вызов человечеству, перспективам его существования.

В своем выступлении на круглом столе «Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации» академик РАН Лекторский В.А. справедливо подчеркивает: «Мы живём в технологизирующемся мире. Современный этап этого процесса – цифровизация, проникающая во все области жизни... Сегодня мы вступили в мир разнообразных технологических проектов перделки природы, общества и самого человека. Развивается идея о превращении естественных процессов в искусственные, о создании таких неорганических и биологических формообразований, которые невозможны в самой природе, об управлении процессами эволюции, о вмешательстве в телесные и психические процессы человека, об “улучшении человека”, о создании “пост-человеческого” существа, о “цифровом бессмертии”, о возможности и желательности управления социальными процессами посредством цифровых технологий» [1, 10].

Искусственный интеллект и роботизация, интернет-вещи (IoT) и 3D-печать, виртуальная и дополненная реальность, био- и нейротехнологии – все эти технологии уже находят практическое применение в экономике («экономика по требованию»), бизнесе, здравоохранении, образовании, сфере культуры, социальных и государственных услуг.

Проблемы и перспективы цифровизации актуальны и для России. «За последний год в этой сфере произошли значительные изменения: во всех федеральных органах исполнительной власти назначены руководители по цифровой трансформации

(*Chief Digital Transformation Officer*), аналогичные назначения происходят в регионах. Стартовала серия проектов по использованию искусственного интеллекта в деятельности ряда федеральных органов исполнительной власти. Перед ними поставлена задача повысить качество и эффективность оказания госуслуг, снизить издержки государственного управления. Её реализация связана, в первую очередь, с переводом госуслуг “в цифру”, это касается также осуществления контрольно-надзорной деятельности и государственных функций», — отмечают участники круглого стола, организованного Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации и Клубом ИТ-директоров 4СЮ [8].

Одной из областей глобальной цифровой технологизации становится образование.

Цифровизация образования: *pro et contra*. В условиях динамично развивающегося мира возрастает ценность образования. Существенная перестройка традиционной (классической) системы образования в целом и её структуры обусловлена прежде всего тем, что уже сегодня образование более не является привилегией какой-либо социальной группы или фактом принадлежности к какой-либо возрастной категории; оно сопровождает индивида на протяжении всей его жизни. Основу современного образования составляют два основных принципа — «образование для всех» и «образование на протяжении жизни» (*lifelong learning*). Способствует ли цифровизация образования решению эти установок?

Прежде всего отметим, что цифровизация образования влечёт за собой ряд проблем, которые можно разделить на две большие группы: образовательные проблемы в постоянно меняющемся мире и конкретные образовательные установки, связанные с формированием компетентностного подхода и/или образованием в цифровой форме.

Образовательные проблемы в постоянно меняющемся мире представлены различными социальными ожиданиями. Мы пытаемся подготовить себя и своих детей к миру масштабных изменений и фундаментальных неопределенностей. Мы пытаемся дать подрастающему поколению навыки и умения, которые ему понадобятся, чтобы найти работу, понимать мироустройство и ориентироваться в нем. Но при этом человечество слабо пред-

ставляет себе, как будет выглядеть мир через 30-50-100 лет. Предсказание будущего никогда не было простым делом, но сегодня оно стало практически невозможным. Будущее престижных профессий, функционирования государства, продолжительности жизни зависит от революционно меняющегося настоящего с его био- и нейротехнологиями, информатизацией и цифровизацией. Поэтому многое из того, чему мы сегодня учимся и чему обучаем детей, через некоторое время может стать неактуальным.

Несмотря на это, современная школа, как средняя, так и высшая, продолжает уделять слишком много внимания информированию учащихся и созданию навыков запоминания этой информации. Не учитывается тот факт, что ситуация коренным образом изменилась: мы живем в мире с переизбытком информации, «тонем» в потоке разнообразной информации.

Обучающимся от преподавателя информация практически стала не нужна. В современных реалиях они имеют возможность самостоятельно найти необходимую информацию в сети Интернет. Как следствие, это приводит к снижению как заинтересованности в обучении, так и снижению когнитивных способностей. Гораздо в большей степени современные ученики и студенты нуждаются в умении анализировать информацию, отличать существенное от несущественного и, главное, уметь соединять разрозненные знания в целостную картину. Но такое умение не возникает автоматически. На протяжении всего существования образовательных систем считалось, что некоторое количество информации само породит у человека некую общую идею или картину мира. На самом деле это не так, индуктивный метод дает только частные обобщения, а большое количество информации само по себе не способно к функции обобщения. «Клиповое» мышление современного человека – отличное тому доказательство.

Но современная школа по-прежнему является чисто информативной и по-прежнему предлагает учащимся думать самостоятельно над обобщением информации. У нынешнего поколения молодых людей отсутствует целостный взгляд на мир и такое отсутствие позиционируется как новая ценность [2]. Список профессий, ставших ненужными, постоянно обновляется, а ведь в свое время люди потратили немало времени для того, чтобы

научиться решать уравнения, или печатать на машинке, или управлять комбайном и т.д. Одной из глобальных проблем цифрового мира, по мнению некоторых исследователей, станет появление класса так называемых «беспольных» людей, т.е. таких, которые будут вытеснены с рынка труда [7].

Действительно, для того чтобы быть успешным в современном мире необходимо оперативно обновлять имеющиеся знания и виды деятельности. Специалист на рынке труда вынужден постоянно менять профиль деятельности: жёсткая конкуренция требует быстрых, оригинальных решений. Острая потребность в инновационных инициативах увеличивает значимость чуткого реагирования на запросы сегодняшнего дня.

В современном обществе достаточно сложно определить, какие знания, профессиональные науки и умения понадобятся специалисту для решения той или иной нестандартной проблемы. Постоянная смена деятельности порождает усталость, депрессию, которую пытаются снять уходом в новые виды активности. Подобного рода гиперактивность приводит к серьёзным последствиям, вплоть до психических заболеваний. Бытие в мире, где фундаментальная неопределённость станет ведущей характеристикой, окажется вызовом для психологического равновесия личности. Так, Т.В. Черниговская, известный специалист в области нейронауки и психолингвистики, полагает что цифровая реальность порождает «новый вид» человека — «Номо Confusus» или «человека в растерянности» [9].

Современной школе нужна новая образовательную парадигма — «научить учиться»: обучение навыкам критического мышления, коммуникации, сотрудничеству и творчеству, для того чтобы человек умел постоянно обновлять самого себя. Эта задача не является тривиальной, ибо человек — биосоциальное существо, но во многом именно «био-»; он рождается, взрослеет и умирает. Освоение ряда навыков и умений чётко привязано к определённому возрасту — начать спортивную карьеру или карьеру музыканта можно только в детстве. Автоматическое освоение иностранного языка прекращается в возрасте примерно восьми лет. Нельзя стать учителем, не прослушав курс детской психологии, нельзя работать врачом при наличии длительного перерыва, нельзя перейти в гражданскую авиацию из авиации военной и т.д.

Человеку потребуется гибкость мышления и психологическая прочность для выживания в нестабильном мире. Ему придется постоянно отказываться от того, что он знает и умеет, и осваивать новые знания и умения. В этих условиях может резко упасть (и уже падает) статус любого взрослого, преподавателя, в частности. Современный студент не может с уверенностью определить, что он получает от преподавателя или высшей школы в целом — вечные истины, устаревшие идеи, профессию или диплом об образовании. На фоне традиционных сетований учащихся и студентов на сложности обучения и постоянно увеличивающиеся объемы информации, которые необходимо усвоить, преподавательскому сообществу следует серьёзно подумать о своём месте в изменяющемся мире, о новых формах и методах преподавательской деятельности, о новых оценках её эффективности. Одна из задач современного образования заключается в том, чтобы, развивая логическое мышление и выявляя естественные склонности ума обучаемого, стимулировать его к поиску самостоятельного решения проблем. Самостоятельность — важнейшее качество человека как субъекта общественных отношений и деятельности.

Современная неклассическая образовательная парадигма представлена компетентностной моделью образования, основная цель которой формирование современного специалиста — профессионала, обладающего комплексом компетенций (от лат. *competere* — подходить, соответствовать).

В основу российского государственного образовательного стандарта третьего поколения положен именно компетентностный подход, соответствующий правительственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации». В Программе подчёркивается необходимость совершенствования системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами [8]. В этом контексте были предложены три группы компетенций: общие (универсальные), профессиональные (междисциплинарные) и специальные (необходимые для работы в конкретных условиях). В ходе реализации программы вскрылись очевидные противоречия использования компетентностного подхода. В сфере образования компетенций оказалось так много, что практически каждый работ-

ник высшей школы в той или иной степени столкнулся с многоаспектными проблемами их проецирования на реальный учебный процесс.

Компетенция включает в себя круг полномочий субъекта или института, а также круг вопросов, в которых специалист должен хорошо разбираться. Самое распространённое определение компетенции – это способность успешно выполнять определённую задачу или функцию. Компетентность (лат. *competens* – подходящий, соответствующий, способный) в этом случае характеризуется как обладание компетенцией или овладение системой знаний, позволяющей адекватно судить о содержании профессиональной или жизненной ситуации. Если у человека есть знания, необходимые для решения задачи, то он понимает, что надо делать. Если у него есть способность, необходимая для решения задачи, то он понимает, как это надо делать.

Понятия «компетентность» и «компетенция» различаются на основе информационного подхода, где действует принцип получения и применения информации и знания. Иными словами, компетентность характеризует результат процесса накопления информации, а компетенция означает ситуацию активной включённости личности в информационное пространство профессии или повседневной жизни. Компетентность и компетенции плотно вошли в число жизненно важных личностных характеристик, формируемых в образовательной среде.

Теория коммуникации рассматривает компетенцию как область успешной коммуникативной деятельности, а компетентность как личностный ресурс, обеспечивающий эффективность коммуникаций. Этот ресурс может включать в себя такие компоненты, как интеллект, общий кругозор, систему межличностных отношений, специальные профессиональные знания, а также потенциал личностного развития и роста в овладении дискуссионной и коммуникативной деятельностью.

Таким образом, компетенция есть характеристика личности, включающая её знания, умения, навыки и т.д.; а также способности, мотивации и ценности, которые в своей совокупности влияют на эффективность профессиональной деятельности и на успешное социальное бытие. Из совокупности компетенций для профессиональной деятельности ключевое значение, пожа-

луй, имеют две: нацеленность на результат и способность к саморазвитию. Именно они позволяют человеку справиться с задачей, даже если он её делает в первый раз. Возможно, он сможет выполнить её даже лучше, так как не будет ограничен опытом, приобретённым на предыдущем месте работы.

Актуальность личностной компетентности проявляется не только в профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни каждого человека. В своих ценностных ориентирах люди в целом стремятся работать в условиях инноваций: они стремятся к новому знанию, разнообразию деятельности, к принятию ответственности на себя, к поддержанию коллег, к реализации своих способностей, к проявлению инициативы. Но не всегда люди хотят прислушиваться к мнению окружающих, анализировать свои недостатки, ошибки, развивать более эффективные формы своей работы, повышать качество работы; далеко не все готовы к творчеству и инновациям. При этом оказывается, что неготовность к инновациям часто порождается самой образовательной системой, которая не способствует росту предприимчивости, уверенности в себе, способности принимать адекватные решения, т.е. тех качеств личности, в которых так остро нуждается современное информационное общество.

В любой осмысленной оценке компетентности значительную роль играют политические и гражданские представления и ожидания индивида, а также его личностные ценности. Важные виды компетенций могут формироваться только в связи со значимыми для личности жизненными ориентирами, поэтому в вопросе развития компетентности главным является не только школьное и университетское образование, но и гражданская позиция, и экономические интересы, и коммуникативные способности человека. В практике менеджмента и в сфере образования выявлен целый ряд компетенций, который позволяет человеку добиваться высоких результатов.

Исходя из сказанного, можно выделить основные подходы к пониманию компетентности и компетенции:

- *информационный подход*: компетентность символизирует результат процесса накопления информации, а компетенция означает ситуацию активной включённости личности в информационное пространство профессии или повседневной жизни;

- *коммуникативный подход*: компетентность – область успешной коммуникативной деятельности, а компетенция – интегративный личностный ресурс, обеспечивающий эффективность коммуникаций;

- *личный подход*: компетентность – совокупность таких характеристик личности, как её взгляды, представления, ожидания, мотивация, ценности, намерения, цели и способности, а компетенция – способность реализовать все эти свойства и качества личности в соответствии с жизненными ориентирами.

Между этими пониманиями нет противоречий, они характеризуют разные стороны данных многогранных явлений. В любом случае, в их основе лежит соответствующее мировоззрение, поэтому роль философии как мировоззренческой дисциплины при формировании общих, профессиональных и личностных компетенций существенна.

Базой для формирования компетенций является образование как в своей классической, так и в неклассической формах, например, в форме дистанционного обучения (*distance learning*). Заметим при этом, что господствующий тип коммуникаций в тот или иной исторический период определяет специфические организационные формы дистанционного обучения: корреспондентская система, образовательные телевизионные и радиосистемы, мультимедийные системы и Интернет-ориентированные системы, основанные на цифровых технологиях. Современная дистанционная образовательная модель позиционируется как вариант неклассического и прогрессивного подхода к реализации образовательных программ, к формированию компетенций и компетентности личности. Она обладает рядом преимуществ.

1. Технологичность. Обучение с использованием современных программных и технических средств делает электронное образование более эффективным, динамичным, насыщенным. Новые технологии позволяют наряду с вербальной информацией применять визуальные образы посредством медиапроектирования, достигая тем самым эффекта синергии. Современные поисковые машины аккумулируют в себе миллиарды документов, огромные базы информации, из которых создаётся обширный образовательный контент (образовательные порталы Рунета, электронные библиотеки, образовательные системы дистан-

ционного обучения вузов, школ и т.д.). Формируются виртуальные образовательные сообщества, основная цель которых – расширение и увеличение знания участников путем их вовлечения в образовательную среду: от обычного дистанционного обучения до сеансов повышения профессиональной квалификации. В этой связи представляет интерес сетевой проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ», направленный на реализацию объединения онлайн-платформ и отдельных онлайн-курсов под эгидой информационного ресурса, обеспечивающего доступ к ним по принципу «одного окна». Как считают разработчики данного проекта, ресурс «одного окна» сделает онлайн-обучение удобным, доступным и качественным [5].

2. *Доступность, открытость и индивидуализация.* Преодолеваются как пространственные, так и временные ограничения: обучение в любое время в любом месте позволяет не только оставаться обучающему в привычной для него обстановке и сохранить привычный ритм жизни, но и выработать индивидуальный график учебы. Обучающийся сам определяет темп обучения, может возвращаться по несколько раз к отдельным модулям курса или пропускать отдельные разделы и т.д. Он изучает учебный материал в процессе всего времени учебы, а не только в период сессии, что гарантирует более глубокие остаточные знания. Такая система обучения формирует и развивает навыки организации и самоорганизации у обучающегося. Интерактивные сетевые проекты предоставляют дополнительные возможности для моделирования учебно-информационной среды, в которой преобладает не просто обмен/передача информации, а складываются определённые способы коммуникативного (индивидуального или группового) взаимодействия. Роль преподавателя при этом существенно изменяется: из носителя (проводника) знаний он превращается в организатора и координатора учебно-образовательного процесса (тьютора) [3].

3. *Массовость и демократичность.* Дистанционное обучение предоставляет возможность обучаться большему количеству людей, привлекая разные возрастные группы (например, программа «Московское долголетие» предлагает людям преклонного возраста изучать иностранные языки, повышать свои навыки работы на компьютере и т.д.); повышается интерес к обучению, растет его продуктивность. Развитие образовательных технологи-

ческих платформ в мире способствовало становлению различных моделей дистанционного обучения, в том числе открытых университетов (мегауниверситетов); формируется так называемая «всемирная учебная аудитория». Существенно расширяются возможности инклюзивного обучения, что является важным элементом гуманизации образования.

Рациональные преимущества цифровых технологий образования неоспоримы, их список можно было бы продолжить. Наряду с этим, выделим основные проблемы дистанционного обучения, которые можно разделить на две группы – организационно-технологические и антропологические.

К организационно-технологическим проблемам дистанционного обучения относятся, прежде всего, недостаточно развитая система технологического обеспечения, техническая оснащённость и готовность к использованию информационных средств: обладание персональным компьютером и «выход» в Интернет. Как и в любой новой сфере деятельности, в дистанте существует проблема привлечения профессиональных специалистов, разработчиков высокой квалификации (программистов, художников, дизайнеров) для создания качественных технологических платформ, удобных для пользователя (человеко-машинного интерфейса) и мультимедийного контента. Следует обратить внимание и на финансовую составляющую: высокая стоимость создания самой системы дистанционного обучения, особенно на начальном этапе (покупка технического обеспечения, создание самих курсов дистанционного обучения).

На протяжении уже нескольких лет в образовательных учреждениях используются системы дистанционного обучения (электронные дневники и журналы, мессенджеры и электронная почта) для обмена информацией и учебными материалами. Но одной из ключевых проблем по-прежнему остается проблема аутентификации пользователя при проверке знаний. Не всегда можно установить, кто находится «за экраном», и чем он занят. Известно также, что наиболее «продвинутые» студенты и аспиранты уже успешно «обходят» систему «Антиплагиат»... Кроме того, в дистанционном обучении отсутствуют образовательные стандарты. Незрелость и несовершенство стандартов затрудняет повторное использование контента, совместимость учеб-

ных материалов. Дистанционное обучение до сих пор недостаточно интерактивно. Как правило, оно дублирует классические способы и методы обучения: содержательную основу курсов составляют лекции в виде текстовых материалов и простейших графических объектов (рисунки, фото), блоки контроля знаний в виде тестовых заданий. На первый взгляд технологические трудности кажутся преодолимыми, однако на практике именно временные трудности оказываются постоянными.

Основной проблемой на пути развития дистанционного обучения оказывается сам человек. Антропологические проблемы дистанта связаны с отсутствием непосредственного коммуникативного взаимодействия между участниками образовательного процесса. В условиях опосредованной коммуникации достаточно сложно создать атмосферу творчества и сотрудничества. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос: как сделать так, чтобы технологии не привели к утрате рефлексивного качества знания, порождающего сомнение, а риторика, по образному выражению Г. Бехманна, не довлела над герменевтикой. Для дистанционного обучения необходима жёсткая самодисциплина, его результат напрямую зависит от самостоятельности и сознательности обучаемого. Кроме того, есть ряд профессий, обучение которым не может осуществляться с помощью цифровых технологий и требует непосредственного взаимодействия преподавателя с обучаемым. Речь идет о «неявном знании» (М. Полани), которое не найти в учебниках, методических пособиях, компьютерных базах данных, оно формируется посредством личных контактов и оказывает влияние на теоретические и практические навыки обучаемого.

Цифровизация образования: антропологические риски. Цифровой мир и цифровые коммуникации несут определённые риски, связанные, прежде всего, с искусственным интеллектом и машинным обучением. Обеспокоенность будущим человека и человечества, выражают не только философы, психологи, социологи, но и видные деятели происходящих ныне технологических трансформаций.

Вот что пишет К. Шваб: «Будучи инженером, я с большим энтузиазмом встречаю новые технологии и в числе первых начинаю их использовать. Тем не менее, так же, как и многим психологам и социологам, интересно, как неумолимо интегра-

ция технологий в нашу жизнь будет воздействовать на наше представление об идентичности и приведет ли она к снижению некоторых из наиболее существенных способностей человека, таких как самоанализ, эмпатия и сострадание» [10, с. 78].

В конце 2022 г. компания OpenAI представила миру многофункциональный чат-бот ChatGPT с искусственным интеллектом (ИИ). Он умеет программировать, понимать контекст и смысл запроса, обрабатывать большие массивы текстовых данных. А 22 марта 2023 г. в Интернете появилось Открытое письмо «Pause Giant AI Experiments», подписанное сотнями ведущих экспертов по искусственному интеллекту, технических предпринимателей и ученых, в котором призывают приостановить разработку и тестирование технологий ИИ, более мощных, чем конкретная языковая модель OpenAI GPT-4, чтобы снизить опасность, которую они могут представлять. Популярный чат-бот OpenAI набирает высокие баллы во многих академических тестах и может правильно решать сложные вопросы, которые, как считается, требуют более продвинутого интеллекта, чем системы ИИ, созданные ранее (прим. 1).

Однако GPT-4 также допускает множество логических и тривиальных ошибок. И, как и его предшественники, он иногда «сходит с ума» из-за неверной информации, выдаёт укоренившиеся социальные предрассудки, и его можно спровоцировать на потенциально «вредное» высказывание. Авторы Письма, среди которых И. Маск, С. Возняк и др., полагают, что искусственный интеллект создает серьёзные риски для человечества: «Системы искусственного интеллекта с интеллектом, конкурирующим с человеком, могут представлять серьезную опасность для общества и человечества, как показали обширные исследования признанно ведущими лабораториями искусственного интеллекта. ...Поэтому мы призываем все лаборатории ИИ немедленно приостановить как минимум на 6 месяцев обучение систем ИИ более мощных, чем GPT-4. Эта пауза должна быть общедоступной и поддающейся проверке, и в ней должны участвовать все ключевые участники. Если такую паузу нельзя ввести быстро, правительства должны вмешаться и ввести мораторий...» [11].

В сложившихся условиях актуализируется необходимость поиска прикладных путей решения проблемы сверхинтенсив-

ного развития современных инновационных технологий: принятие как правовых, так и этических мер на международном и государственных (национальных) уровнях по обеспечению информационной безопасности человека, направленных на осуществление социальной и гуманитарной оценки/экспертизы научно-технологического развития.

Заключение. Проведенный анализ позволяет определить основные тенденции в сфере цифровизации образования. С одной стороны, цифровизация способствует повышению открытости, гибкости образования, росту вовлечённости современного человека в процесс обучения, развитию сетевой модели взаимодействия школ/вузов. С другой, приводит к созданию новой образовательной среды, включению в систему образования новых акторов, что изменяет конфигурацию отношений между основными её участниками и требует соответствующей адаптации.

Современные цифровые технологии ставят перед образовательным сообществом новые цели. Если образовательное сообщество не сможет ответить на вызовы эпохи, оно рискует исчезнуть. Если ответит, то сохранится в существенно преобразованном виде и не исключено, что это будет машинное обучение. Все варианты рассматриваются как возможные пути развития образовательной среды. Вместе с тем, реализуемые российским государством программы в сфере образования, как представляется, позволят выстроить качественную систему образования на всех уровнях, включая и поддержку талантливой молодежи в математике и информатике, и подготовку высококвалифицированных кадров, соответствующих новым требованиям цифровой экономики, а также программ переподготовки и повышения квалификации по наиболее востребованным профессиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропомерность как вызов и ответ современности: Коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Буданов. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. – 309 с.
2. *Малюкова О.В.* Нравственные перспективы человека в условиях цифровой революции // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования. Сб. науч. тр. Отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. – М.: МГЮА, 2019. – С. 108-116.
3. *Матренина Л.Ф.* Качество образования как условие формирования креативного этоса профессионала // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2016. – № 2 (18). – С. 26-33.

4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. No 1632-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

5. Современная цифровая образовательная среда: сайт. – URL: <http://neorusedu.ru> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

6. Топ-15 цифровых технологий по итогам 2020 года // Институт статистических исследований и экономики знаний: сайт. – URL: <https://issek.hse.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

7. Харари Ю.Н. 21 урок для 21 века. – М.: Издательство «Синдбад», 2019. – 440 с.

8. Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: сайт. – URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razviti-a-26801> (дата обращения: 10.04.2023).

9. Черниговская Т.В. «Человек растерянный – Номо Confusus и новая цифровая реальность»: трансляция лекции // Прямая речь. Лекторий: сайт. – URL: https://www.pryamaya.ru/tatyana_chernigovskaya_chelovek_rasteryannyi_omonoconfusus_i_novaya_tsifrovaya_realnost (дата обращения: 15.04.2023 г.).

10. Шваб К. Четвертая промышленная революция; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2016. – 230 с.

11. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. We call on all AI labs to immediately pause for at least 6 months the training of AI systems more powerful than GPT-4. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 15.04.2023 г.).

Примечание

1. Новости из Интернета. «Нужно было, как все, писать с ChatGPT»: Студентка одного из американских вузов рассказала, что получила 0 баллов за 6-страничное эссе по философии. По её словам, она написала его сама, не используя, как другие, чат-бот с искусственным интеллектом, а преподаватель поставил ей ноль баллов. – URL: <https://mel.fm/novosti/7295608-nuzhno-bylo-kak-vse-pisat-s-chatgpt-studentka-rasskazala-chto-poluchilo-0-ballov-za-6-stranichnoye-e> (дата обращения: 15.04.2023).

Malyukova Olga V., Matronina Liliya F.

DIGITALIZATION AS A CHALLENGE TO RUSSIAN EDUCATION

Kutafin Moscow State Law University; Institute of Philosophy RAS (Moscow). E-mail: o.maliukova@list.ru

Russian State Social University (Moscow). E-mail: imatronina@mail.ru

Abstract: *the article discusses the impact of digitalization processes on the transformation of modern education in Russia. The authors proceed from the fact that the transition to a digital civilization is becoming inevitable and means a global megashift of all aspects of human and human life. One of the manifestations of this mega-shift is the digital educational reality as*

a new ontological model that satisfies the requirements of compulsory, accessible and universal education. The fact is emphasized that traditional approaches to education are in conflict with the challenges of the information society, which require new educational practices. The article reveals the actual problems of education, the solution of which is directly related to the formation of a digital educational paradigm. The anthropological risks caused by the digitalization of education are identified and the need to develop legal and ethical mechanisms aimed at their regulation is emphasized.

Keywords: digitalization, education, digital technologies, competence-based approach, distance learning, anthropological risks.

REFERENCES

1. Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. V.G. Budanov. – Kursk: Izd-vo ZAO «Universitetskaya kniga», 2022. – 309 s.
2. Malyukova O.V. Nravstvennyye perspektivy cheloveka v usloviyakh tsifrovoy revolyutsii // Nauchno-tekhnologicheskiye transformatsii v sovremenном obshchestve: npravstvenno-filosofskoye osmysleniye i osobennosti pravovogo regulirovaniya. Sb. nauch. tr. Otv. red. V.M. Artemov, O.Yu. Rybakov. – M.: MGYuA, 2019. – S. 108-116.
3. Matronina L.F. Kachestvo obrazovaniya kak usloviye formirovaniya kreativnogo etosa professionala // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskiy nauki. – 2016. – № 2 (18). – S. 26-33.
4. Programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii». Utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. No 1632-r. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (data obrashcheniya: 10.04.2023 g.).
5. Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda: sayt. – URL: <http://neorusedu.ru> (data obrashcheniya: 10.04.2023 g.).
6. Top-15 tsifrovyykh tekhnologiy po itogam 2020 goda // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy: sayt. – URL: <https://issek.hse.ru> (data obrashcheniya: 10.04.2023 g.).
7. Kharari Yu.N. 21 urok dlya 21 veka. – M.: Izdatel'stvo «Sindbad», 2019. – 440 s.
8. Tsifrovaya transformatsiya v Rossii: itogi 2020 goda i perspektivy razvitiya // Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: sayt. – URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-transformatsia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801> (data obrashcheniya: 10.04.2023 g.).
9. Chelovek, obshchestvo, pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti: sb. statey / pod red. O.YU. Rybakova. – M.: RUSAYNS, 2020. – 254 s.
10. Chernigovskaya T.V. «Chelovek rasteryanny – Homo Confusus i novaya tsifrovaya real'nost'»: translyatsiya lektzii // Pryamaya rech'. Lektoriy: sayt. – URL: https://www.pryamaya.ru/tatyana_chernigovskaya_chelovek_rasteryanny_omo_onfususi_novaya_tsifrovaya_realnost (data obrashcheniya: 15.04.2023).
11. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya; per. s angl. – M.: Eksmo, 2016. – 230 s.
12. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. We call on all AI labs to immediately pause for at least 6 months the training of AI systems more powerful than GPT-4. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (data obrashcheniya: 15.04.2023 g.).

Поступила в редакцию – 14.05.2023 г.

1.5. Эссе

А.И. Васильев

ОПЫТ КОМПЛЕКСНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

К настоящему времени завершены междисциплинарные системные исследования, которые были начаты в начале 1990-х годов, под воздействием известных политических и социально-экономических преобразований. Теперь целесообразно представить их кратким очерком исследовательского пути автора и основных исследовательских направлений, об остальном говорят уже сборники избранных статей, которые удалось издать в современном электронном издательстве [1]. Но прежде всего видится необходимым кратко объяснить теперь, почему инженер взялся за столь сложную научно-философскую работу.

Исследования начались с постановки увлекающей исследовательской сверхзадачи, которая определилась таким исходным вопросом – почему, на основе каких закономерностей организмы живой природы, включая конечно и человеческий, столь совершенны при скудном материальном содержании, а человеческое общество всё ещё столь далеко от совершенства, и его развитие сопровождается разрушительными процессами? Обладая врождённым интересом к живой природе и физике, и имея доступ к обширным библиотекам, автор достаточно быстро вышел на академические работы по «структурным уровням организации материи», на теоретические работы по общей биологии

Васильев Александр Иванович – независимый исследователь (Санкт-Петербург).
E-mail: phil2007@list.ru

и главное — на системные исследования живой природы (которые стремительно развернулись в 1970-1980-е годы).

Эти исследования вывели автора на научное наследие А. Богданова. Важно то, что системная методология имеет универсальный характер и высокую продуктивность независимо от природы исследуемых объектов, поскольку сами системные закономерности имеют всеобщий характер [2]. Все объекты познания, имеющие системную организованность, подвергаются при исследовании процедурам структурно-функциональной формализации, а также выявления функциональных частей (органов) и связей, процессов и прочих составляющих, обеспечивающих сохранение, взаимодействия объекта с окружающей средой.

Автор, понимая, конечно, определённое несоответствие «системного упрощения» текстов сложности исследуемых объектов и процессов, решил представить ученым-профессионалам основные результаты своего исследования. Здесь необходимо указать на ведущих ученых, которые в определенной мере вдохновили меня. Это, прежде всего, А.Л. Тахтаджян, который дал даже почтовый адрес сына А. Богданова и помог найти единственных в то время философов в городе, которые были близки к системным исследованиям, — В.Н. Сагатовского и М.И. Сетрова. Но М.И. Сетров был в то время уже в Одессе, а В.Н. Сагатовский занимался своими философскими задачами.

Однако, к тому времени автором были уже осознаны всеобщие закономерности организмов, как «живых систем», связанные с понятиями *гомеостаза*, *адаптации*, *управления* и *программируемого развития*. Параллельно росло понимание трансформации этих естественных закономерностей человека в общественные системные закономерности, обусловившие соответствующее общественное развитие в направлениях обеспечения социальных функциональных комплексов, которые соответствуют перечисленным выше, всеобщим для живой природы базисным закономерностям. В итоге были изданы (самостоятельно и под псевдонимом, ввиду напряженной политической ситуации) две брошюры (вторая — с некоторым раскрытием естественных закономерностей для общественно рациональной организации экономики). Обе были подарены публичной библиотеке.

М.И. Сетров был в тот период единственным философом, который мог бы профессионально содействовать начатой работе, но связь с ним найти не удалось. Тем не менее, оказались полезными его публикации в ежегоднике «Системные исследования», как и многие другие. Особенно важным для автора стал большой очерк А.Л. Тахтаджяна о тектологии А. Богданова (он видится актуальным до сих пор, ввиду медленного развития системного мышления в обществе).

Таким путем и сформировалось первое направление исследований, основные результаты которого публиковались (с 2005 г.) на личном сайте, а затем и на особом научно-публицистическом (имеющем ISBN). Они и составили в 2022 году первый том избранных статей под названием «От естествознания к системному обществознанию».

Второе направление исследований образовалось в связи с эпизодическим системным переосмыслением механики Ньютона: под воздействием интереснейших работ Н.Ф. Овчинникова (историка естествознания, в т.ч. механики), Е. Дюринга (через изучение его противоборства с Ф. Энгельсом), М.Д. Ахундова (речь идёт о его работах о познании времени) и других. Автору удалось объяснить величайшее значение в механике, в свойствах материи, отражённых понятиями *массы, энергии и времени*, фундаментального явления (свойства вещества), названного *стационарностью*. Она привычна не только обывателям, но и ученым, и потому её значение до сих пор не оценивается в полной мере. А это понятие как раз и помогает понять, кроме прочего, сущность «времени» — посредством дополнительного понимания процессов человеческого восприятия движений (автор определяет *движение* как процесс изменений; отвечая на вопрос что изменяется, мы осуществляем селективную классификацию движений).

Однако основное время было посвящено развитию первого направления исследований, то есть исторически рефлексивному, системному исследованию общественного развития, особенно главных его составляющих — государства и так называемой «экономики». Надо отметить, что существенное влияние на исследования по этому направлению оказали в основном работы отечественных ученых, в т.ч. многие работы Ю.М. Резника по социальной теории, особенно монография о социальной системоло-

гии [3]. В результате было опубликовано множество статей, которые при издании сборников были объединены под названием «Очерки социально-экономической системологии».

На основе изучения темы *рациональности* удалось объяснить определяющее, системное значение этой категории не только в экономической деятельности (как у М. Вебера), но и для всего общественного развития. Поэтому при издании сборников статей было решено присвоить всем томам общее название — «Рациональное общество», т.е. указать, что всё содержание представленных сборников является интегральным представлением знаний, необходимых для системной организации и развития общества.

После издания трех томов-сборников статей, под воздействием актуальных научных публикаций и известных международных процессов, были инициированы новые системные размышления социально-экономического и государственного плана. Они разворачивались уже на базе выполненных ранее исследований, т.е. приобрели, можно сказать, интегративный характер. Заключительные статьи этого этапа исследований были посвящены в основном вопросам теоретической экономики, под воздействием соответствующих публикаций, особенно по «эволюционной» и «системной» экономике (Г.Б. Клейнер), и новому направлению — метаэкономике. Все они публиковались на прежнем интернет-ресурсе и вошли в последний 4-й том интернет-издания. С последними статьями политэкономического плана можно познакомиться в журналах «Теоретическая экономика» (2023, № 4) и «Философия хозяйства» (2023, № 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев А.И.* Рациональное общество. В 4-х томах. Издательские решения. 2022, 2023. URL: https://ridero.ru/books/racionalnoe_obshestvo/ (дата обращения 16.04.2023 г.).
2. *Прангшвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. — М.: СИНТЕГ, 2000. — 528 с.
3. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная системология. — М.: Наука, 2003. — 525 с.

REFERENCES

1. *Vasil'ev A.I.* Ratsional'noe obshchestvo. V 4-kh tomakh. Izdatel'skie resheniya. 2022, 2023. URL: https://ridero.ru/books/racionalnoe_obshestvo/ (data obrashcheniya 16.04.2023 g.).
2. *Prangishvili I.V.* Sistemnyi podkhod i obshchiesistemnye zakonovernosti. — M.: SINTEG, 2000. — 528 s.
3. *Reznik Yu.M.* Vvedenie v sotsial'nuyu teoriyu. Sotsial'naya sistemologiya. — M.: Nauka, 2003. — 525 s.

Поступила в редакцию — 03.05.2023 г.

А.В. Кулев

О СВОБОДЕ И НЕСВОБОДЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Вопрос о свободе и несвободе глубоко исследован философами, многократно обсуждался политиками, журналистами, писателями. Но актуальность его по-прежнему очевидна. Иногда мои школьные ученики высказывают мрачную идею о нашей закабалённости в этой жизни, обращая внимание на почти полное отсутствие у них личной свободы. Это печальное утверждение вновь и вновь требует как психологического, так и философского анализа.

В философской литературе часто подчёркивается, что свободу не следует понимать как вседозволенность. Но отрицание вседозволенности подразумевает наличие внутренних и (или) внешних ограничений. А присутствие ограничений указывает на отсутствие свободы, или, по крайней мере, на то, что она (свобода) является относительной. Всегда поступать так, как хочется, невероятно трудно, а часто — невозможно. Широко известна фраза о том, что, живя в обществе, нельзя быть от него свободным, и с этим трудно не согласиться. Максимальная свобода в какой-либо «номинации», как следствие, предполагает максимальную несвободу в другой связанной с ней «номинации».

Приведём только некоторые примеры такой взаимосвязи. Человек, презирающий общественные законы, не уважающий этические правила, вступающий в постоянные конфликты с носителями общественных ограничений, регулярно проявляющий неограниченное личное хамство и эгоизм, нередко оказы-

Кулев Александр Вадимович — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Гимназия № 205 (Санкт-Петербург). E-mail: kulyov.al@yandex.ru

вается без работы, без друзей и близких, а иногда — и за тюремной решёткой. Неумеренное потребление алкоголя приводит к разнообразным проблемам со здоровьем, а значит — к почти полной зависимости от врачей и лекарств. Таким образом, попытка обрести абсолютную свободу может привести человека к почти абсолютной несвободе, т.е. к её полной альтернативе.

Необходимо понимать, что индивид, стремящийся к максимальной степени свободы от всех и от всего, как правило, сам никому не нужен. И его главная свобода, увы, — умереть под забором в полном одиночестве. Все остальные пути в той или иной степени предполагают компромисс между эгоизмом и альтруизмом, между свободой и несвободой, между агрессивностью и терпимостью, между желанием доминировать и необходимостью мириться с доминированием других. Если слегка утрировать ситуацию, то следует признать, что даже на острове, где нет других людей, временно одинокий человек по имени Робинзон Крузо не может быть абсолютно свободным, так как там, в естественной среде, может жить попугай, который имеет морально право на то, чтобы с ним считались... «Моя личная свобода заканчивается у кончика носа моего соседа» (или, соответственно, в данном случае — у кончика клюва попугая, живущего рядом?).

Кстати, о птичках... В последнее время степень свободы действий человека в отношении диких пернатых, а также и в отношении других животных, значительно уменьшилась. Многие биологические виды внесены в Красные книги Мира, России и различных её регионов. Запрещено самостоятельное изъятие гражданами представителей любых видов животных их природы без разрешения региональных государственных природоохранных организаций. Выходят законы и подзаконные акты, в которых защищаются права кошек, собак, экзотических животных, содержащихся в условиях неволи. Вероятно, следует признать, что такое самоограничение свободы говорит о правильном, позитивном развитии человеческого общества, о повышении уровня нашего самосознания, о росте ответственности за последствия наших действий в отношении живой природы.

Однако продолжим разговор об отношениях между людьми. Без сомнения, моральный долг ограничивает свободу личности. Но в идеале наш долг перед другими — это и долг других людей

перед нами. Другое дело, что эти моральные долги не всегда отдаются. Долг перед близкими людьми нередко удерживает нас в этой жизни, когда вдруг в связи с какими-то негативными обстоятельствами человек временно теряет ощущение смысла жизни. В этой так называемой «несвободе» часто заключается счастье единения с другими людьми. А потеряв вдруг эту «несвободу», человек теряет и стимул к жизни, и интерес к ней.

В этой связи нельзя не затронуть вопрос о том, что дети якобы ничего не должны своим родителям. Эта идея, провозглашающая свободу личности, стала весьма модной в последнее время, и она поддерживается и развивается некоторыми психологами.

«Логика» рассуждений здесь такая:

1. Родители заводят детей для собственного удовольствия и для реализации своих амбициозных планов, а не для самих детей.

2. Родители не спросили у своих будущих детей, хотят ли они быть рождёнными. Следовательно, никакого морального долга у детей перед своими родителями нет.

И то, и другое утверждение не выдерживает разумной критики. К тому же, эти утверждения, мягко говоря, нечестны.

Да, действительно, рождение детей родителями воспринимается как большая личная радость и как начало реализации собственных планов, а нередко — и как элемент самоутверждения (быть отцом или матерью почётно и социально значимо). Однако каждому из нас известно, что у любой медали две стороны. И эта вторая сторона — искреннее и бескорыстное желание приложить немалые усилия для того, чтобы каждый из растущих детей стал развитой личностью, здоровым, полноценным во всех отношениях человеком, способным идти по жизни своим путём и со временем приобрести относительную независимость от самих родителей, создать собственную семью. И в данной ситуации эгоизм родителей сводится к минимуму. Непонимание этого выросшими детьми возможно при проявлении ими подросткового максимализма (несмотря на зрелый возраст), при отсутствии уважения, любви к матери или отцу, а также при наличии ярко выраженного эгоистического желания не быть благодарными своим родителям ради ощущения собственной свободы.

И уж совсем неубедительно (в плане утверждения об отсутствии долга детей перед родителями) звучит идея о том, что родители не спросили у своих будущих детей, хотят ли они быть рождёнными. Можно подумать, что у будущих родителей была реальная возможность это сделать, но они не захотели учесть отрицательный ответ своих будущих потомков на данный вопрос. Согласитесь, очень странная претензия в адрес родителей. Кроме того, следует понимать, что в любом случае родителями подарена детям жизнь — и дороже этого подарка нет ничего. А получив ценный подарок — воспитанные и гуманные люди обычно готовы дарить в ответ, и они не считают эту традицию недопустимым и возмутительным ограничением собственной свободы.

А ещё следует подумать о том, что, кроме подарка в виде жизни, мать и отец многие годы выполняли свои родительские обязанности и свою добрую волю в отношении детей, что выразилось в заботе, внимании, затратах времени и денег на растущих потомков, и последние безотказно принимали эти траты. Вы скажете в ответ: «Так ведь дети были малы и беспомощны, поэтому они не могли отказаться от всего этого». Безусловно, это так. Но ведь и родители в определённом возрасте становятся слабыми и беспомощными, будут нуждаться в заботе, опеке и уходе.

И это — время, когда следует вернуть сыновий и дочерний долг, что в норме одновременно должно быть и доброй волей благодарных детей, сознательно идущих на некоторое ограничение собственной свободы ради близких и любимых, но уже беспомощных людей, тративших на них свои интеллектуальные, эмоциональные, физические, временные, финансовые ресурсы на протяжении многих лет своей жизни. Я, конечно, не имею в виду тех матерей, которые были заслуженно лишены родительских прав, и тех отцов, которые двадцать-тридцать лет не видели собственных детей и не помогали им ни советом, ни действием, ни деньгами.

Продолжая разговор о свободе, вероятно, следует признать, что в реальной жизни каждый из нас, если есть такая возможность, осуществляет выбор определённого сочетания свободы и несвободы (необходимости) по ряду жизненно важных для нас направлений и позиций. Причём ощущение свободы всегда сохраняет субъективный характер. Помню, как в одном из доку-

ментальных фильмов (кажется, это был фильм Станислава Говорухина под названием «Так жить нельзя») к двум сидящим на куче мусора пожилым бомжикам подошёл корреспондент и спросил их: «Скажите, бабули, а вас кто-то когда-нибудь унижал в этой стране?» И получил неожиданный ответ: «Нет, милоч, никто и никогда не унижал!» Этот пример напоминает ещё одну известную фразу: «Счастливы не тот, у кого всё есть, а тот, кому всего хватает».

Безусловно, описанная выше ситуация не должна подтолкнуть нас к выводу о том, что всем людям нужно сесть на кучи мусора и более никуда не стремиться, ни за что не бороться и ничего не менять в своей жизни. Но давайте всё-таки обратим внимание на завидную степень внутренней свободы бабушек-бомжиков в приведённом примере. Понимая при этом, конечно, что образ жизни этих пожилых женщин, возможно, не сформировал у них более или менее обоснованные представления о том, чего на самом деле достоин человек современного общества.

Реализация разнообразных возможностей личности, безусловно, связана с имеющейся у неё степенью свободы. Однако, как уже отмечалось ранее, эта свобода всегда относительна. Поэтому, вероятно, правильным решением будет стремление к максимальной свободе в тех областях деятельности или в тех направлениях развития, которые наиболее важны для данной личности. При этом, как следствие данного выбора, нередко приходится принять значительную степень несвободы в других направлениях или областях.

Например, выбирая науку или образование как основные сферы самореализации личности, приходится принять как данность невысокую зарплату, характерную для этих видов деятельности. И, как следствие, ограниченные возможности в приобретении многокомнатной квартиры или дорогого личного автомобиля. Знаю по опыту, что, становясь отцом троих дочерей, приходится отказаться от свободы, проявляющейся в еженедельном посещении футбольных матчей Санкт-Петербургского «Зенита» (в особенности — проводимых в других городах), а также — от каждодневной рыбалки. Следовательно, перед человеком почти всегда стоит выбор того или иного соотношения между свободой и необходимостью.

Коварство ситуации заключается в том, что с возрастом или под воздействием тех или иных внешних условий жизненные приоритеты способны меняться, и через некоторое время у конкретной личности может появиться желание приобрести максимально возможную степень свободы в той области деятельности или в той сфере, которая ранее для неё не была актуальной. В некоторых случаях эта ситуация прогнозируется заранее. Однако часто бывает так, что будущее изменение жизненных целей и личностных ориентиров предугадать сложно или невозможно. И это тоже приходится принять как данность.

Поступила в редакцию – 24.07.2022 г.

1.6. В порядке дискуссии

УДК 32.001

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_175_193

А.В. Никандров

СОВЕТСКИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МАРКСИЗМ» КАК ИДЕЙНАЯ СИСТЕМА

***Аннотация:** статья посвящена анализу советского «государственно-марксизма» как идейной системы Советского государства, построенной И.В. Сталиным на основе учений К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и служащей в СССР фундаментом для функционирования советской государственной идеологии. Советская идеология как идеология советского социалистического государства была основой всей жизни страны.*

«Государственный марксизм» в СССР был создан как «догматичное», императивное учение; в своей структуре и содержании логично проработанное. Структурно эта идейная система представляла собой единство теории, «догматики» и риторики. К идейному наследию классиков марксизма-ленинизма как при Сталине, так и после него, советское руководство подходило прагматично. Главной целью советской идеологии было установление и поддержание единства Советского государства. Практической целью «государственно-марксизма», помимо легитимации власти, было обоснование внутренней и международной политики КПСС. Автор обосновывает необходимость и благотворный эффект идеологии для СССР.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: bobbio71@mail.ru

Ключевые слова: советская идеология, марксизм-ленинизм, догматизм, риторика, СССР, государственный марксизм, И.В. Сталин.

Зачем нужна идеология? (вступление) Споры на тему «нужна ли современной России идеология» и «какая идеология нужна России» ведутся в нашей стране с давнего времени – практически после ухода СССР в историю. Часто предлагается «придумать», «смонтировать» идеологию, чтобы затем «ввести» её как обязательную, императивную («как в СССР»).

Совершить эти два движения вместе или последовательно, по всей видимости, невозможно: «сконструировать» какую-либо идейную систему современным российским идеологам всё же вполне по силам, но этот продукт, рождённый в «лабораторных» условиях, вряд ли каким-либо образом удастся продвинуть дальше кабинетов, библиотек, кафедр или иных мест обитания российских идеологов; т.е. «выдумать» можно, но с какой целью? Ведь если нет решимости государства «обрести» (тем или иным образом) идеологию, то есть ли смысл в усилиях по её продуцированию? Тем не менее большинство обществоведов и немалая часть политиков полагают, что она всё же нужна.

Идеология нужна народу, чтобы быть ориентированным в историческом времени и иметь перед собой образ возвышенного будущего, целеустремленность, уверенность и перспективы, а также спокойное и оптимистичное мироощущение (спокойствие и оптимизм особенно важны, учитывая принципиальную стрессо- и депрессогенность капитализма). Нужна она и государству: идеология придает ему силу, смысл и цель; правда, она же представляет собой своего рода оковы, налагаемые государством на себя, – не это ли причина отсутствия интереса к ней у современной политической элиты?

Попытки её создания предпринимаются, и некоторые, прежде всего консервативные проекты, достаточно убедительны, но дальше составления проектов, обоснований и, соответственно, публикаций дело не идет. По словам А.В. Трухана, «востребованность постсоветским общественным сознанием новой идеологии достигает гамлетовской остроты постановки вопросов... При всей напряжённости и плодотворности интеллектуальных усилий консервативных идеологов, необходимо признать, что тео-

ретическая разработка практически реализуемой альтернативы господствующей либеральной идеологии не даётся по целому ряду причин» [15, 45–46]. Эти причины учёным называются, они достаточно убедительны.

Поскольку в литературе существует бесчисленное множество определений идеологии, а разные авторы часто совершенно по-разному понимают этот общественно-политический феномен, то любому из тех, кто касается этой проблемы, следует кратко обозначить, как именно он её понимает, или же привести определение, с которым автор солидарен. В качестве такового есть все основания взять определение, предложенное Ф.Г. Войтоловским: «...Политическая идеология может быть определена как система идей и представлений об организации, развитии и функционировании общества, которая имеет определённую ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезу прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и идеальную модель будущего социального порядка как внутри её социального субъекта-носителя, так и в сфере его отношений с другими субъектами (в том числе и миропорядка)» [5, 32].

В том, что современное российское государство нуждается в идейной системе, признаваемой и принимаемой властью (элитой), мало кто сомневается. Об этом говорят политики, учёные, писатели: так, писатель Михаил Елизаров утверждает: «Проблема России как государства в том, что она не занимается идеологией. Идеология – мистическая наука, нужны жрецы ... Существует страна, и есть её астральный, идеальный первообраз. Перетянуть его, материализовать, перетащить с Небес в земную реальность можно только при посредстве проводников. ... Если у страны нет идеологии – у неё нет энергетической защиты» (цит. по: [14, 239]).

Известный учёный-историк и публицист А.И. Фурсов говорит: «Новый мир построит тот, кто сформулирует новые смыслы, образ будущего, в соответствии с этими смыслами, создаёт оргструктуры (команды), которые способны реализовать всё это как программу и, в случае необходимости, сможет силовым, военным способом защитить и саму реализацию, и её результаты. Именно в такой последовательности: сначала победа в “метафизике” и только потом и на такой основе – победы в

“физике”. А это невозможно без идеологии, без высокой идейности» [16, 4].

Конечно, следует двигаться в этом направлении: обсуждать, спорить, формулировать, предлагать; быть в курсе того, что делается в этой области, какие работы выходят, чему конкретно посвящаются споры в данный момент. Но чтобы «сформулировать идеологию», надо представлять вектор, направление, в котором надо работать, и это — геополитические интересы России; а также иметь перед собой образец.

Такой образец есть, он — бесспорный и всемирно признанный, своего рода эталон, «золотой стандарт» идеологии, и это — советская идеология. Её не получится заново «ввести» (прежде всего потому, что мы живем в капиталистическом обществе), но её можно и нужно изучать, — точнее, изучать более углубленно, развернуто, вдаваясь во все теоретические и исторические детали.

Смысл и основатели идеологии советского государственного марксизма. Советская идеология была идеологией государственной, выступая причем в двух смыслах. Первый смысл — её императивность, общеобязательность. Идеология была в СССР основой всей жизни страны. Об этом написано немало, и этот её модус достаточно хорошо изучен. Второй смысл словосочетания «государственная идеология» состоит в том, что основой самой этой идеологии была теория Советского социалистического государства как государства нового типа; теория, созданная в своих фундаментальных положениях В.И. Лениным на основе учения Маркса и Энгельса, и развитая И.В. Сталиным.

Эта «государственная теория» постоянно развивалась, корректировалась, дополнялась — и подчас совсем не марксистскими положениями. Вектор развития советского «государственного марксизма» задавался как внутренними задачами, так и геополитическими интересами и императивами СССР, которые, понятно, постоянно изменялись, как и интересы любого государства. Государственная теория являлась матрицей для государственной же идеологии, и вот в этом своем смысле она не стала предметом пристального исследования.

В пределах исторической жизни Советского Союза «государственный марксизм» по определению не мог быть предметом анализа, ибо сам являлся основой и отправной точкой вся-

кого научного анализа; за пределами исторической жизни СССР исследования такого рода едва ли могли показаться особо перспективными и интересными.

Действительно, в чем может состоять смысл внимательного изучения изменений в теории, введения новых концептов, если марксизм стал считаться чем-то вроде «секулярной религии», «светского догматизма», «официального» учения, обязательного к заучиванию и имеющего целью всего лишь легитимизировать действия власти, и потому в содержательных аспектах — совершенно неинформативным собранием цитат классиков, решений партийных форумов, текстов действующих правителей. Раз вера исчезла — стало быть, тексты омертвели, дух покинул букву, — чего же ради углубляться в изучение мертвых текстов?

Советский «государственный марксизм» в целом и деталях был построен усилиями И.В. Сталина и сталинских учёных-обществоведов, идеологов, политиков. Тот марксизм-ленинизм, который был этими усилиями создан, вполне правомерно называть сталинской «политической догматикой», или просто «сталинским догматизмом», вкладываем ли мы в слово «догматизм» негативный смысл или нет. В целом эта идейная система представляет собой систему положений о советском государстве, его идеале и цели, его месте в мировой политике и мире, его исторической сущности. Эти положения необходимым образом носят непререкаемый, установочный характер.

Если в отношении политических теорий, концепций, даже отдельных концептов в их рамках, можно и нужно ставить вопрос о «соответствии истине» (как бы мы при этом ни понимали истину в политическом преломлении), то в отношении «догматики» — нет, так как она и есть истина. Изменения в «догматический корпус» («канон») могут вноситься особым, «авторитетным» образом, с привлечением специфических «ритуалов»; в основном, при отсутствии резкого контраста с фундаментальными положениями и установками базовой теории (марксизма); главная роль в этом принадлежит главе партии и государства, им же осуществляется такая инициатива — во всяком случае, он и только он придает импульс важнейшим нововведениям и изменениям в теории.

Отнюдь не всякий глава Советского государства мог результативно осуществить свое право на *auctoritatis interpositio*. Так,

принцип «общенародного государства», введенный на XXII съезде КПСС в третьей Программе партии и отождествившийся с именем Н.С. Хрущева (хотя разработана эта Программа была ещё при Сталине), стал объектом критики со стороны китайских и албанских коммунистов (как образец ревизионизма, отрицания классовой сущности государства); тогда как связанный с именем Л.И. Брежнева концепт «развитое социалистическое общество»/«развитой социализм» обрел счастливую судьбу в теории и идеологии. Дело вовсе не в том, что «общенародное государство» контрастировало с центральным тезисом марксизма о классовой природе государства: у Хрущева попросту не было достаточного авторитета для совершения изменений в «догматике», а вот у Сталина, под эгидой которого этот принцип («всенародное государство»), как и другие новации третьей Программы (проект которой был готов к осени 1947 г.), был разработан, — хватило бы безусловно (см.: [11]).

Говоря о Брежневе, нельзя не отметить его идеологического прагматизма, в чем он близок к Сталину и о чем говорит, к примеру, Сюзанна Шаттенберг: «...Отношение Брежнева к идеологии можно описать как прагматическое или функциональное. На первом месте находилось общественное благо, затем следовало найти правильную цитату Ленина, чтобы обосновать свою позицию; в случае необходимости он просил своих помощников свободно интерпретировать теоретиков и при необходимости изобрести новую стадию социализма» [18, 390].

Сталинская «догматика» строится на центральных, сущностных постулатах учения Маркса и Энгельса в его развитии Лениным и самим Сталиным. Эти максимы теории только по видимости были фундаментальны по отношению к советскому государственному и партийному строительству (как и к советскому праву). Конечно, интересы государства не могли определяться никакой теорией, сколь «истинной» или «непревзойденной» они ни была. Интересы государства всегда первичны, теория же, как и построенная на её основе идеология, нужны были прежде всего (но, разумеется, не только) как инструменты внутренней и внешней репрезентации власти.

Роль И.В. Сталина в этом велика, хотя она зачастую принижается, а иногда и просто отрицается. Говорят об «упрощении»,

«выхолащивании», «омертвлении», «схоластизации» марксизма, о полном своеволии Сталина при обращении с этим учением. Так, Д.С. Хмельницкий пишет, что «1930-1931 годами можно датировать конец в СССР коммунистической идеологии в её марксистских догматических вариантах. С этого момента Сталин делал с марксизмом всё, что хотел. Мяс, выворачивал наизнанку, лепил из него любую выгодную в данный момент конструкцию» [17, 35].

В наиболее распространённых вариантах такого подхода дело представляется так, будто бы Сталин «омертвил» марксистско-ленинское учение, догматизировал его (см. прим. 1). Странное получается «омертвление», когда учение стало идейным каноном огромной и могущественной страны, т.е. марксизм все-таки стал всесильным, причем не потому что это учение верно (это не имеет первостепенного значения), но потому, что оно было необходимо государству.

«Омертвление» марксизма зачастую отождествляют с его превращением из революционной в консервативную идеологию, «дереволуционаризацией». Это совершенно логично со стороны руководства, перед которым стояла задача строить государство, а не раздувать «мировой пожар». В этом плане логика Сталина и его соратников по доктринально-догматическому преобразованию революционного учения в консервативно-охранительное — безупречна. «Сталинский советский консерватизм в 1930-е годы, — пишет Ю.В. Пущаев, — это некий поворот, частичный и очень ограниченный, к русским дореволюционным традициям с целью укрепления общества в сфере семейной политики, образования, обороны и внешней политики. ...Конечно, такой поворот во многом был противоположен самому началу революционных 20-х годов Советской власти...» [12, 19].

Марксизм догматический или марксизм творческий. «Я стою на почве творческого марксизма», — говорил Сталин. «Старый» («революционный») марксизм, отрицавший возможность построения социализма в одной стране, стал восприниматься как «догматический» («цитатный марксизм», «начетничество», «талмудизм»). Марксизм же в новой интерпретации Сталина подавался как творческий, каковым он, собственно, и являлся, будучи поставленным на службу Советскому государству.

Итак, говорить об «омертвлении» марксизма не приходится, но лишь о его приспособлении к постоянно меняющемуся интересам государства. Следует согласиться с М.И. Воейковым в том, что «нельзя утверждать, что Сталин специально и преднамеренно выхолащивал марксизм. Объективизируя ситуацию, наверное, можно предположить, что Сталин самым ходом вещей был поставлен в следующее положение: с одной стороны, необходимо было внушать и поддерживать в людях уверенность, что можно построить хорошее (т.е. социалистическое) общество вне зависимости от мировой революции и мирового рынка; с другой стороны, надо было связывать это строительство с учением и деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина, т.е. с теми лозунгами и идеями, которые были провозглашены в начальный период русской революции. И, наверное, это было самое простое и доступное практическое решение» [4, 52].

Совершенство марксистско-ленинскую идейную систему (разумеется, на основе реальной политической жизни и достижений), Сталин вполне творчески (что не значит «вольно», «по произволу», в чем его нередко обвиняют) обращался с наследием предшествующих ему классиков, прочно увязывая создаваемый «ленинизм» с интересами государства, подчиняя теорию — государству, так что советская философия, говоря словами Н.А. Бердяева, вошла в пятилетний план: «Теоретический разум должен быть соединен с практическим разумом. Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать. Советская философия входит в пятилетний план» [2, 176]. Более того, продолжая аналогию, можно сказать, что без философии и сам пятилетний план был бы неполон.

«Догматическая система» предполагала разработанную систему баланса собственно «догматики», теории и риторики: определённые положения теории, но не сущностные (например, классовый подход), при конкретных обстоятельствах могли изменить свой статус, или же, наоборот, положения, перестающие удовлетворять интересам и потребностям государства, могли риторизироваться (см. прим. 2).

В определённых пределах допускался «маневр», лавирование между постулатами и обстоятельствами. Крайне редко этот

механизм догматизации-риторизации применяется к важнейшим максимам, но бывало и такое: так, фундаментальный догмат марксизма о мировой революции с начала 1930-х годов подвергается риторизации; плавно и в разной мере риторизируются и концепции пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата. Однако даже такие аксиомы перестают быть аксиомами, если внутренние потребности развития государства требуют усиления патриотических установок. «Мировой революционаризм» стал мешать и советской внешней политике, а саморепрезентация СССР как «государства диктатуры пролетариата» не позволяла развивать более тесные политические и экономические отношения с ведущими европейскими государствами и с США. И вот тезис о мировой революции был отброшен и выведен за пределы теории и (не полностью) идеологии.

Классовый подход или общенародное государство? «Классовый подход» — фундаментальная установка марксизма, она принципиально неустранима. Возможно, именно поэтому Сталин так и не отважился провозгласить СССР всенародным государством, хотя советская мысль, инспирируемая им, приближалась к такой постановке не только в 1947 г., когда был окончательно разработан проект третьей Программы ВКП(б), но и в 1936 г., когда перед опубликованием проекта новой Конституции в разного рода и статуса публикациях, в т.ч. и в главном теоретическом журнале партии «Большевик», — СССР стал подаваться как всенародное государство.

Ввели «общенародное государство» в 1961 г., в принятой Программе КПСС. С целью примирить классовую сущность и неклассовую политическую форму Советского государства, сгладить это противоречие в полную силу была задействована квазимарксистская политическая риторика — установился «консенсус», состоящий в том, что общество в СССР остаётся классовым, государство же тем не менее полагается как общенародное (внеклассовое государство классового общества).

Грани между классами и социальными группами, как и между двумя формами социалистической собственности, стираются, и они (классы и формы собственности) всё заметнее сближаются, с тем, чтобы при подходе к коммунизму слиться в единое социалистическое общество с единой формой собственности. Нело-

гичность этих построений преодолевалась назойливостью риторики и активным использованием хорошо подобранных цитат классиков. Руководствовались при этом сталинским подходом, суть которого «сводилась к тому, что сначала должно быть выработано единственно правильное толкование этих проблем, а затем его следует подкрепить и иллюстрировать специально отобранными документами, а ещё лучше — цитатами» [9, 169].

Как видно, «догматическая» система строилась на основе «базисной теории» и анализа текущей внутривластной и геополитической обстановки и перспектив развития; но, будучи построена, получала своего рода автономное существование (и в дальнейшем следовало скорее теорию приближать к «догматике»), ведь её функция — не только теоретическая (сложно обзреть и осмысливать происходящее и тем более намечать какие-либо перспективы без необходимой «оптики»), но и «практическая»: быть каноном для единомыслия в государстве. Единое идейно — государство будет единым и политически. Здесь без труда прочитываются идеи, развернутые в «Государстве» Платона.

Вообще, отблеск платоновских вечных идей в мироощущении Сталина чувствовали многие. Довольно ярко это выразил Милован Джилас, написавший, что «для Сталина все было переходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за переходящим и в нём самом — за данной реальностью и в ней самой — скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сминая при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей» [6, 56].

Если же говорить о таинственной близости платонизма и большевизма в целом, то следует согласиться с Ю.В. Пушаевым в том, что «в каком-то смысле впервые в истории человечества исполнилась мечта Платона. К власти пришли если не оригинальные философы как таковые, то их ученики — научные специалисты по идейной, политической и социальной борьбе, в основе которой лежала определённая философия» [15, 9].

Сакральность идеологии государственного марксизма. Советское государство не могло обойтись без «сакральных» текстов, без единого «идейного канона», без этого мира вечных плато-

новских идей, — именно это имел в виду Сталин, когда воскликнул: «Без теории нам смерть, смерть!». В 1938 г. Сталин, обращаясь к партийным руководителям, говорил: «Теория — это есть законы развития общества и руководство к тому, чтобы, если старых законов не хватает, открыть новые. Это очень хорошая штука, уверяю вас. И не так страшно, как вы думаете, надо только заняться как следует. Теория — дело наживное, ничего особенного, вы не пугайтесь» [8, 455].

Мировые расклады интересов, классовые соотношения, международные силовые балансы, союзы, договоры и пр. — все это изменчивый мир, «мир подобий», находящийся в непрестанном становлении. Куда двигаться, какие решения принимать? Чтобы уверенно ориентироваться в нестабильном мире вечного становления, ставить цели и достигать их, нужно на что-то опираться, на что-то неизменное, стабильное, неподвластное суетным изменениям: «И если кто спросит, — говорил Сталин, — как же у вас нет ничего вечного? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить? Надо объяснить так: если вы хотите быть марксистами, то должны понять, что основы теории не меняются, а отдельные положения могут изменяться, значит, головой надо думать» (цит. по: [8, 463]).

Но кто определяет, что в теории вечно, а что изменчиво, и если что-то в ней должно измениться (или следует изменить), то что именно? Вот ещё одно высказывание Сталина, обращенное к советским руководителям и экономистам: «Если хотите на всё искать ответов у Маркса, пропадёте. Вы имеете такую лабораторию, как СССР, который существует больше 20 лет, а думаете, что Маркс должен был знать больше вас о социализме. Не предусмотрел, видите ли, Маркс в “Критике Готской программы”! Надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты. Новые факты есть, новая комбинация сил, извольте головой работать» (цит. по: [7, 318]).

Конечно, в этом высказывании больше иронии по отношению к Марксу, чем призывов к самостоятельному «творческому развитию» его теории. Если все ринутся «головой работать, а не нанизывать цитаты» — то и *вечное* превратится в свою противоположность, и единомыслия не достичь. Поэтому нужна «догматика», чтобы противостоять самостоятельности вне рамок доз-

воленного, чтобы направить политиков и идеологов в верном направлении. С другой стороны, действуя в обозначенном направлении, они, по мысли Сталина, не должны были превращать формулы в заклинания, а предписываемые действия – в ритуалы, но именно руководствоваться каноном, творчески действовать в русле «генеральной линии».

Задача достижения единомыслия актуализируется с достижением Сталиным политического доминирования, что можно констатировать к концу 20-х – началу 30-х гг. По словам, В.Г. Мосолова, «к этому времени победа Сталина над внутривнутрипартийной оппозицией во всех её формах, прежде всего в вопросе о строительстве и характере развития социально-экономической и политической жизни Советского Союза, поставила в порядок дня задачу установления окончательного идеологического единообразия в партии. Здесь речь шла в первую очередь о завершении оформления марксизма-ленинизма как единой и единственно верной теории, в которой центральной и наиболее важной фигурой становился Сталин» [9, 185].

«Государственный марксизм» СССР – это политико-догматическая идейная система, включающая элементы теории (но не сводимая к теории), являющаяся фундаментом государственной идеологии, в основе которой лежит универалистская концепция истории и политики, экономического и политического развития общества, созданная Марксом и Энгельсом, развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма Лениным и Сталиным. В своём содержательном аспекте советский марксизм базируется на текстах основоположников и классиков марксизма-ленинизма (Маркс, Энгельс, Ленин), а также на текстах мыслителей, признанных и «утверждённых» партией в качестве классиков или приравненных к ним. Так вышло, что в этом списке состоит один лишь Сталин, но теоретически список мог быть длиннее. Заметим при этом, что тексты Сталина после 1956 г. имплицитно влияли на развитие марксизма-ленинизма в СССР не в меньшей степени, нежели до XX съезда КПСС.

Как и любая теория, советский марксизм нуждается в творческом развитии, которое осуществляется под руководством партии и результаты которого представляются в важнейших, уста-

новочных партийных документах: программа партии, материалы съездов, конференций и пленумов; постановления по всем вопросам «жизни и мысли» Советского государства. «Государственный марксизм» получает развитие в трудах и выступлениях руководителей партии и государства, заведомо имеющих статус уставочных; а также в разного рода текстах, не имеющих дискуссионного характера (хотя они могли быть квазидискуссионными) — от научных статей и монографий до газетных публикаций, прямо или косвенно инспирированных партией (или очевидно идущих в русле текущей её линии), интерпретирующих старые и пропагандирующие новые положения «теории-догматики».

Политико-догматическая идейная система, выстроенная Сталиным, в чем-то напоминает церковную догматику, — прежде всего, по статусу своего содержания (аксиоматичность, непререкаемость), а также в некоторых формальных и функциональных аспектах. Имеются в виду не собственно содержательные моменты, при сопоставлении которых легко увлечься игрой в «сравнительное богословие» (пролетариат — мессия, партия — церковь, съезды партии — церковные соборы, а вождь — *pontifex maximus*, и т.п.), как это делает, в частности, Р. Арон в своем «Опиуме интеллектуалов» (об этом см.: [10]).

Здесь не следует забывать о православном богословском образовании Сталина. Более важным моментом является соотношение в православии духовного опыта, той же догматики, — и инстанции, церковной иерархии, когда религия как институт важнее религии, понимаемой как духовный опыт, — пишет А.М. Эткинд: «Откровение дано не отдельным людям, а всему обществу верующих, составляющих церковь; поэтому мнение церкви является высшим авторитетом и более важно, чем непосредственно получаемые откровения. ...Самые великие подвиги, наложенные на себя самовольно, вменяются ни во что. Лучше *не* верить, чем верить явлениям и откровениям, так всегда возможны ошибки относительно их источника» [21, 122].

Партия была в СССР источником государства, власти и закона — своего рода божественной инстанцией, которая должна была иметь и своё «метафизическое орудие», быть вооружена «передовой теорией»: по словам А.В. Юрчака, «играя направляющую роль в обществе — то есть будучи носителем уникального знания об

истине, — партия находилась как бы *за пределами* общества, осуществляя руководство из этой внешней по отношению к социуму сферы» [20, 96]. Роль партии по отношению к «единому и единственному учению» состоит в его догматическом, научном, идеологическом оформлении, трансляции, развитии и защите от враждебных и оппонированных идей, концепций, теорий и доктрин (равно как и во взаимодействии с ними): «Ленинизм, — говорит В.Г. Мосолов, — и в более общем плане — марксизм-ленинизм, в каждый данный момент равен самому себе, а каким он должен быть в этот момент или в данном отношении — это решает партия, её руководство, в конечном счете, её вождь» [9, 209].

Милован Джилас, восхищаясь сталинским умением «соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью», определяет «сталинский марксизм» следующим образом: «Это марксизм партии, жизненная необходимость которой — превращаться во власть, в “ведущую”, господствующую силу» [6, 140]. Однако этот сталинский государственный прагматизм не следует абсолютизировать, как если бы марксизм-ленинизм при необходимости, а то и желании, мог быть заменен на другую теорию, более подходящую в данный момент для государства: «Большевизм, — пишет в этой связи Н.А. Бердяев, — оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [2, 131].

Государственнический статус идеологии советского марксизма. Марксизм был сущностно связан со Страной Советов, и поэтому никак нельзя полагать марксистско-ленинскую догматику и идеологию некоей завесой, флёром «истинных намерений» вроде восстановления Империи и т.п. Опять же, нет спора при этом, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, подчиняясь идеям и текстам, тем более что идеи можно переинтерпретировать, а тексты — «откорректировать» (со всеми подобающими ссылками на труды основоположников). Основы же теории, т.е. её фунда-

ментальные аксиомы («догмы»), невозможно изменить или переформулировать без последствий для государства. Поэтому они и должны оставаться *по возможности* «самотождественными» и быть именно *руководством* к действию, а не его алгоритмом.

Дело вовсе не в том, что, как сказал К. Шмитт, «диктатура — противоположность дискуссии» [19, 95]. Жизнь Советского государства — не перманентная дискуссия и полемика, а идеология — не праздник политического интеллекта, не творческое производство новых форм и смыслов в изменчивом политическом пространстве, когда все положения непременно нуждаются в «дальнейшей разработке». Речь, конечно, не о любом тезисе и отнюдь не о любом теоретиком, возжелавшим «развить теорию» или озарённым какой-то особо яркой идеей (или ангажированным отнюдь не в идейном смысле).

Перри Андерсон, очень внимательный исследователь интеллектуального развития марксизма, совершенно несправедливо и некорректно говорит: «К тому времени, как правление Сталина достигло своего апогея, марксизм в России практически был сведен к формальному упоминанию. Страну, занимавшую в мире передовые позиции в развитии исторического материализма и обогатившую Европу разнообразием и силой ума своих теоретиков, за десятилетие превратили в полуграмотное болото, в страну, выделявшуюся лишь своей жесткой цензурой и грубой пропагандой» [1, 39]. Исследователь не хочет замечать, что учение, ставшее мировоззрением (идеологией) правящей партии и государственной идеологией, источником доктринальных разработок и решений, неизбежно «догматизируется» (становится общеобязательной догмой), каноном, так что «разнообразие ума», несанкционированное творчество в обстановке внешних (да и внутренних) угроз и политической мобилизации народа не может быть допущено. «Догматическая» сфера должна быть защищена от «несанкционированного» вмешательства.

Сталин осуществил непростую операцию по сборке из западных концептов логичной и прочной конструкции, которая стала идейным фундаментом Советского государства: речь шла, по словам Д. Бранденбергера, о «гегемонии нового политического языка», которая «дала толчок развитию особой советской формы социальной идентичности» [3, 25]. Эта конструкция была

предъявлена тому же Западу, при этом цель завоевания успеха у значительной части западной аудитории (не только прокоммунистической) была достигнута. «Пролетариат», «класс», «диктатура», «партия», «марксизм», «империализм», «капитализм», «социализм» – все эти концепты были слиты с новыми государственноцентричными идейными и политическими установками, выровнены по новой «генеральной линии», вписаны в одну схему, в платоновский чертёж нового идеального государства. Так получился «государственный марксизм», который хорошо послужил Советскому государству.

Марксизм-ленинизм как советское «государственно-догматическое» учение сыграл однозначно положительную, благотворную роль при идейно-идеологическом строительстве советского государства; он достаточно успешно исполнял цементирующую и ориентирующую роль в жизни государства и его деятельности в сложнейшей геополитической обстановке второй половины XX в. И когда в наши дни часто повторяют, что нашему государству не хватает идеологии, и потому срочно требуется идеология, то стоит ли забывать о том, что успешная и эффективная идеология у нашей страны когда-то уже была?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. – М.: Common place, 2016. – 350 с.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – СПб.: Азбука, 2016. – 221 с.
3. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917-1941. – М.: РОССПЭН, 2017. – 365 с.
4. *Воейков М.И.* Марксизм и Россия: от теории к практике и обратно // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 39-54.
5. *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940-2000-е годы. – М.: Крафт+. 2007. – 452 с.
6. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – 539 с.
7. *Журавлев В.В.* Сталин и экономическая дискуссия 1951 г. в СССР (к проблеме сталинского теоретического наследия) // Советское государство в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4-6 декабря 2014 г. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 314-325.
8. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. – М.: РОССПЭН, 2014. – 794 с.
9. *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. – М.: Новый хронограф, 2010. – 599 с.

10. *Никандров А.В.* «Идеологические споры» в политике: концепция «секуляр-ной религии» Раймона Арона в идейном противостоянии интеллектуалов // Вопросы философии. — 2015. — № 7. — С. 49-61.
11. *Никандров А.В.* Несостоявшаяся res publica restituta 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. — 2019. — № 2. — С. 120-132.
12. *Пуцаев Ю.В.* К вопросу о советском консерватизме. Социальные и гуманитарные науки // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. — 2020. — № 4. — С. 6-26.
13. *Пуцаев Ю.В.* Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). — М.: ИНИОН, 2018. — 356 с.
14. *Рылёв К.Э.* Курс лечения от постмодернизма: путеводитель по современной культуре. — М.: Крафт+, 2011. — 414 с.
15. *Трухан А.В.* Кризис постсоветской идентичности: постановка проблемы в идеократической парадигме мысли // Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим: Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Сенюшкина. — Симферополь: Н. Орианда, 2022. — С. 28-59.
16. *Фурсов А.И.* Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. — М.: Книжный мир, 2017. — 762 с.
17. *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина. Психология и стиль. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 374 с.
18. *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 622 с.
19. *Шмитт К.* Политическая теология. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. — 333 с.
20. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 661 с.
21. *Эткнд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интeрeктах. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 438 с.

Примечания

1. В догматизации как таковой, т.е. в придании марксизму строгих форм и обязательности, нет ничего ни плохого, ни даже необычного, и опыт построения на основе политического учения Маркса и Энгельса, с учетом его развития Лениным, именно «догматической» системы, вполне можно считать не догматизацией, а творческим развитием, применением марксизма в новых условиях. Такая «догматизация» не была не некоей «прихотью» Сталина, не средством «укрепления единоличной власти» или следствием какого-то неумоемого стремления встать в ряд классиков марксизма, но насажденной потребностью руководимого им государства, продиктованной как внутривнутриполитическими обстоятельствами, так и геополитической обстановкой.

2. Что означает «риторизация»? Положение или формула, концепт, утратившие актуальность, перестают влиять на государственную теорию и быть установочными в практической политике. Он не изымается из текстов полностью, но подвергается своего рода «риторическому растворению» в пространственных и подчас пафосных пассажах, превращаясь в клише. Практическая политика, равно как и сфера «государственных ритуалов», перестает «узнавать» риторизируемый концепт как свою установку, следовать ему или выводам из него. Это прочитывается и на уровне политических практик: перестали призывать к мировой пролетарской революции, риторизировали её, — и вот в 1936 г. праздник Первого дня мировой революции был отменён, а после этого советское общество быстро забыло о том, что такой праздник вообще когда-то был.

A.V. Nikandrov

SOVIET «STATE MARXISM» AS IDEAL SYSTEM AND IDEOLOGY

Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow University. E-mail: bobbio71@mail.ru

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the Soviet “state Marxism” as the ideological system of the Soviet state. This ideological system was created by Joseph Stalin on the basis of the systems of Marx, Engels and Lenin and served as the foundation for the functioning of the Soviet state ideology in the USSR. Soviet ideology as the ideology of the Soviet socialist state was the basis of the political, economic and cultural life of the USSR.*

Soviet “state Marxism” was created as a “dogmatic”, imperative doctrine. It was formed harmoniously and logically in relation to structure and ideological content. In a structural sense, this ideological system was a unity of theory, “dogmatics” and rhetoric. The Soviet leadership was pragmatic about the ideological heritage of the classics of Marxism-Leninism both during Stalin’s rule and after the end of his reign. The main purpose of Soviet ideology was to establish and maintain the unity of the Soviet state. In addition to legitimizing power, the practical mission of “state Marxism” was to justify domestic and international politics of the Communist party. The author asserts the necessity and beneficial effect of ideology for the USSR.

Keywords: *Soviet ideology, Marxism-Leninism, dogmatism, rhetoric, USSR, state Marxism, Joseph Stalin.*

REFERENCES

1. Anderson P. Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma. – M.: Common place, 2016. – 350 p.
2. Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – SPb.: Azbuka, 2016. – 221 p.
3. Brandenberger D. Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1917-1941. – M.: ROSSPEN, 2017. – 365 p.
4. Voyeykov M.I. Marksizm i Rossiya: ot teorii k praktike i obratno // Voprosy politicheskoy ekonomii. – 2018. – № 2. – Pp. 39-54.
5. Voytlovskiy F.G. Yedinstvo i razobshchennost’ Zapada: Ideologicheskoye otrazheniye v soznanii elit SSHA i Zapadnoy Yevropy transformatsiy politicheskogo miroponyadka. 1940-2000-ye gody. – M.: Kraft+. 2007. – 452 p.
6. Dzhlilas M. Litso totalitarizma. – M.: Novosti, 1992. – 539 p.
7. Zhuravlev V.V. Stalin i ekonomicheskaya diskussiya 1951 g. v SSSR (k probleme stalinskogo teoreticheskogo naslediya) // Sovetskoye gosudarstvo v period pozdnego stalinizma.

1945-1953 гг.: Materialy VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Tver', 4-6 dekabrya 2014 g. – M.: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, 2015. – Pp. 314-325.

8. «Kratkiy kurs istorii VKP(b)». Tekst i yego istoriya: V 2 ch. / Sost. M.V. Zelenov, D. Brandenberger. CH. 1. Istoriya teksta «Kratkogo kursa istorii VKP(b)». 1931–1956. – M.: ROSSPEN, 2014. – 794 p.

9. *Mosolov V.G.* IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TSK KPSS, 1921–1956. – M.: Novyy khronograf, 2010. – 599 p.

10. *Nikandrov A.V.* «Ideologicheskiye spory» v politike: kontseptsiya «sekulyarnoy religii» Raymona Arona v ideynom protivostoyanii intellektualov // *Voprosy filosofii*. – 2015. – № 7. – Pp. 49-61.

11. *Nikandrov A.V.* Nesostoyavshayasya res publica restituta 1948 g.: istoki izmeneniya osnovnogo printsipa gosudarstvennogo stroya SSSR v sovetskom politicheskom diskurse 30-kh godov // *Gosudarstvo i pravo*. 2019. – № 2. – Pp. 120-132.

12. *Pushchayev Yu.V.* K voprosu o sovetskom konservatizme. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki // *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 3: Filosofiya. Referativnyy zhurnal. 2020. – № 4. – Pp. 6-26.

13. *Pushchayev Yu.V.* Filosofiya sovetskogo vremeni: M. Mamardashvili i E. Il'yenkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya). – M.: INION, 2018. – 356 p.

14. *Rylov K.E.* Kurs lecheniya ot postmodernizma: putevoditel' po sovremennoy kul'ture. – M.: Kraft+, 2011. – 414 p.

15. *Trukhan A.V.* Krizis postsovetskoy identichnosti: postanovka problemy v ideokraticheskoy paradigme mysli // *Natsional'naya identichnost' i kollektivnaya pamyat': mezhdru proshlym i budushchim: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. T.A. Senyushkina*. – Simferopol': N. Orianda, 2022. – Pp. 28-59.

16. *Fursov A.I.* Bor'ba voprosov. Ideologiya i psikhistoriya: russkoye i mirovoye izmereniya. – M.: Knizhnyy mir, 2017. – 762 p.

17. *Khmel'nikskiy D.* Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'. – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 374 p.

18. *Shattenberg S.* Leonid Brezhnev. Velichye i tragediya cheloveka i strany. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. – 622 p.

19. *Shmitt K.* Politicheskaya teologiya. – M.: Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole, 2000. – 333 p.

20. *Yurchak A.* Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. – 661 p.

21. *Etkind A.* Tolkovaniye puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. – 438 p.

Поступила в редакцию – 15.01.2023 г.

2. ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Научная жизнь

УДК 101

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_194_196

Е.А. Дергачева

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ВУЗОВСКАЯ ПЕДАГОГИКА И ЭКОНОМИКА О СОХРАННОСТИ И УКРЕПЛЕНИИ БИОСФЕРНОЙ ЖИЗНИ» В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Указом Президента России В. В. Путина 2023 год объявлен в России Годом педагога и наставника и проводится с целью признания особого статуса представителей профессии. 25 марта 2023 г. в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева состоялся круглый стол «Вузовская педагогика и экономика о сохранности и укреплении биосферной жизни», организованный при поддержке Брянского отделения Российского философского общества, Брянского отделения Российской экологической академии, Брянского государственного технического университета (БГТУ).

Еще в 1993 г. была опубликована статья профессора, основателя научной школы Э.С. Демиденко «Социальная педагоги-

Дергачева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор факультета отраслевой и цифровой экономики Брянского государственного технического университета, учёный секретарь Брянского отделения РФО (Брянск). E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru

ка: интеграция педагогики с социологией». Она была издана в двухтомнике «Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт». Позже, в 2013 г., уже новый руководитель социальной педагогики М.П. Гурьянова пригласила Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачеву к участию в выработке программы для социальных педагогов нашей страны. В 2014 г. мы участвовали и выступали на съезде социальных педагогов, по итогам которой вышла монография «Социальная педагогика в России: на острие времени». Мы с Э.С. Демиденко подготовили для неё вторую часть, «Социальная философия, социология и социальная педагогика в процессах их интеграции в развитии социума и человека». Поэтому не случайно встреча в Брянской областной библиотеке была посвящена обсуждению будущей деятельности в области педагогики сохранения биосферной жизни.

В Брянском государственном техническом университете, который возглавляет Олег Николаевич Федонин, на базе экономического факультета было проведено немало встреч, касающихся роли экономики в сохранности и укреплении биосферной жизни. Были подготовлены конкретные предложения для руководства Брянской области. Кроме того, наш университет провел две международные конференции при поддержке РАН «Экономика в условиях социально-техногенного развития мира» в 2016-2017 гг., и это направление и сейчас является для него одним из основных.

Надеюсь, по итогам встречи мы привлечём активную молодежь, которая поддержит нас в борьбе за сохранение биосферной жизни.

На прошедшем круглом столе обсуждались следующие вопросы:

- Есть ли будущее у вузовского и школьного экологического образования?

- Какова роль вузовской педагогики в вопросах укрепления биосферной жизни и поддержания здорового образа жизни человека?

- Возможно ли формирование биосферосберегающей экономики?

- Патологии здоровья населения Брянской области.

Для слушателей, студентов, школьников, педагогов, учёных и общественности города Брянска прозвучали следующие выступления по теме круглого стола:

- *Дергачева Елена Александровна*, ведущий круглого стола, профессор РАН, ученый секретарь Брянского отделения РФО, председатель Брянского отделения Российской экологической академии. — «Современная вузовская педагогика и экономика в вопросах сохранения и укрепления биосферной жизни»;

- *Попкова Наталья Владимировна*, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор БГТУ, председатель Брянского отделения РФО. — «Философская экология против эмоций и стереотипов: как избежать ошибок при экологическом воспитании»;

- *Трифанков Юрий Трофимович*, профессор, доктор исторических наук, почетный работник средней и высшей школы, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» БГТУ. — «Социоприродный подход в истории и педагогике и будущее России»;

- *Корсаков Антон Вячеславович*, доктор биологических наук, профессор РНИМУ им. Н.И. Пирогова (г. Москва). — «Заболеваемость населения на экологически неблагоприятных территориях Брянской области»;

- *Петрухина Наталья Викторовна*, кандидат экономических наук, доцент БГТУ, член Брянского отделения РФО. — «Развитие научного потенциала в целях обеспечения устойчивого развития региона»;

- *Дорошенко Андрей Николаевич*, аспирант 1 курса БГТУ. — «Применение искусственного интеллекта и биотехнологий в вопросах сохранения жизни населения нашей планеты»;

- *Бортулев Артем Дмитриевич*, студент 1 курса БГТУ. — «Направления инвестиций в области биотехнологий».

На встрече была представлена выставка литературы из фонда БОНУБ им. Ф.И. Тютчева. Видеозапись работы круглого стола представлена на сайте Брянской областной научной библиотеки.

Сообщение поступило в редакцию — 31.03.2023 г.

УДК 101

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_197_203

С.А. Кудрина

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СООТНОШЕНИЮ МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И НОВЫМ ИНТЕГРАТИВНЫМ ЗНАНИЕМ

Введение. 20-21 апреля 2023 года в Ярославле по инициативе кафедры философии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского и Ярославского отделения Российского Философского Общества состоялась VIII Всероссийская конференция с международным участием «Философия и/или Новое интегративное знание?». Изначально постановка вопроса, отраженная в названии конференции, предполагала дискуссию о том, возможно ли в принципе заменить философию неким новым интегративным знанием, и какие вообще возможны варианты развития соотношения между новым интегративным знанием и философией.

На VIII конференции обсуждались проблемы субъекта нового интегративного знания, конвергенции рационального и иррационального, гуманитаризации научного знания, а также развития науки и философии в современном информационном пространстве. Рассматривались следующие вопросы: сводится ли сама философия к знанию, что является причиной его «разлома» и отчуждения, как взаимодействуют гносеологический и этико-аксиологический аспекты научного и философского творчества, какие философские проблемы возникают вследствие прогресса технологий виртуальной реальности, почему важно обращаться к гносеологическим концепциям классиков и как впи-

Кудрина София Альбертовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль). E-mail: sofia-kudrina@mail.ru

сать философию в образовательный процесс в контексте современных реалий. В работе конференции приняли участие философы из МГУ им. М. В. Ломоносова, РГПУ им. А. И. Герцена, КГЭУ, ИвГУ, ПензГТУ, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, ЯГТУ, ЯГМУ, РГАТУ им. П.А. Соловьева и Института философии РАН.

Целостность духовной жизни, творчество и «разлом» знания.

Вопрос о единстве знания и духовной жизни и проблему «разлома» знания поставили доктор философских наук, доцент КГЭУ Г.В. Авдошин, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии ЯрГУ им. П.Г. Демидова Кудрина С.А., кандидат философских наук, доцент ЯГМУ А.Н. Филькин, кандидат философских наук, доцент МГПУ В.М. Кондратьев и аспирант кафедры философии ИвГУ Р.В. Шорин.

Г.В. Авдошин сформулировал проблему исторических и культурных факторов, которые дробят знание на фрагменты и приводят к его «разлому». По мнению докладчика, во многом это вызвано нарушением гармонии между всё более доминирующим внешним и всё более пренебрегаемым внутренним в человеке. В результате знание обособляется от деятельности и существует отчужденно, «не собой и не для себя», как выражался К.Н. Леонтьев. Г.В. Авдошин рассмотрел возможность восстановления целостности знания на основе религии как внутренней метафизической оси человеческой деятельности.

В.М. Кондратьев отметил, что философия есть свободный, самостоятельный, осознанный, основанный на диалектическом мышлении путь к интегративному знанию, в котором человек творчески объединяет свое внутреннее и внешнее знание первоначал и знание о незнании.

С.А. Кудрина и А.Н. Филькин подчеркнули, что философия — больше, чем знание, что она есть напряжённая духовная жизнь, дело приобщения к Истине, и знание в этом процессе — лишь одна из составляющих. Авторы отметили, что данное приобщение есть неразрывное единство гносеологического и этико-аксиологического: чтобы познать Высшее, надо умалиться и уподобиться Ему, а для этого, в свою очередь, необходима мудрость отыскания и определения этой достойной цели и сознательного поиска путей к ней. Данный процесс С.А. Кудрина и А.Н. Филь-

кин не только связывают с философией, но и выводят за её пределы, поскольку уже сама Истина идёт навстречу жаждущему Истины, Добра и Красоты восходящему человеческому духу. Р.В. Шорин, посвятивший свой доклад неакадемической философии, также обратил внимание на философию как личное дело и способ существования.

Философские проблемы виртуальной реальности и перспективы искусственного интеллекта. Тема виртуальной реальности была одной из центральных на конференции. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН А.Д. Королёв выступил с докладом об «эффекте Зазеркалья». «Эффектом Зазеркалья» он назвал парадокс, вызванный неразличением, с одной стороны, числа как некой суммы однородных физических единиц и, с другой стороны, числа как названия, и это неразличение неизбежно сопровождает замену реальности некой псевдореальностью. В сложившейся ситуации философия должна бороться и разоблачать псевдоинтегративное знание, утверждая, как минимум, что числа в трёхмерном мире физических объектов и числа в мире названий — это не одни и те же числа, несмотря на их поверхностное сходство.

Таким образом, по мнению докладчика, перед философией стоит важная задача контроля над границами понятий во избежание развития псевдоинтегративного знания. А.Д. Королев также совместно с кандидатом медицинских наук, руководителем исследовательской группы «Виртуалистика», старшим научным сотрудником сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН М.А. Прониным и кандидатом технических наук, доцентом, президентом Гильдии кинотехников Союза кинематографистов РФ О.Н. Раевым провели в рамках конференции мастер-класс для студентов и преподавателей ярославских вузов. Кроме того, М.А. Пронин и О.Н. Раев выступили с докладом, в котором отметили, что существование технической виртуальной реальности оказывается возможным потому, что существует психологическая виртуальная реальность. В этой связи докладчики особое внимание уделили безопасности технологий виртуальной реальности как технологий редактирования человеческого сознания.

Проблему соединения электронной нейросети с нейросетью человека подняли в своем докладе Е.В. Черносвитов и Е.А. Самойлова, затронув в том числе её исторические аспекты. Доктор культурологии, доцент ЯГТУ Н.А. Личак обратилась к вопросу о возможности формирования сознания у искусственного интеллекта. По мнению докладчика, сама проблема определения сознания у искусственного интеллекта содержит два важных аспекта: во-первых, может ли вообще у ИИ появиться сознание, а во-вторых – способен ли человек реально определить наличие сознания у других существ. Таким образом, докладчик констатировала, что вопрос остается открытым.

Диалектика познания. Подробно и обстоятельно сопоставляя в своем докладе гносеологические концепции И. Канта и Г. Гегеля, доктор философских наук, профессор КГЭУ Э.А. Тайсина отдала предпочтение гегелевской концепции, поскольку усмотрела в ней строго и цельно выстроенную систему. Кроме того, великой заслугой Гегеля, противостоящего кантовскому агностицизму, докладчик считает анализ диалектического разнообразия форм рассудка, ступеней преодоления абстрактно-метафизического теоретизирования и демонстрацию восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении.

Философия образования. Поскольку конференция проходила в стенах Ярославского государственного педагогического университета и в год 200-летия со дня рождения выдающегося российского педагога, ученого-энциклопедиста, писателя и общественного деятеля середины XIX века К.Д. Ушинского, имя которого носит университет, участники конференции обсудили вопросы образования, воздав должное великому педагогу. Доктор философских наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Т.В. Кузнецова посвятила свой доклад той неразрывной связи между педагогикой и философией, которая присутствует в концепции и деятельности К.Д. Ушинского. Она обратила внимание на философско-эстетическое понятие «народность», которое имеет большое значение при оценке творчества Ушинского.

Важности сохранения народного духа также уделил внимание доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова А.С. Дунаев. Он подчеркнул глубокую связь между русским менталитетом и идеями К.Д. Ушин-

ского, обратив внимание на замеченную Ушинским народную черту – творческую предприимчивость. По его мнению, рекомендации Ушинского по сохранению и развитию творческого потенциала народа могут быть полезны в контексте устойчивого развития России.

Что касается непосредственно современных проблем философии образования, то их подняли в своих докладах кандидат философских наук, доцент ИвГУ Е.В. Палей и кандидат философских наук, доцент ЯГПУ Т.А. Никитенко. Т.А. Никитенко обратилась к вопросу о преподавании философии в педагогическом вузе. Е.В. Палей, основываясь на тезисе о необходимости корректировать образовательные технологии в зависимости от особенностей поколений, рассмотрела ценностные установки поколения Z в контексте образовательных взаимодействий и в условиях виртуализации образовательной среды.

Человек, общество, культура. Участниками конференции человек рассматривался в различных аспектах его бытия: от природного до религиозного. Считая человека одновременно биологическим существом и языковой личностью, кандидат философских наук, доцент Г.В. Парамонов в своем докладе затронул вопрос о влиянии духовных процессов на биопсихические. Кандидат культурологии С.С. Поликарпов обратился к идеям А. Залкинда о связи тела и общества, и подчеркнул механистический характер его концепции.

Философским представлениям о душе человека и их влиянию на психологию, а конкретно – связи между картезианским уровневым представлением о психическом и институционализацией психологии – посвятил свой доклад доктор психологических наук, профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского В.А. Мазиллов. Доктор психологических наук, доцент ЯГПУ Ю.Н. Слепко затронул проблему объяснения в психологии и подчеркнул важность обращения психологической науки к внутреннему миру человека в качестве предмета.

На неразрывную связь между онтологией и сокровенной духовной жизнью обратила внимание кандидат культурологии, доцент ЯГПУ М.С. Емельянова, выступившая с докладом «Онтологический дискурс фантастического рассказа Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”». Продолжая тему глубокой связи

между онтологией и внутренним миром человека, кандидат педагогических наук Б.С. Гречин рассказал в своём докладе об усовершенствовании человека как цели творческих поисков в области культовой практики буддистов.

Доктор философских наук, доцент ЯГМУ С.Г. Пилецкий посвятил свое выступление феномену смеха и различным его неоднозначным интерпретациям. Он рассмотрел феномен смеха с этической точки зрения, связав его с понятием греха.

Одной из важнейших философских проблем, касающихся непосредственно человека, является проблема отчуждения. Ей посвятили свои доклады преподаватели ЯГТУ доктор философских наук Л.Д. Петряков, кандидат философских наук Е.Ю. Вавилова и доктор экономических наук В.И. Пейтнев. Л.Д. Петряков и Е.Ю. Вавилова представили концепт отчуждения как часть интегративного знания, проследив этапы его развития, начиная с гегелевского. Докладчики сделали акцент на отчуждении как нереализованности потенциала человеческого духа, его творческой силы. В.И. Пейтнев в своём докладе подчеркнул актуальность концепции экзистенциального отчуждения и рассмотрел проявления отчуждения в современной европейской культуре, связав их с упадком французского духа (угасанием творческого порыва) в философии и литературе, нецивилизованной конкуренцией, кризисом европейской демократии и государства благоденствия.

Доктор философских наук, профессор РГАТУ им. П.А. Соловьева И.М. Сидорова и кандидат экономических наук, доцент РГАТУ Л.Г. Сидоров посвятили свой доклад философии управления, а конкретно – инспиративному научному управлению, основанному на высших смыслах и ценностях, объединяющему явное и неявное знание, элементы науки и искусства, национальные идеалы и универсальные ценности, являющемуся условием межкультурного взаимодействия в процессе управления знаниями и формирующему нравственную среду как условие прогрессивного развития общества и глобальной безопасности.

В ходе конференции была также затронута содержательная сторона проекта «ДНК России». Доклад доктора философских наук, профессора ИВГУ Д.Г. Смирнова был посвящён философским основаниям проекта, которые докладчик рассмотрел в све-

те учения академика В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

В обсуждениях докладов непосредственное участие принял доктор философских наук, профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Андрей Вадимович Азов, стоявший у истоков традиции регулярного проведения конференции, начиная с 2008 года, положивший начало разработке её проблематики и отразивший её в названии, с которым конференция периодически проводится: «Философия и/или Новое интегративное знание?»

По результатам конференции издан восьмой сборник «Философия и/или новое интегративное знание».

Сообщение поступило в редакцию – 22.05.2023 г.

УДК 101

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_204_205

М.В. Максимов

ЮБИЛЕЙ В.С. СОЛОВЬЁВА В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

170-летний юбилей Вл.С. Соловьёва, выдающегося русского философа, поэта и публициста, в Ивановском государственном энергетическом университете был отмечен серией научных мероприятий. Внимание к личности и творчеству Вл.С. Соловьёва в нашем техническом университете не случайно: на протяжении многих лет здесь успешно работает учреждённый в 1999 г. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия Вл.С. Соловьёва (Соловьёвский семинар), с 2001 г. издаётся журнал «Соловьёвские исследования». И научный центр, и журнал приобрели широкую известность в российском и международном научном сообществах.

В числе юбилейных мероприятий – прошедшая в декабре межвузовская научная конференция студентов и молодых ученых «Наследие Вл.С. Соловьёва в контексте русской и зарубежной философии». А месяцем ранее – в преддверии Всемирного дня философии – состоялось открытие фотовыставки «Журнал “Соловьёвские исследования” в России и за рубежом», посвящённой презентациям этого авторитетного научного периодического издания в университетских и научных центрах России, Франции, Германии, Италии, Болгарии и других стран.

Максимов Михаил Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный редактор журнала «Соловьёвские исследования», руководитель Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Иваново). E-mail: mvmaximov@yandex.ru

Значительный интерес у студентов, аспирантов и преподавателей ивановских вузов вызвала книжная выставка «Владимир Сергеевич Соловьёв: наследие и наследники», подготовленная Соловьёвским центром и университетской библиотекой. На выставке были представлены многочисленные издания сочинений Вл.С. Соловьёва и исследовательская литература отечественных и зарубежных авторов XIX, XX и XXI вв. Среди представленных изданий — несколько десятков книг на французском, английском, немецком и японском языках. Особое место на выставке заняли семьдесят шесть выпусков журнала «Соловьёвские исследования» как живое свидетельство неугасающего интереса современных исследователей к наследию Вл.С. Соловьёва.

К 170-летию юбилею Вл.С. Соловьёва был приурочен выход в свет моей книги «Статьи, обзоры и рецензии, опубликованные в журнале “Соловьёвские исследования”». Библиографический указатель: 2001-2021 гг. Вып. 1-72» (СПб.: Алетейя, 2022. — 416 с.). Презентации книги состоялись в Библиотеке ИГЭУ, в Центральной универсальной научной библиотеке г. Иванова, в Петербурге в Социологическом институте РАН (филиале ФНИСЦ РАН), в Москве в «Доме А.Ф. Лосева».

Завершающим юбилейные мероприятия стал январский цикл моих бесед со студентами и аспирантами о жизни и творчестве Вл.С. Соловьёва «Мой гений — Соловьёв: к 170-летию со дня рождения». Темы бесед были посвящены философскому и литературному наследию Вл.С. Соловьёва, Соловьёвскому семинару и журналу «Соловьёвские исследования». Особый интерес и живое обсуждение вызвали темы «Мой гений — Соловьёв, или Соловьёв как философ моей жизни»; «“Ивановский дом Владимира Соловьёва”: философское и литературное наследие Вл.С. Соловьёва в ИГЭУ»; «“Я стыжусь, следовательно, существую как человек”»: нравственные императивы Вл.С. Соловьёва»; «История как оправдание добра: историософия и эсхатология Вл.С. Соловьёва»; «Праздники и будни Соловьёвского семинара: исследовательский центр в пространстве научной коммуникации»; «“Какое счастье быть читателем вашего журнала”»: журнал «Соловьёвские исследования» в интеллектуальной жизни России и зарубежья».

Сообщение поступило в редакцию — 04.02.2023 г.

2.2. Рецензии

С.М. Салтыков

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л.Е. БАЛАШОВА «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИКА»

Сразу признаюсь, что уже при прочтении первых страниц книги Л.Е. Балашова «Занимательная этика»¹ я был приятно удивлен неожиданным открытием. Судя по вступлению к основному тексту, автор, в первую очередь, позиционирует свою работу в качестве учебного пособия для старшеклассников и студентов, а также их учителей и преподавателей. Поэтому, приступая к её чтению, настроил себя на скучно-поучительный тон изложения и неизбежное присутствие конъюнктурных идейно-пропагандистских установок. Но ничего подобного!

И по форме, и по содержанию эта книга разительно отличается от всех прежних, ранее прочитанных мной по данной тематике. Автор нисколько не преувеличил и не приукрасил реальность, используя определение «занимательная» в её названии. Чтение действительно занимает и захватывает. Дочитав до конца, пришёл к неожиданному выводу, несколько отличающемуся не только от моей первоначальной читательской установки, но и упомянутой уже рекомендации автора.

Чтение этой книги будет не менее полезным также уже состоявшимся, взрослым людям с определённым багажом накопленных знаний и проверенного жизненного опыта. В этом пла-

Салтыков Сергей Михайлович, подполковник полиции в отставке (Нижний Новгород). E-mail: gpsm2412@gmail.com

¹ См.: *Балашов Л.Е.* Занимательная этика: учебное пособие / Л. Е. Балашов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2022. – 464 с.

не я и себя не посчитал исключением. На седьмом десятке лет, имея за плечами несколько ВУЗов гуманитарного профиля, долгие годы правоохранительной деятельности, богатый жизненный опыт и определённые убеждения в том, «что такое хорошо и что такое плохо», я искренне полагал, что современный образованный человек к моменту завершения формирования основных личностных качеств получает достаточный объём знаний о необходимых морально-этических требованиях и нормах нравственного поведения. Специальное образование по данному направлению необходимо лишь будущим воспитателям, педагогам, наставникам и руководителям.

Внимательно прочитав эту книгу, я признался сам себе, что многие мои морально-этические понятия и представления оказались очень «сырыми», недоосмысленными и весьма далёкими от истинных, «эталонных» понятий и суждений, приводимых её автором в качестве примеров высокой морали и нравственности. Много новых нюансов и тонкостей я узнал, казалось бы, о хорошо известных и уже сведённых с философских высот на обычный бытовой уровень понятиях: совесть, долг, мудрость, скромность, цинизм и др. Подкорректировал сложившиеся много лет назад представления о взаимосвязи и взаимозависимости принципов и законов морали и права. Я также узнал некоторые интересные суждения и оценки автора о взглядах известных мне философов и мыслителей прошлого — Сократа, Диогена Синопского, И. Канта, Ф. Ницше, Вл. Соловьёва.

Отдельно хотелось бы отметить устойчивую мировоззренческую позицию автора. Несмотря на прогрессирующую моду и явно выраженный запрос некоторой части нашего общества, он не стал торопливо «переобуваться» и менять свою позицию по отношению к религии и её притязаниям на монополизацию общественной сферы морали и этики.

Книга изобилует тщательно подобранными художественными и фотографическими иллюстрациями, а также доступными любому читателю схемами и таблицами. В конце текста есть интересный раздел с задачами по этике. Выборочно проверил себя на нескольких из них. Понял, что к некоторым главам и фрагментам книги полезно будет вернуться ещё не один раз.

И последнее! В конце книги размещено оригинальное и интересное приложение. Причем, интересно и полезно оно не только и не столько обычным читателям, но и всем категориям пишущих людей. Речь идет о богатой и объёмной подборке мыслей, цитат и высказываний выдающихся людей по темам, относящимся к морали и нравственности.

Автору — благодарность и признательность за труд, полученное удовольствие и ощутимую пользу от прочтения книги! Всем читателям рекомендую последовать моему примеру и познакомиться с ней.

Поступила в редакцию — 07.12.2022 г.

2.3. Поздравляем с юбилеем

ВИШЕВУ Игорю Владимировичу – 90 лет!

Вишеву Игорю Владимировичу 5 мая 2023 года исполнилось 90 лет. В 1958 г. он успешно окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Был распределён в Челябинский политехнический институт, ныне Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Учился в заочной аспирантуре на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Большую часть своей профессиональной жизни Игорь Владимирович посвятил преподавательской работе. Он прошел путь от ассистента в 1958 г. до профессора в 1991 г. С 2017 г. он – старший научный сотрудник НИУ «Южно-Уральский государственный университет».

В трудах профессора Вишева исследуются социально-философские, естественно-научные, нравственно-гуманистические и ценностные аспекты человеческой жизни с целью достижения практического бессмертия человека.

И.В. Вишев участвовал в четырёх Всемирных философских конгрессах: XIX (Москва, 1993); XXI (Стамбул, 2003), где был организован круглый стол на тему «Жизнь, смерть и бессмертие»; XXII (Сеул, 2008), на котором им был организован и проведён круглый стол по теме «Проблемы иммертологии – науки о бессмертии»; на XXIII (Афины, 2013), где он выступил с докладом «Античность в современности».

За время работы в университете Игорем Владимировичем было опубликовано более 550 работ. Из работ последнего времени можно назвать монографию «Философский материализм и его альтернатива о проблеме смерти и бессмертия человека» (Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2022. – 243 с.).

Игорь Владимирович – член Российского философского общества. Он неоднократно публиковался в Вестнике РФО. В 2022 г.

за выдающиеся заслуги перед отечественной философией и вклад в развитие РФО ему было присвоено звание «Почетный член Российского философского общества».

Поздравляем Игоря Владимировича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и творческого долголетия!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

ПИГРОВУ Константину Семеновичу – 85 ЛЕТ!

Пигрову Константину Семеновичу 19 мая 2023 г. исполнилось 85 лет! В 1963 г. он окончил Ленинградский кораблестроительный институт, работал инженером-исследователем в области автоматизации судовых силовых установок, хотя со школьных лет считал своим призванием философию.

Для многих Константин Семенович – не только человек, оказавший значительное влияние на социальную философию и философию творчества, но и философ повседневности, способный разглядеть за будничными делами глубокие смыслы. Его философские опыты нашли отражение в рукописном журнале «Сто страниц», дневнике «Шёпот демона», многочисленных книгах и творческих семинарах.

Константин Семенович – человек удивительно тонкого обаяния, притягивающий к себе подобно магниту. Обладая даром открывать талантливых людей, Константин Семенович «открыл» философскому миру большое количество талантливых мыслителей современности.

Поздравляем Константина Семеновича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и творческого долголетия!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

БИЛАЛОВУ Мустафе Исаевичу – 75 лет!

Билалову Мустафе Исаевичу 4 сентября 2023 г. исполняется 75 лет. Мустафа Исаевич является доктором философских наук, профессором. Он работает в Дагестанском госуниверситете с 1978 г., в 2000-2002 гг. – проректор по научной работе ДГУ, в 1997-2003 гг. – заведующий кафедрой философии, а в настоящее время – заведующий отделением философии. С 1997 г. – председатель диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по философским наукам. Под научным руководством М.И. Билалова стали кандидатами наук 13 аспирантов.

Мустафа Исаевич является бессменным председателем Дагестанского отделения Российского философского общества, членом Президиума РФО.

Он – Заслуженный деятель науки РД (1996 г.), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2001 г.). Редактор 5 научных сборников, автор 10 монографий и учебников, 170 научных статей и методических пособий по вопросам теории познания, философии образования и философии культуры.

Мустафа Исаевич был организатором ряда региональных, всесоюзных, российских и международных научных конференций, членом оргкомитетов II, III, IV Российских и участником Всемирных философских конгрессов, членом редколлегий нескольких научных сборников и периодических журналов «Каспийский регион: политика, экономика, культура (Астрахань)», «Вестник РФО», «Вестник ДГУ» и др.

М.И. Билалов имеет поощрения и благодарности по работе, в т.ч. 2 благодарности Минобразования РФ. За вклад в развитие отечественной философии дважды (2005, 2006) награжден Почетной грамотой Российского философского общества. В 2022 г. за выдающиеся заслуги перед отечественной философией и вклад в развитие РФО ему было присвоено звание «Почетный член Российского философского общества».

Поздравляем Мустафу Исаевича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, научных достижений и творческого долголетия!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

МАКСИМОВУ Михаилу Викторовичу – 70 лет!

Максимову Михаилу Викторовичу 17 мая 2023 года исполнилось 70 лет. С 1996 г. по настоящее время он работает в Ивановском государственном энергетическом университете. С 1999 по 2015 гг. – профессор, заведующий кафедрой философии ИГЭУ, с 2015 г. – профессор кафедры истории и философии ИГЭУ.

М.В. Максимов – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры истории, философии и права Ивановского государственного энергетического университета. Докторская диссертация «Историософия Вл.С. Соловьёва в отечественной и зарубежной философской мысли XX столетия» (1999 г.).

На протяжении многих лет Михаил Викторович является главным редактором журнала «Соловьёвские исследования» и руководителем Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара). Под руководством М.В. Максимова проведены многие российские и международные научные мероприятия, реализованы молодёжные проекты, связанные с исследованием наследия В.С. Соловьёва.

Личные качества юбиляра – неиссякаемое трудолюбие, интеллигентность и отзывчивость – высоко ценятся коллегами по научной и преподавательской работе.

Президиум РФО, редколлегия журнала «Вестник РФО» сердечно поздравляют Михаила Викторовича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, огромного человеческого счастья и дальнейших успехов в творческой деятельности!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

КУРНОСОВУ Юрию Васильевичу – 70 лет!

Доктору философских наук, профессору Курносову Юрию Васильевичу исполнилось 70 лет. Юрий Васильевич – выпускник Высшего пограничного военно-политического училища и Военно-политической академии им. В.И. Ленина, полковник в отставке, государственный советник Российской Федерации 1-го класса, действительный член Академии военных наук Российской Федерации. Член Союза писателей России, вице-президент Академии геополитических проблем. С 2015 года руководит проектом «Русская аналитическая школа» (РАШ). Специалист в областях государственного управления, информационно-аналитической работы и национальной безопасности.

Ю.В. Курносов – автор более десяти монографий по теории и практике аналитической работы в сфере государственно-муниципального управления и обеспечения безопасности, главный редактор научного альманаха «Аналитика на службе Отечества».

Поздравляем Юрия Васильевича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, высоких научных достижений и творческого долголетия!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

ЗОЛКИНУ Андрею Львовичу – 60 лет!

Поздравляем с юбилеем члена РФО, доктора философских наук, профессора Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Золкина Андрея Львовича!

Андрей Львович – выпускник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, научный редактор международного журнала «Социально-гуманитарное обозрение», специалист в области истории философии, философии культуры и философии права, автор многочисленных монографий и учебников по различным направлениям философской науки.

Желаем Андрею Львовичу крепкого здоровья, новых научных достижений и творческих успехов!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

КОГАЙ Евгении Анатольевне – 60 лет!

Поздравляем с юбилеем председателя Курского отделения РФО, члена Президиума Российского философского общества, доктора философских наук, профессора Когай Евгению Анатольевну!

Евгения Анатольевна заведует кафедрой социологии Курского государственного университета, руководит научно-исследовательской социологической лабораторией, возглавляет диссертационный совет по философии, является членом Общественной палаты Курской области. В её научном арсенале свыше 370 публикаций по философии, социологии, социальной экологии, футурологии, развитию гражданского общества, проблемам социокультурного развития России.

Желаем Евгении Анатольевне крепкого здоровья, научных достижений и творческих успехов!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

2.4. Памяти коллег

ХАСБУЛАТОВ РУСЛАН ИМРАНОВИЧ (1942-2023)

3 января 2023 г. на 81 году жизни скоропостижно скончался Руслан Имранович Хасбулатов.

Он родился 22 ноября 1942 г. в Грозном, происходит из тейпа Харачой. После депортации чеченцев был переселён в Казахстан, где прошли его детство и юность.

В 1965 году Руслан Имранович окончил юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «Правоведение», затем очную аспирантуру и докторантуру университета. В 1981 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию по экономике. С 1978 года работал в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова, с 1994 года — заведующий кафедрой мировой экономики этого вуза.

В марте 1990 г. Р.И. Хасбулатов был избран народным депутатом РСФСР от Грозненского национально-территориального избирательного округа. С июня 1990 г. по октябрь 1991 г. он — первый заместитель председателя, с июля 1991 г. — и.о. председателя, с октября 1991 г., председатель Верховного Совета РСФСР. Сыграл важную роль в провале «августовского путча» 1991 г.

4 октября 1993 г. после расстрела из танков Дома Советов, где находился Верховный Совет и проходил X (чрезвычайный) съезд народных депутатов, Хасбулатов был задержан и помещён в следственный изолятор «Лефортово». Ему было предъявлено обвинение в организации массовых беспорядков. В феврале 1994 г. был освобождён из-под стражи по амнистии Госдумы.

Р.И. Хасбулатов — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН (отделение общественных наук), член Российского философского общества, член Российской академии естественных наук, член Российской академии технологических наук, заведующий кафедрой мировой эконо-

мики ГОУ ВПО «РЭУ имени Г. В. Плеханова», почетный доктор Бар-Иланского университета, почетный доктор Каирского университета, почетный доктор Болонского университета, видный политический деятель, последний председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Имранович Хасбулатов.

Научно-теоретическую исследовательскую деятельность Руслан Имранович успешно сочетал с научно-организационной, педагогической и общественной работой. Какой бы научный или политический пост Р.И. Хасбулатов ни занимал, он всегда связывал свою деятельность с решением общенациональных российских проблем.

Известный ученый, человек широчайшего кругозора, редкой эрудиции, интересных философских взглядов, Р.И. Хасбулатов является автором более 800 научных и публицистических работ в России и за рубежом (в Австрии, Индии, Египте, Великобритании, США, Японии, Франции, Германии, Сербии и других странах). Свои исследования Р.И. Хасбулатов осуществлял на базе сотрудничества и взаимодействия с российскими и зарубежными учёными, заинтересованными государственными учреждениями и общественными организациями. Руслан Имранович интересовался деятельностью РФО, всегда оформлял подписку на журнал «Вестник РФО» и получал журнал по своему домашнему адресу.

Ряд научно-публицистических работ Хасбулатова Р. И. последних десятилетий вызвал большой резонанс в российском и мировом научном сообществе, в т.ч.: «Гибель империи или уход из цивилизации?» (1998); «Эпоха США: технология доминирования и упадка» (2000); «Сказки про реформы» (2004); «Оптимальность экономической системы и социальные функции государства» (2005); «Преступный режим: “Либеральная тирания” Ельцина» (2011); «Иллюзия величия: Катастрофа лидерства» (2012) и др. Их обсуждение необходимо для философского осмысления прошлого, настоящего и будущего развития нашей страны и всего мира.

Президиум РФО и члены первичной организации РФО РЭУ имени Г.В. Плеханова, скорбят по случаю кончины активного члена РФО Руслана Имрановича Хасбулатова и выражают соболезнование его родным и близким.

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

САМСИН АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1923-2023)

10 января 2023 г. в возрасте 99 лет ушел из жизни Алексей Иванович Самсин – кандидат философских наук, профессор кафедры философии РЭУ имени Г.В. Плеханова, Заслуженный работник Высшей школы РФ, постоянный член РФО, председатель Совета ветеранов Войны и труда Российского экономического университета.

Алексей Иванович родился 17 марта 1923 г. в деревне Ариино Орехово-Зуевского района Московской области. После окончания средней школы он пошёл на фронт, отучившись в дивизионной школе. Получил звание сержанта и был направлен под город Ржев, где участвовал в кровопролитных боях. Был тяжело ранен. Награжден боевым орденом Отечественной войны I степени и медалью «За отвагу».

Почти 70 лет трудовая деятельность Алексея Ивановича связана с РЭУ имени Г.В. Плеханова. Профессор до последнего дня активно работал на научном поприще, им написаны учебники и монографии по философии, философии науки и религиозоведению, один из первых учебников по философии экономики. Его труды неоднократно переиздавались.

Алексей Иванович всегда был деятелен, отличался активной жизненной позицией и ярко проявлял себя во всех формах вузовской жизни. Являясь участником исторических событий, он с энтузиазмом занимался патриотическим воспитанием молодого поколения. В 2019 г. Указом Президента РФ награждён государственной наградой «Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени». Пользовался неизменным уважением у студентов и аспирантов, заслуженным авторитетом у коллег.

Президиум РФО и философское сообщество РЭУ имени Г.В. Плеханова скорбят о большой потере и выражают искренние соболезнования семье и близким.

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

ДЕМИДЕНКО ЭДУАРД СЕМЕНОВИЧ (1937-2023)

Коллектив Брянского отделения Российского философского общества и Брянского государственного технического университета с прискорбием сообщает о кончине 19 мая 2023 г. выдающегося ученого, философа, почётного члена РФО, основателя Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенных исследований при БГТУ Эдуарда Семеновича Демиденко.

Эдуард Семенович Демиденко – доктор философских наук, профессор Брянского государственного технического университета в 2002-2019 гг. Социальный философ, футуролог, социолог-урбанист, специалист по методологии социального познания, урбанизации и техносферизации мира, президент Международной Академии общественного развития, член других российских и зарубежных академий и общественных организаций.

Эдуард Семенович стоял у истоков восстановления деятельности Брянского отделения Российского философского общества, являясь его председателем в 2002-2007 гг., и воспитал достойную смену молодых докторов и кандидатов философских наук.

Исследования Э.С. Демиденко позволили ему создать концепцию социально-техногенного развития мира и жизни, выявить глобальные тренды перехода человечества и окультуренной им биоты из биосферы в техносферу, а также наметить основные пути сохранения биосферной жизни. Он создал в Дубне русскоязычный социально-информационный проект «Всемирная Информ-Энциклопедия», направленный на формирование здорового образа жизнедеятельности людей и защиту биосферы.

Э.С. Демиденко имеет свыше 330 трудов, в т.ч. 10 монографий.

Долгая трудовая и научная деятельность Эдуарда Семёновича отмечена медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд». Он удостоен почетных званий РАН «Заслуженный деятель науки и техники» и «Основатель научной школы», становился 8 раз лауреатом российских конкурсов научных работ. В 2022 г. за выдающиеся заслуги перед отечественной философией и вклад в развитие РФО ему было присвоено звание «Почетный член Российского философского общества».

Президиум РФО, редколлегия журнала «Вестник РФО», Брянское отделение РФО, коллектив Брянского государственного технического университета глубоко скорбят о безвременной утрате друга, соратника, учителя, выдающегося педагога, наставника и выражают искренние соболезнования семье, родным, друзьям и близким Эдуарда Семеновича.

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

2.5. Информация для членов РФО

Решения Президиума РФО 15.02.23:

Присутствовали на заседании:

Члены Президиума РФО: А.В. Смирнов (президент), А.А. Гусейнов (вице-президент), В.С. Диев (вице-президент), Б.В. Марков (вице-президент), Ю.М. Резник (вице-президент), Н.С. Чижков (главный ученый секретарь), Ф.Е. Ажимов, И.С. Бакланов, В.Ю. Бельский, М.И. Билалов, М.А. Богатов, Д.К. Богатырев, В.В. Васильев, И.И. Докучаев, Г.В. Драч, Н.С. Кирабаев, Е.А. Когай, А.П. Козырев, В.В. Колотуша, С.Ю. Колчигин, А.Д. Королев, Е.И. Коростиченко, Е.В. Кудряшова, Н.В. Кузнецов, И.К. Лисеев, Б.И. Пружинин, Р.В. Светлов, М.В. Силантьева, С.Б. Токарева, М.Д. Щелкунов. Итого: 30 чел.

Кворум для принятия решений имеется: присутствовало 30 из 38 избранных членов Президиума РФО.

Приглашённые члены РФО: Т.В. Бернюкевич, С.В. Бутенко.
Итого присутствовало на заседании: 32 чел.

Повестка дня:

1. Отчёт о финансово-хозяйственной деятельности РФО за период с 1 января по 31 декабря 2022 г. *Сообщения вице-президента РФО, проф. Ю.М. Резника и председателя Ревизионной комиссии, проф. Т.В. Бернюкевич.*

2. Динамика доходов и расходов РФО в 2020-2023 гг., и Смета РФО на 2023 г. *Сообщения проф. Ю.М. Резника и председателя Ревизионной комиссии, проф. Т.В. Бернюкевич.*

3. Отчёт о выполнении плана работы Президиума РФО за период с 1 января по 31 декабря 2022 г. *Сообщение вице-президента, проф. Ю.М. Резника.*

4. О плане работы Президиума РФО на 2023 г. *Сообщение проф. Ю.М. Резника.*

5. О работе с целевыми проектами. *Сообщение проф. Ю.М. Резника.*

6. Разное (оргвопросы). *Сообщение акад. А.В. Смирнова.*

По первому вопросу «Отчёт о финансово-хозяйственной деятельности РФО за период с 1 января по 31 декабря 2022 г.»

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, исполнительного директора РФО, проф. Ю.М. Резника, а также выступление председателя Ревизионной комиссии, проф. Т.В. Бернюкевич, Президиум РФО постановляет:

1.1. Принять к сведению сообщение Ю.М. Резника о финансово-хозяйственной деятельности РФО за 2022 г.

1.2. Утвердить Отчёт о финансово-хозяйственной деятельности РФО за 2022 г. с учетом замечаний Ревизионной Комиссии РФО.

Голосовали: *единогласно*.

По второму вопросу **«Динамика доходов и расходов РФО, и Смета РФО на 2023 г.»**

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, исполнительного директора РФО, проф. Ю.М. Резника и председателя Ревизионной комиссии, проф. Т.В. Бернюкевич, Президиум РФО постановляет:

2.1. Принять к сведению информацию Ю.М. Резника о динамике доходов и расходов РФО в 2020-2023 гг.

2.2. Утвердить финансовую смету РФО на 2023 г. с учётом предложений Ревизионной Комиссии РФО.

Голосовали: *единогласно*.

По третьему вопросу **«Отчёт о работе Президиума РФО за период с 1 января по 31 декабря 2022 г.»**

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, исполнительного директора РФО, проф. Ю.М. Резника, Президиум РФО постановляет:

3.1. Утвердить Отчёт о работе Президиума РФО за период с 1 сентября по 31 декабря 2022 г.

Голосовали: *единогласно*.

По четвёртому вопросу **«О плане работы Президиума РФО в 2023 г.»**

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, исполнительного директора РФО, проф. Ю.М. Резника, Президиум РФО постановляет:

4.1. Утвердить План работы Президиума РФО на 2023 г. с учетом высказанных предложений (прилагается).

Голосовали: *единогласно*.

По пятому вопросу **«О работе с целевыми проектами»**

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, исполнительного директора РФО, проф. Ю.М. Резника, Президиум РФО постановляет:

5.1. Принять к сведению информацию проф. Ю.М. Резника о целевых проектах РФО;

5.2. Утвердить примерный список участников и координаторов целевых проектов РФО;

5.3. Утвердить состав Координационного совета по целевым проектам РФО.

Голосовали: *единогласно*.

По шестому вопросу «**Разное (оргвопросы)**»

Заслушав и обсудив сообщение президента РФО, акад. А.В. Смирнова, Президиум РФО постановляет:

6.1. Утвердить акад. А.В. Смирнова сопредседателем Редакционного совета журнала «Вестник РФО», а проф. Ю.М. Резника главным редактором данного журнала.

Голосовали: *единогласно*.

6.2. Утвердить С.В. Бутенко помощником вице-президента РФО, проф. Ю.М. Резника.

Голосовали: *единогласно*.

6.3. Присвоить гриф РФО научному альманаху «Вопросы социальной теории» (отв. редактор, проф. Ю.М. Резник).

Голосовали: *единогласно*.

6.4. Освободить от обязанностей члена Президиума РФО Салихова Гафура Губаевича по его собственному желанию.

Голосовали: *единогласно*.

Президиум РФО

Решения Президиума РФО 12.04.23:

Присутствовали на заседании:

Члены Президиума РФО: А.В. Смирнов (президент), А.А. Гусейнов (вице-президент), В.С. Диев (вице-президент), В.А. Лекторский (вице-президент), Б.В. Марков (вице-президент), Ю.М. Резник (вице-президент), Н.С. Чижков (главный учёный секретарь), Ф.Е. Ажимов, И.С. Бакланов, В.Ю. Бельский, М.И. Билалов, В.В. Васильев, Г.В. Драч, Е.А. Когай, А.П. Козырев, В.В. Колотуша, С.Ю. Колчигин, А.Д. Королев, Е.В. Кудряшова, Н.В. Кузнецов, И.К. Ли-

сеев, Н.В. Попкова, О.Ф. Русакова, Р.В. Светлов, М.В. Силантьева, С.Б. Токарева, М.Д. Щелкунов. Итого: 27 чел.

Кворум для принятия решений имеется: присутствовало 27 из 37 избранных членов Президиума РФО.

Приглашённые члены РФО: С.В. Бутенко, помощник вице-президента РФО.

Итого присутствовало на заседании: 28 чел. Принимало участие в голосовании: 27 чел.

Повестка дня:

1. О подготовке IX Российского философского конгресса. *Сообщения проф. Р.В. Светлова и проф. Ю.М. Резника.*

2. Разное.

По первому вопросу «О подготовке IX Российского философского конгресса»

Заслушав и обсудив сообщение проф. Р.В. Светлова и проф. Ю.М. Резника Президиум РФО постановляет:

1.1. Определить дату проведения IX РФК – 29-31 мая 2025 г. Голосовали: единогласно.

1.2. Принять в качестве рабочего названия IX РФК следующую формулировку: «Философия в контексте современных вызовов».

Голосовали: *единогласно.*

1.3. Утвердить состав Организационного и Программного комитетов IX РФК (списки прилагаются).

Голосовали: единогласно.

1.4. Утвердить состав Рабочей группы IX РФК (на весь период подготовки и проведения конгресса). Соруководители группы: Ю.М. Резник, Р.В. Светлов. Члены группы: В.С. Диев, В.А. Чалый, Н.С. Чижков, В.В. Балановский, Д.А. Шмелев, С.В. Бутенко.

Голосовали: *единогласно.*

1.5. Рекомендовать Оргкомитету IX РФК установить организационные взносы для участников IX РФК, являющихся членами РФО, в размере 1000 руб., и 2000 руб. для участников, не являющихся членами РФО. *Ответственные: члены Президиума РФО – руководители Оргкомитета IX РФК.*

Голосовали: *единогласно.*

1.6. Просить ректора Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта открыть отдельный счет для сбора организационных взносов (в течение года). *Ответственный: Р.В. Светлов.*

Голосовали: *единогласно.*

1.7. Поручить Рабочей группе конгресса сформировать примерную смету IX РФК и представить её на утверждение Оргкомитета до 1 октября 2023 г. *Ответственные: Ю.М. Резник и Р.В. Светлов.*

Голосовали: *единогласно.*

1.8. Контроль над выполнением сметы и расходованием средств конгресса возложить на Оргкомитет IX РФК (на весь период подготовки и проведения конгресса). *Ответственные: руководители Оргкомитета и Программного комитета IX РФК.*

Голосовали: *единогласно.*

1.9. Провести работу по созданию официального сайта IX РФК (в течение года). *Ответственный: Р.В. Светлов.*

Голосовали: *единогласно.*

По второму вопросу «**Разное**»

Заслушав и обсудив сообщение проф. Ю.М. Резника о ходе реализации целевых проектов РФО, а также предложение С.В. Бутенко по проведению философской олимпиады Президиум РФО постановляет:

2.1. Принять к сведению информацию Ю.М. Резника и С.В. Бутенко.

2.2. Сосредоточить основное внимание на разработке целевых проектов, получивших наибольшую поддержку коллег (в течение года). *Ответственные: Координационный совет по целевым проектам РФО.*

Голосовали: *единогласно.*

2.3. Провести предметную олимпиаду по философии для студентов средних профессиональных образовательных учреждений г. Москвы в рамках празднования Всемирного дня философии (ноябрь 2023 г.). *Ответственные: аппарат Президиума РФО (Ю.М. Резник, Н.С. Чижков, С.В. Бутенко), руководители Московского отделения РФО.*

Голосовали: *единогласно.*

2.4. Разработать и осуществить комплекс мероприятий по привлечению к участию в деятельности РФО преподавателей философии средних профессиональных образовательных учреждений России (в течение года). *Ответственные: аппарат Президиума РФО, руководители отделений РФО. Голосовали: единогласно.*

Президиум РФО

Решения Оргкомитета VIII РФК 25-26.02.23:

Присутствовали на заседании (онлайн):

Члены Оргкомитета конгресса: А.В. Смирнов (президент РФО, сопредседатель Оргкомитета), А.П. Козырев (член Президиума РФО, сопредседатель Оргкомитета), А.Ю. Антоновский (зам. председателя Оргкомитета), Т.А. Вархотов (зам. председателя Оргкомитета), Ю.М. Резник (вице-президент РФО, заместитель сопредседателя Оргкомитета), Ф.Е. Ажимов (член Президиума РФО), И.С. Бакланов (член Президиума РФО, В.В. Балановский, Д.А. Бегчин, Т.В. Бернюкевич, М.И. Билалов (член Президиума РФО), И.И. Докучаев (член Президиума РФО), Е.А. Когай (член Президиума РФО), В.В. Колотуша (член Президиума РФО), В.А. Конев, А.Д. Королев (член Президиума РФО), А.А. Костикова, Н.В. Кузнецов (член Президиума РФО), И.К. Лисевев (член Президиума РФО), Т.Г. Лешкевич (член Президиума РФО), Б.В. Марков (вице-президент РФО), Т.П. Покровская (член Президиума РФО), Ю.В. Пущаев, Р.Ф. Русакова (член Президиума РФО), Р.В. Светлов (член Президиума РФО), Н.А. Степанов, Е.Ш. Ташлинская, С.Б. Токарева (член Президиума РФО).

Члены Программного комитета конгресса: А.А. Гусейнов (вице-президент РФО, председатель Программного комитета VIII РФК), В.А. Лекторский (вице-президент РФО, сопредседатель Программного комитета VIII РФК), В.С. Диев (вице-президент РФО, заместитель председателя Программного комитета VIII РФК), Н.С. Чижков (уч. секретарь комитета, главный ученый секретарь РФО).

Итого: 32 чел.

Приглашённые члены РФО: помощник вице-президента РФО С.В. Бутенко.

Кворум для принятия решений имеется.

Всего участвовало в голосовании 32 чел.

Повестка дня:

1. Об утверждении отчёта о выполнении сметы VIII РФК в 2022 г. *Сообщение вице-президента РФО, проф. Ю.М. Резника.*

2. О распределении средств VIII РФК, оставшихся на счете конгресса в РФО на 01.01.2022 г.

3. О прекращении полномочий Оргкомитета VIII РФК и передаче обязанностей по организации IX РФК Балтийскому федеральному университету имени Иммануила Канта (отв. — проф. Р.В. Светлов).

Сообщение вице-президента РФО, проф. Ю.М. Резника.

По первому вопросу «Об утверждении отчета о выполнении сметы VIII РФК в 2022 г.»

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, заместителя сопредседателя VIII РФК, проф. Ю.М. Резника Оргкомитет VIII РФК постановляет:

1. Утвердить отчёт о выполнении сметы VIII РФК в 2022 г.

Голосовали: «за» — 32, «против» — нет, «воздержавшихся» — нет.

Решение принято единогласно.

По второму вопросу «О распределении средств VIII РФК, оставшихся на счёте конгресса в РФО на 01.01.2022 г.»

Заслушав и обсудив предложения вице-президента, заместителя сопредседателя VIII РФК, проф. Ю.М. Резника Оргкомитет VIII РФК постановляет:

2. Направить остаток средств на счете VIII РФК в РФО на следующие цели:

- на публикацию расширенных материалов участников Конгресса в журнале «Вестник РФО» — 300000 руб.;

- на выпуск второго издания сборника избранных трудов «Философия в полицентричном мире» (30 экз.) — 33000 руб.;

- на материальное поощрение заместителя председателя Оргкомитета VIII РФК, доцента Т.А. Вархотова и группы редакторов сборника тезисов конгресса (пять томов) — 210000 руб.

Голосовали: «за» — 27, «против» — 2 (против пункта «выпуск второго издания сборника избранных трудов»), «воздержавшихся» — 3 (два чел. по пункту «выпуск второго издания сборника», один — по пункту «материальное поощрение»).

Решение принято большинством голосов.

По третьему вопросу **«О прекращении полномочий Оргкомитета VIII РФК и передаче обязанностей по организации IX РФК Балтийскому федеральному университету имени Иммануила Канта (отв. проф. Р.В. Светлов)»**

Заслушав и обсудив сообщение вице-президента, заместителя сопредседателя VIII РФК, проф. Ю.М. Резника Оргкомитет VIII РФК постановляет:

3.1. Прекратить полномочия членов Оргкомитета VIII РФК в связи с проведением конгресса и окончанием организационно-финансовых обязательств.

3.2. Просить профессора Светлова Романа Викторовича подготовить предложения по организации IX РФК, в т.ч. по составу руководящих органов конгресса (Оргкомитета и Программного комитета) и структуре Программы конгресса.

Голосовали: «за» — 32, «против» — нет, «воздержавшихся» — нет.

Решение принято единогласно.

*Сопредседатели Оргкомитета VIII РФК:
А.В. Смирнов, А.П. Козырев*

CONTENTS

PHILOSOPHY IN MODERN RUSSIA (EDITOR COLUMN)

Reznik Yu.M. (Moscow) The Philosophical elite in modern Russia:
on the way to consolidation 5
Shevchenko V.N. (Moscow) What kind of philosophy
does Russia need today? 48

1. SCIENTIFIC REPORTS

1.1. Ontology and theory of knowledge. Logics

Argamakova A.A. (Moscow) The value of subjective knowledge 78
Bilalov M.I. (Makhachkala) Methodological role of philosophical
ontology and epistemology in Islamic theology 92

1.2. Philosophical Anthropology and Practical Philosophy

Bocharnikov V.N. (Vladivostok) Philosophy in search
of the human code 101
Perov R.S. (Moscow) Human need for creativity
in the postmodern world 112

1.3. Philosophy of Science and Technology

Sedov V.V. (St. Petersburg) The concept of the “New lost generation”
as a philosophical idea of digital transformation of society 121

1.4. Philosophy of culture and education

Kudinova K.S. (Moscow) L.N. Tolstoy’s philosophical and historical
concept in the novel “War and Peace” 136
Malyukova O.V., Matronina L.F. (Moscow) Digitalization
as a challenge to Russian education 149

1.5. Essays

Vasiliev A.I. (Saint Petersburg) Experience of complex
interdisciplinary system studies of social development 165
Kulev A.V. (Saint Petersburg) About freedom and non-freedom
in everyday life 169

1.6. In the order of discussion

Nikandrov A.V. (Moscow) Soviet “State Marxism”
as an ideological system 175

2. INFORMATION AND ANALYTICAL MATERIALS

2.1. Scientific life

- Dergacheva E.A. (Bryansk)* Round table “University pedagogy and economics on the preservation and strengthening of biosphere life” in the Bryansk Regional Library 194
- Kudrina S.A. (Yaroslavl)* Modern approaches to the relationship between philosophy and new integrative knowledge 197
- Maksimov M.V. (Ivanovo)* Anniversary of V.S. Solovyov at the Ivanovo State Energy University 204

2.2. Reviews

- Saltykov S.M. (Nizhny Novgorod)* Review of L.E. Balashov’s book “Educational Ethics” 206

2.3. Congratulations on the anniversary

- Vishev Igor Vladimirovich – 90 years old! 209
- Pigrov Konstantin Semenovich – 85 years old! 210
- Bilalov Mustafa Isaevich – 75 years old! 211
- Maximov Mikhail Viktorovich – 70 years old! 212
- Kurnosov Yuri Vasilyevich – 70 years old! 213
- Zolkin Andrey Lvovich – 60 years old! 213
- Kogai Evgeniya Anatolyevna – 60 years old! 214

2.4. The memory of colleagues

- Ruslan Imranovich Khasbulatov (1942-2023) 215
- Aleksey Ivanovich Samsin (1923-2023) 217
- Demidenko Eduard Semenovich (1937-2023) 218

2.5. Information for members of the Russian Philosophical Society

- Decisions of the Presidium of the Russian Philosophical Society 220
- Decision of the Organizing Committee of the IX Russian Philosophical Congress 225
- Contents (in English) 228

ISSN 1606-6251

Сайт Российского философского общества
<https://рфо.рус>

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА. 2023. Вып. 1-2 (103-104). – М.: РФО, 2023. – 232 с.

Свидетельство о регистрации в Государственном Комитете Российской Федерации по печати № 016777 от 06 ноября 1997 г.

Юридический адрес Президиума РФО:
119002, Москва, Смоленский бульвар, д. 20

Банковские реквизиты для денежных переводов:
Получатель: Российское философское общество
ИНН 7704169045, КПП 770401001
Наименование банка: ПАО Сбербанк
Р/с 40703810338000017062, БИК 044525225,
Кор. счет 30101810400000000225

Главный редактор – д.филос.н., проф. Ю.М. Резник
Тел. редакции: +7 (495) 697-94-89.
Компьютерная верстка – М.В. Николаев

E-mail: vestnik@rfo1971.ru
Адрес в Internet: <https://рфо.рус>

Подписано в печать 28.07.2023 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 14,5. Тираж 500 экз.
Заказ 14517.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист» 109316,
г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
«Технополис Москва». www.onebook.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
